

НОВОЕ ВРЕМЯ

июль 1991

Как
найти
работу
на Западе?

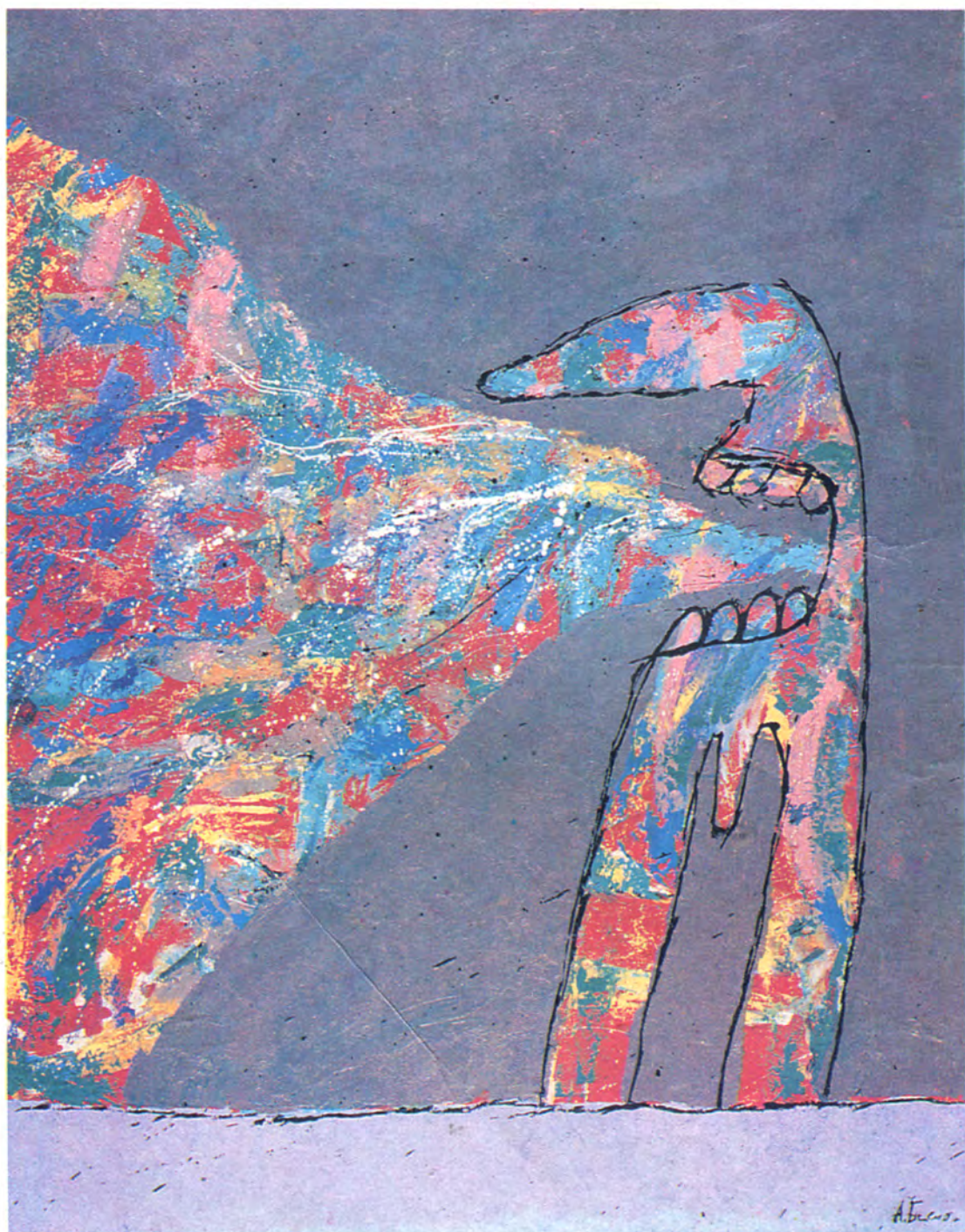
28

Цена 60 коп.
Индекс 70621

ОМОН

ISSN 0137 - 0723

АНДРЕЙ БИЛЬЖО

Читайте в этом номере:**СТРАНА**

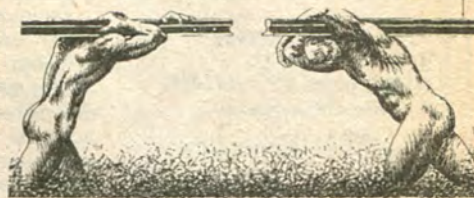
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ <i>Г. Ариевич, И. Лагунина, Т. Лехто</i> ОМОН	4
ЭКОНОМИКА <i>М. Малей</i> КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН РОССИИ СКОРО ПОЛУЧИТ АКЦИИ	9
МЫСЛИ ВСПЛУХ <i>С. Соловейчик</i> ПАРТИЯ УМНЫХ ЛЮДЕЙ	12
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>С. Благоволин</i> ЕСЛИ БЫ ПЕРВАЯ БОМБА БЫЛА У СТАЛИНА...	15

МИР

ЮГОСЛАВИЯ <i>Г. Сысоев</i> НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ	18
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Г. Сидорова</i> ТАНКИ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ УЛИЦЕ	20
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА <i>П. Кандель</i> МЕЖДУ БЕЛГРАДОМ И ВИЛЬНЮСОМ	21
МЫ И МИР <i>К. Плешаков</i> ИНВЕСТИЦИИ В РЕФОРМЫ	23
США <i>Е. Русаков</i> ЕСЛИ ТЫ СМОГ В НЬЮ-ЙОРКЕ...	24
ДИАЛОГИ НА ЮГЕ АФРИКИ <i>А. Пумпянский, Н. Решетняк</i> ПОРЯДОК И ДЕМОКРАТИЯ	27
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ <i>И. Руденко</i> ВМЕСТО БАРХАТА – РАБОЧИЙ КОМБИНЕЗОН	30

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>В. Абрамкин, В. Чеснокова, В. Куприянов</i> ТЮРЕМНЫЕ КАСТЫ	32
МИГРАЦИЯ <i>К. Исаков</i> РАБОТА ЗА ГРАНИЦЕЙ ЕСТЬ. ИЩИТЕ!	36
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ЖАРКОЕ ЛЕТО 1991 ГОДА	39
ПОЧТА «НВ» <i>Зан Ден</i> ПОСОЛЬСТВО ВЕДЕТ СЛЕДСТВИЕ	40
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>П. Струве</i> РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ	42
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>И. Елистратов</i> ДЕД-БУДЕНОВЕЦ И ЗЯТЬ-КАДЕТ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ганюшкин</i> ПОЧЕМ НЫНЧЕ ВАЛЕНКИ В ЕВРОПЕ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Демократическая партия
должна быть создана

Стр.12

Возвращение в «Город Желтого
Дьявола»

Стр.24

Жестокий мир за колючей
проволокой

Стр.32

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

**Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,**

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Я один из тех, кому судьбой и нашей государственной системой суждено было стать на 2 года военным строителем.

Пишу вам под впечатлением статьи Ильи Герола «Нужно ли рыть окопы в своем доме?» (№ 18/91). Действительно, генералы должны звенеть медалями на парадах, а не на трибунах митингов. Вот генерал Макашов пожелал стать президентом. Ставку в своей политической борьбе сделал, конечно, на армию. Во время референдума об учреждении поста президента РСФСР руководство армии добивалось, чтобы военнослужащие голосовали «против». Из Самары по военно-бюрократическим каналам потекли указания добиться отрицательного результата референдума в войсках.

Засуетились политотделы, забегали политработники с большими звездами, читая проповеди о ненужности президентского поста. Провал референдума был в их глазах реальным способом остановить наиболее вероятного претендента на пути к президентскому креслу. Как известно, результат референдума оказался положительным. Неунывающий генерал моментально поменял стратегию.

В наш военно-строитель-

ный отряд были привезены готовые бланки для «сбора подписей избирателей в поддержку кандидата в Президенты РСФСР Макашова Альберта Михайловича, 1938 года рождения, командующего войсками Приволжско-Уральского военного округа, выдвинутого собранием офицеров штаба и управления ПУРВО г. Самары». Поступило и устное распоряжение командования: собрать под данной петицией такое-то количество подписей. Правда, указанная цифра на добрую сотню душ превышала количество личного состава отряда. Что делать? Идти в город уговаривать гражданских людей. Срок исполнения поставленной задачи — сутки. Многие офицеры восприняли эту авантюру как приказ и проявили максимум усердия. Слава богу, что такие полковники составляют небольшой процент населения России.

О. Воронов

Свердловская область

■ Безнадежно глух, как известно, тот, кто не хочет слышать. В таком именно положении находится часть наших средств массовой информации, выступающей под флагом «защиты социалистического выбора», не желая слышать о трагедии жителей армянских сел Азербайджана.

Издавая, ратующие за примат общечеловеческих ценностей, в данном вопросе встали на позиции известной в дореволюционной России своей беспринципностью суворинской газеты «Новое время», которая еще 100 лет назад распространяла самые дикие суждения по армянскому вопросу.

Хотя крики невинных жертв и были заглушены ревом танков, громом пушек и взрывами ракет, они были услышаны за пределами Азербайджана. И среди тех, кто их услышал, журнал «Новое время».

Возможно, кому-то статья М. Шакиной (№ 19/91) и покажется излишне сдержанной. Однако можно понять сдержанность политического обозревателя в столь сложном вопросе. Труднее понять позицию тех, кто пытается оправдать насилие над мирным населением, игнорируя при этом очевидные факты.

...В разгар травли Михаилом Катковым подвластных России народов император Александр II посчитал необходимым указать «защитнику» империи на недопустимость подобного поведения. Император сказал, что не надо колоть глаза происхождением. Верными подданными могут быть представители любой национальности.

Возрождение моего села зависит от немцев

■ Мое село родное Усть-Золыха становится всемирно известным. Фотографию разрушенной лютеранской церкви, расположенной здесь, вы опубликовали как иллюстрацию к материалу К. Исакова о съезде немцев Поволжья (№ 10/91).

Я русский, был привезен в это село родителями сразу после войны, здесь прошли мое детство и юность. Навсегда осталось огромное уважение к немецкому народу. Я играл среди остатков садов, плантаций, созданных когда-то немцами, по развалинам немецких построек еще мог судить об их былой доброте. Оценил удобную и практичную планировку села, составил представление о жизни его прежних обитателей.

Все построенное здесь разрушается, но следы немецкой цивилизации неистребимы. То новое, что мы, пришельцы, создавали на нами же созданных развалинах, дает возможность сравнить — результат не в нашу пользу. Мое село в упадке, мало что осталось от благо-

устроенных улиц: разве что скорбные холмы на местах разрушенных построек. Садов не осталось совсем... Жизнь по-прежнему не устроена. Новое строительство ведется как попало. Мои незадачливые земляки умудрились одну улицу загнать в подтопляемое место (нашли же такое в сухой степи!), а другую пустили по старому кладбищу (и это когда кругом знаменитые саратовские просторы!).

Живут в селе люди случайные. Много пожилых, которым некуда ехать, молодые же стремятся к готовому благополучию, уезжают в другие места.

Но это — моя Родина, я не прочь вернуться сюда. Но связываю это возвращение с возвращением сюда немцев. Только с их помощью можно возродить это некогда богатое и красивое село, да и край в целом. При этом выиграет и местное население. Но сейчас оно не имеет своего собственного мнения о возвращении немцев, находясь

Генералы должны звенеть медалями на парадах, а не на митингах

За сто лет «Новое время» сильно изменилось...

Советы цеховского эконома

...В разгар армянского кризиса 90-х годов прошлого века турецкий султан, чтобы выглядеть в глазах Европы гуманным монархом, разыграл комедию преследования преступников, грабивших армянские села.

Силы, которые спровоцировали нынешний виток кризиса вокруг Карабаха, далеки от человеколюбия Александра II и даже не способны на формальное признание фактов насилия. Армянский народ, поверивший перестройке, стал жертвой самого бессовестного обмана.

В.Хачатуров
Краснодар

■ Хочу всецело одобрить памфлет любимого мною Леонида Лиходеева «Что это дядя кушает?» (№14/91). Никакое плаксивое морализаторство и никакие демагогические обвинения в «нагнетании конфронтационных

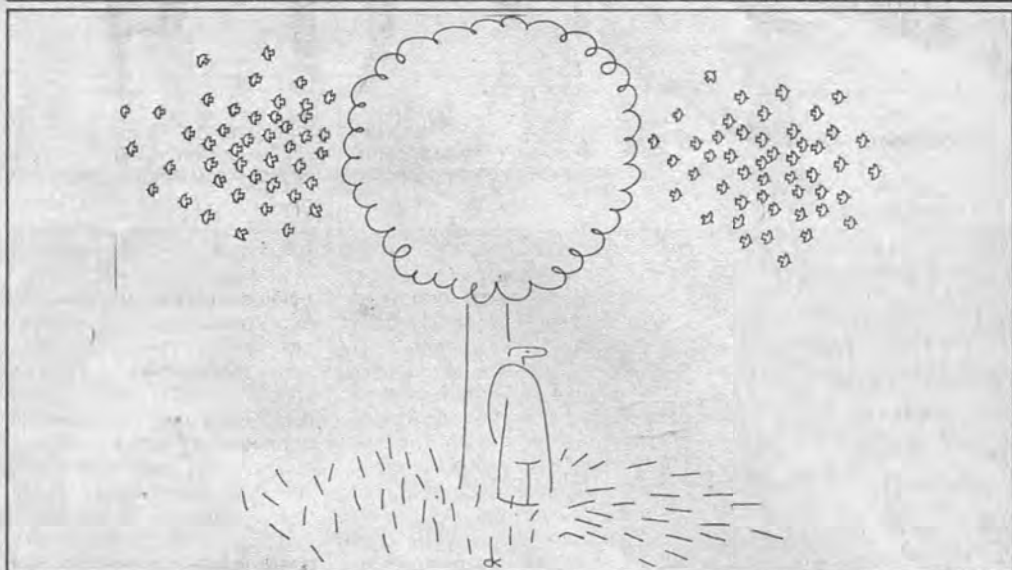

Рисунок Сергея Куприя

настроений» не должны отвращать журнал и его авторов от этой действительно острой темы.

Я имею в виду нравственное бесстыдство партийно-номенклатурной верхушки.

В развитие этой темы хочу обратить внимание «Нового времени» на публикацию в № 15 еженедельника ЦК КПСС «Гласность». Там завели весьма актуальную по нынешним временам рубрику «Советы эконома», содержание которой выглядит, на мой взгляд, настоящим издевательством над народом. Вот два совета цеховского эконома.

«Покупайте мясо, крупы, подсолнечное масло не луч-

ших сортов: они не только дешевле, но и полезнее». «По возможности старайтесь избегать поездок в общественном транспорте, это дешевле, полезнее, гарантирует от заражения гриппом». Каково? Фельетон сам идет к вам в руки.

Сергей Новоселов,
собственный корреспондент
«Лесной газеты» по Бурятии и
Читинской области, помощник
народного депутата СССР по
517-му Советскому национально-
территориальному округу
Улан-Удэ

■ Журнал «Новое время» опубликовал письмо читателя В.Малахина (№ 18/91), который отзывается о

МГИМО как об «элитарном», «кастовом», «номенклатурном» вузе, называя «мифом» перестройку в нашем институте. Автор пишет: «Не верю, что там произошли какие-либо серьезные изменения в порядке комплектования студенческого корпуса...»

По сути дела, В.Малахин обвиняет ректора института как автора заметки (№ 41/90) в сознательном дезинформировании общественности относительно действительного положения дел в МГИМО.

В последнее время в центральной и московской печати, по телевидению не раз освещалась работа МГИМО со всеми ее плюсами и минусами. Поскольку этого, наверное, недостаточно, приглашаю В.Малахина и представителя журнала лично проследить от начала до конца, как будет происходить очередной набор в институт. Ваши представители получат допуск ко всем интересующим их материалам, смогут присутствовать на заседаниях приемной и апелляционной комиссий, на вступительных экзаменах, беседовать с абитуриентами и их родителями. Ваши критические замечания и советы пойдут на пользу институту, продолжающемуся здесь обновлению. Ректорат и многотиражная газета «Международник» окажут необходимое содействие.

А.Степанов
Москва

Подборку подготовила Т.Чернова

под сильным влиянием районных и областных властей. Власти, мешая возрождению немецких деревень, преследуют цели, далекие от интересов народа. Действия местных властей подкрепляются бездействием центральных, и это порождает сомнения в скором разрешении немецкого вопроса. Людей можно понять, они изнемогают под бременем огромного количества свалившихся на них проблем и поэтому, да простит меня немецкий народ, им не до вопроса о восстановлении немецкой автономии. Для того чтобы понять беды далекого народа, необходим и какой-то резерв морали и доброты... Мы еще не поняли, что с немцами быстрее выберемся из проблем.

А сами немцы? Нет у них настойчивости, горячего желания закрепиться на родной земле, нет былой смелости первопроходцев. Немцы и русские — братья по несчастью, они сильно пострадали в былые годы. Наше время дает последний шанс для возрождения уникальной общности людей.

Все силы немцев Поволжья, к сожалению,

уходят сегодня на политическую борьбу, на создание аппарата для работы с центром. То, чем заняты сейчас немцы — созданием автономии сверху (а потом только они хотят заняться возрождением родной земли), — очень похоже на заочный брак, когда партнеры не знают друг друга в лицо. Надо менять тактику. Надо знакомиться с местным населением, не забывая при этом, что оно тоже находится в состоянии пусть меньшей, но все же беды. А это возможно только при немедленном освоении края, заселении его. Тогда мы сможем вместе возродить нашу родину.

Уверен: у моих земляков сохранились доброта и широта русской природы. Они благословят немецкую автономию. Если немцы сегодня начнут возвращаться в наш край — завтра автономия станет фактом.

Вячеслав Тормозов,
директор завода

Братск

СТРАНА

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

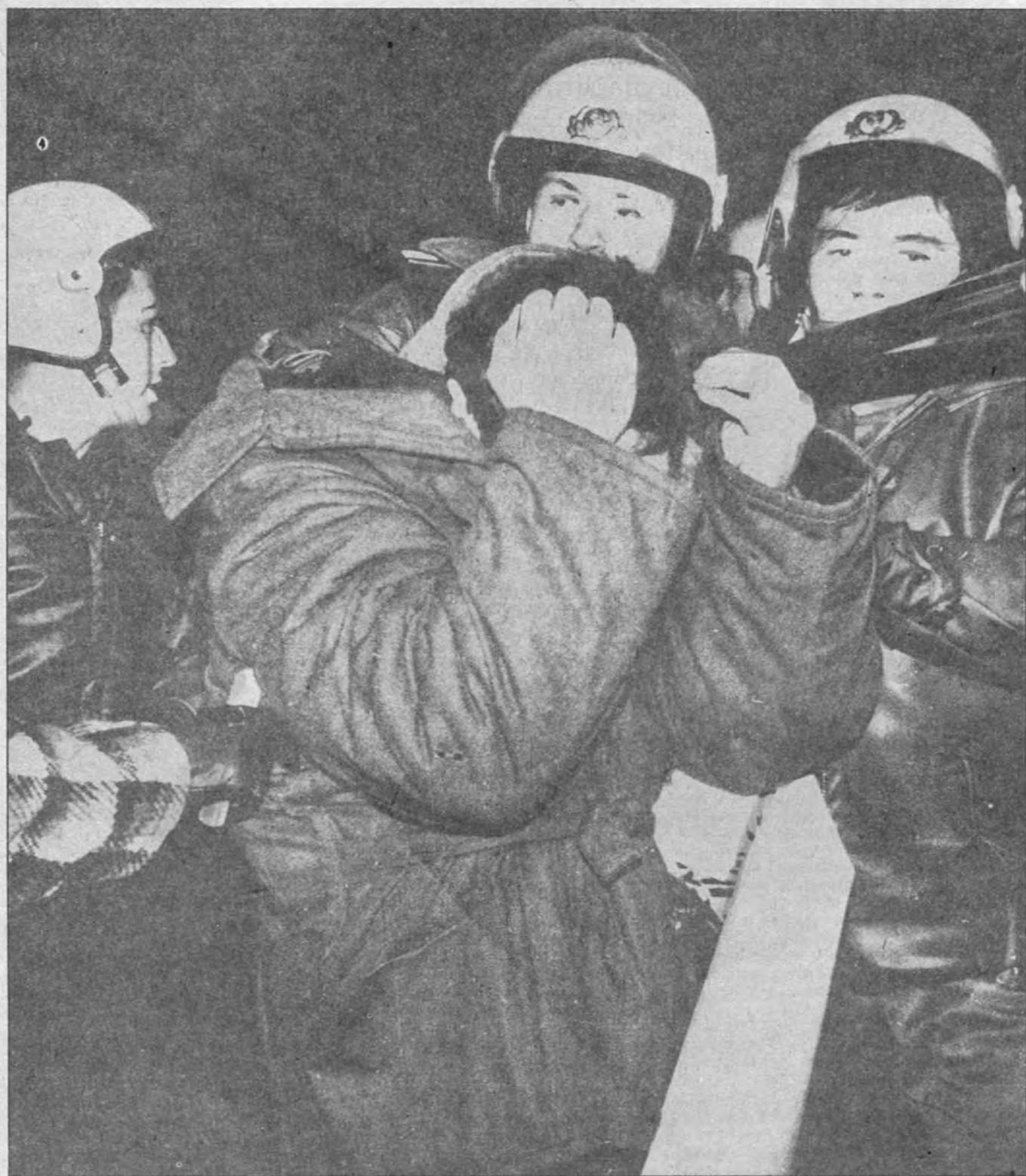

Фото Дмитрия Борко

ОМОН

Они сами себе отдают приказы, а нагоняи начальства считают лицемерием. Они должны были служить государству, а служат — партии меньшинства. ОМОН стал опасен, как сорвавшаяся корабельная пушка...

Геннадий Ариевич

Сегодня на проспекте Саванорю, где расположена телефонная станция литовской столицы, ничто не напоминает событий 26 июня. В тот день отряд омовцев с автоматами наизготовку ворвался на станцию и, сославшись на указ Президента СССР о незаконных вооруженных формированиях, остановил ее работу. Телефонисток поставили лицом к стене и стали обыскивать помещение. Вскоре нашли... оружие.

«Они появились примерно в полпятого, — рассказывает заместитель директора вильнюсской телефонной станции А. Лузайте. — У них, мол, есть сведения, что здесь прячут оружие. Подошли к вентиляционным отверстиям и сразу вытащили мешочек. Сказали, что это и есть оружие. Действительно они нашли этот мешочек или принесли с собой, я не знаю».

Содержимое таинственного мешочка так и не показали ожидавшим литовским журналистам. По словам командовавшего этим отрядом И. Еременко, в нем были патроны, взрывчатка и пистолет. В департаменте охраны края меня уверяли: какие-то старые веревки да разобранный старый и ржавый пистолет. А вот в ЦК КПЛ (КПСС) информация была точна и категорична: 200 метров бикфордова шнура, 100 различных боеприпасов, в том числе крупнокалиберных, и большое количество 200- и 100-граммовых тротильных шапек. Вместительный, однако, мешочек... «Да этим можно пол-Вильнюса взорвать», — авторитетно объяснил полковник С. Стародуб, которого я встретил в ЦК КПЛ. Услышав об этой оценке, заместитель директора департамента охраны края Альгимантас Вайткайтис даже руками всплеснул: «Да у нас такого количества взрывчатки вообще нет. Даже мины, оставшиеся с войны, которые все еще иногда обнаруживаются, приходится не взрывать, а уничтожать на костре».

— Какой вой поднялся вокруг «захвата» телефонной станции! — говорит секретарь ЦК КПЛ генерал Альгимантас Науджюнас. — Это вместо того, чтобы спасибо сказать ОМОНу. А он единственный здесь отстаивает правопорядок! По подсказке лю-

дей, которые разузнали и сообщили, что на станции хранятся пулеметы, автоматы, другое оружие, ОМОН обезвредил этот центр, возможно, предотвратив крупную диверсию или серьезное кровопролитие. И действовал он, между прочим, с санкции прокурора (прокуратур, напомним, сейчас в Литве две — литовская и союзная, московская. — Г.А.). К нам пришло много писем и телеграмм с возмущением по поводу того, как извращаются события 26 июня в печати и некоторых выступлениях.

— Руководителя отряда вызывали недавно в Москву и там, говорят, он получил нагоняй за самоуправство...

— Вызвали в МВД для разнаоса, а когда наши омовцы объяснили ситуацию, разговор пошел совсем другой.

— Было же официальное заявление...

— Это они спасают свое лицо. В МВД СССР совсем не знают местную обстановку. Преступления, хулиганство, взрывы, антисоветские демонстрации, антирусские, антиармейские настроения... Не советуем выходить вечером на улицу: заговорите порусски — ни за что ругаться нельзя. Обстановка очень напряженная.

Русские, советская власть защитили Литву от коричневой чумы, все дали, всему научили, во многом помогли. А теперь Литва-ребенок плюет в лицо своему родителю — Советскому Союзу. Тех, кто помогал, называют оккупантами. Компартия Литвы, как «партия другого государства», запрещена, а это партия, которая после всех потерь сохранила больше членов, чем во всех 12 нынешних литовских партиях. Без нее не может быть решена ни одна проблема в Литве! В письмах люди требуют от нас взять власть и упрекают за то, что в январе не довели дело до конца. Иначе — грядет катастрофа. А Москва помалкивает, никто ничего не говорит и не делает. Российское руководство даже подогревает фашизм и национализм. Буш давно бы наказал за непослушание, как наказал Норвегу за его безобразия. И Хусейна наказал...

— События в Литве, — вступает в разговор помощник первого секретаря Виктор Бавыкин, — опережают союзные на год-полтора. Россия пройдет тот же путь, что и Литва. Ельцин — российский Ландсбергис.

— Россия многого не знает и не видит, — с досадой заключает Станислав Стародуб, — но скоро узнает, когда сработает призыв «наших бьют!». И тогда содрогнется весь мир...

— Так вы за жесткость? Военную силу?

— Жесткость, но не военную силу, — генерал Науджюнас решительно отвергает, казалось бы, логичный вывод из всего сказанного. — Ваш журнал после январских событий уже извратил мои слова, преподнес мой план выхода из кризиса как программу национального спасения Литвы. Нужны немедленные переговоры, с которыми тянут и та и другая сторона. Идет перетягивание

«Нам удалось создать формирование профессионалов»

Эдуард Рязанов,

первый заместитель начальника Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР

Отряды милиции особого назначения были созданы из-за той ситуации, которая сложилась в стране в конце 1988 года: рост дерзких, жестоких уголовных проявлений, захваты заложников, с которыми мы столкнулись впервые, факты уголовного терроризма... Возросло количество демонстраций, уличных шествий, сопровождавшихся правонарушениями, участились производственные катастрофы, аварии.

На сегодняшний день нам удалось создать формирования профессионалов. Раньше при задержании особо опасных преступников как работники милиции, так и сами правонарушители часто получали ранения, а то и гибли. Теперь потери значительно уменьшились. А все потому, что при подборе кадров для наших подразделений мы не гонимся за валом, предъявляем повышенные требования к уровню физической, психологической и специальной подготовки. Кстати, за последнее время и выбор у нас расширился: к нам идет поток писем от военнослужащих Со-

ветской Армии — хотят служить в ОМОНе.

ОМОНЫ Вильнюса и Риги привлекают к себе слишком много внимания, подчас ненужного. Но сейчас мы начинаем работать с ними напрямую (с апреля этого года они подчинены не только внутренним войскам, но и нашему управлению). Хотя я против двойного подчинения, считаю, что мы с Главным управлением командующего внутренними войсками сможем взаимодействовать без проблем.

Личный состав этих отрядов неожиданно для себя очутился на острие политической борьбы и отказался выполнять требования новых властей, заявив, что стоит на позициях Конституции СССР, Литовской и Латвийской ССР. Местные органы власти в свою очередь тоже их не признают... Но часть жителей этих республик видят в ОМОНе защитников своих интересов. Мы ежедневно получаем массу телеграмм, писем, обращений граждан, в которых они высказываются в поддержку этих подразделений. Полагаю, что не считаться с этим мнением нельзя. Да и ребята из ОМОНа считают себя защитниками русскоязычного населения. В общем, расформировывать эти отряды было бы большой ошибкой.

Недавно в МВД СССР были вызваны руководители вильнюсского ОМОНа. Поводом послужили действия сотрудников на телефонной станции. Генерал-майор милиции Э.Калачев — начальник Главного управления охраны общественного порядка предупредил командира отряда Б.Макутиновича, начальника штаба В.Разводова и заместителя командира И.Еременко, что в случае акций, которые могут скомпрометиро-

каната с двух сторон. Но нельзя и спокойно смотреть на все, что происходит в Литве. Нужны санкции. Политические — решения советского парламента; экономические — нужно прекратить кормить местных бездельников за счет терпеливого русского народа, поставлять сюда 100 процентов сырья и все необходимое, чего и самим не хватает.

— Вы же только что говорили: законы, указы, постановления не действуют...

— Нужно, чтобы действовали. Вот мне знакомый юрист недавно сказал: «Ельцин, Горбачев и Ландсбергис — одна компания». А женщина одна позвонила: «Передайте Язову, чтоб брал дело в свои руки. Только армия способна навести порядок и избавить нас от бандитизма, пьянства, развала хозяйства». Это мнение простых людей.

— Выходит, только ОМОН сегодня и защищает социалистическую законность и порядок?

Вопрос остался без ответа, но жест был достаточно красноречив.

К сожалению, мне так и не удалось побывать на базе ОМОНа в здании филиала Полицейской академии, которую он захватил и которую, кстати, несмотря на пророчества Невзорова, так никто и не атаковал.

В ЦК КПЛ сначала легко обещали встречу с командиром отряда Болеславом Макутиновичем, но отыскать легендарного «капитана мушкетеров», который стал между делом майором (видно, одна рука Москвы указывает, а другая — награждает), никак не удавалось, гонцы возвращались ни с чем...

По приказу вице-премьера З.Вайшвили на омововской базе отключены телефон и электроэнергия. Одна из версий: за это и мстили омововцы, напав на телефонную станцию. Отключили же потому, как мне объяснили, что больше невозможно терпеть «подвиги» отряда, в опьянении от своей безнаказанности не считающегося ни с кем и ни с чем. Литовский Верховный Совет объявил этот отряд, отколовшийся от республиканского ОМОНа и переподчинивший себя дивизии внутренних войск МВД СССР, «бандой вне закона». Прокуратура Литовской Республики возбудила расследование по подозрению омововцев-макутиновичевцев в нескольких преступлениях.

Как бы то ни было, список доказанных, не вызывающих сомнений «подвигов» ОМОНа достаточно представителен.

...10 марта вечером около своей

базы омововцы остановили автомобиль, на котором сотрудник департамента охраны края вез мебель, машину захватили, а водителя арестовали. Ему удалось бежать через окно.

...11 марта были захвачены, допрошены и разоружены четверо бывших коллег по литовскому ОМОНу.

...Задержаны два милиционера. У них отобраны рации и оружие.

...17 марта задержан депутат ВС Литвы генеральный директор департамента охраны края Андрис Бутквичус, произведен обыск, у него и у его шофера отобрано личное оружие.

...Перед референдумом 17 марта начались «профессионально сработанные» взрывы у общественных зданий литовской столицы. Никто не пострадал, но шум получился большой. Только в Укмергском районе полицейским удалось задержать трех человек, заложивших взрывное устройство на автобусной остановке. Двое оказались омововцами.

...21 марта омововцы гонялись по Вильнюсу на своем «уазике» за машиной шальчининской таможни, в которой якобы было спрятано оружие. В центре города подняли стрельбу, пробили колеса, избили

Поддержка русскоязычного меньшинства республики для Б.Макутиновича важнее решений ее законной власти

Фото П.Малукаса

вать органы внутренних дел, к ним будут применены меры. Кстати, Макутинович получил звание майора несколько месяцев назад — очередное, а не за «захват» телефонной станции.

И еще мы создали группу, которая будет руководить действиями этих отрядов. Находиться она будет в Риге.

НЕОБХОДИМАЯ СПРАВКА

Прообраз ОМОНа — отряды милиции специального назначения появились в ноябре 1987 года. Объектом общественного внимания спецназ стал «жарким» августом 1988 года, после инцидента на Пушкинской площади в Москве — разгона не санкционированного митинга Демократического союза. Ходили слухи, что тогда трое из спецназа пострадали. Еще на счету у спецназа усмирение демонстраций крымских татар все на той же Пушкинской площади столицы и прилегающем к ней Тверском бульваре.

3 октября 1988 года министр внутренних дел А.Власов подписал приказ о создании Отрядов милиции особого назначения, заменивших спецназ. Как удалось выяснить в Министерстве внутренних дел СССР, этот приказ — единственный документ, регламентирующий деятельность ОМОНа. Других нормативных актов не существует. По приказу на ОМОН возложены три задачи:

- охрана общественного порядка при проведении общественно-политических, спортивных, культурно-зрелищных и других мероприятий, а также во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств;
- предупреждение причин групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков;
- участие в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников.

Вместе с тем на них распространяются приказы, регламентирующие деятельность органов внутренних дел.

По приказу министра ОМОН входит в структуру местных территориальных органов власти — городские или областные управления внутренних дел. В Москве ОМОН подчиняется Главному управлению внутренних дел Мосгорисполкома (хотя статус самого Главка пока не определен и неясно, чью волю он исполняет: МВД СССР или Мосгорисполкома). В двойном подчинении и ОМОНЫ Вильнюса и Риги — Главному управлению охраны общественного порядка МВД СССР и Главному управлению командующего внутренними войсками МВД СССР (то есть непосредственно генерал-полковника Ю.Шаталина).

ОМОН комплектуют из сотрудников милиции, прослуживших не менее года. В ОМОНе в основном рядовые и младший начальствующий состав — не старше 30 лет, офицеры — до 40.

Как уверяют в МВД СССР, партийность в ОМОНе, как и в милиции, не влияет на карьеру.

Зарплата в ОМОНе не намного выше, чем в среднем по органам внутренних дел. В первый год службы рядовой получает, как минимум, 240—270 рублей. Затем оклад увеличивается ежегодно и к двадцатому году службы достигает 500 рублей. В некоторых республиках платят больше. Это, утверждают в МВД СССР, — право самих республик.

Сейчас по стране 34 отряда общей численностью около 10 тысяч человек.

Подготовила Т.Лехто

двух таможенников, но оружия не нашли.

...22 мая в помещение таможни в Вильнюсском аэропорту ворвались несколько боевиков в форме, забрали документы и разогнали работников. Действиями нападавших руководил сам Б.Макутинович.

...Сожжены 22 таможенных поста, созданных на границах Литвы и союзных республик. Существование таких постов противоречит союзным законам. Но ничем нельзя оправдать кровь и унижения, неизменно сопровождающие эти нападения.

Сначала омовцы не отрицали своего участия в разгроме таможен и даже бравовали лихими набегами «ради охраны социалистических законов». Как будто не замечая этого, министр внутренних дел Б.Пуго утверждал: нет фактов, подтверждающих причастность его подчиненных к поджогам. Пуго был опровергнут А.Невзоровым, который показал репортаж о нападении на один из пограничных постов, в котором сам участвовал вместе с рижскими омовцами.

Генеральный прокурор СССР Н.Трубин признал нападения на таможни противоправными актами и дал указание возбудить уголовное дело. И вот тут произошла удивительная метаморфоза — оказалось, что Б.Пуго с самого начала все знал лучше всех: доказательств нет. Репортаж Невзорова? Так пятнистую форму может купить любой злоумышленник, желающий скомпрометировать ОМОН...

Американским корреспондентам Б.Макутинович сказал: задача его подразделения — борьба с организованной преступностью, поддержание общественного порядка, охрана на литовской территории имущества Советского Союза, пресечение происков оппозиционных сил. Он привел цифру: примерно миллион из трех с половиной миллионов жителей Литвы поддерживают ОМОН. И было бы, дескать, гораздо больше, если бы не печатать, обливающая ОМОН грязью. «Нет, нынешний диктаторский режим в Литве мы свергать не собираемся, — продолжает Макутинович, — его свергнут и без нас». Приказы, довольствие и деньги получаем от дивизии внутренних войск. Но действуем иногда и самостоятельно... не нарушая законов.

Эта «самостоятельность» вызывает все больше вопросов по мере того, как операции ОМОНа ставят под удар уже не только отношения с Прибалтикой, но и всю политическую линию руководства страны. Акции

ОМОНа не раз осуществлялись в самое «неудобное» для Москвы время: последний раз — перед встречей в Лондоне. А тут всякое время неудобное, сказали мне на это в ЦК КПЛ, постоянно что-то происходит. Мы изучали график международных контактов президента и вообще международных мероприятий. В нем никакой отдушины. Он так хитро составлен, что любой день — неудачный для тех, кому необходимо действовать...

То, что Москва постоянно не в курсе происходящего, в ЦК КПЛ объясняют так: военная операция заранее не разглашается. А у ОМОНа — вообще особые правила, соответствующие его особому предназначению. Иногда докладывают кое-что по инстанции, но где-то эта цепочка рвется. Впрочем, когда не рвется и сообщение доходит по назначению, бывает еще хуже: сведения нередко становятся известны противнику, и тщательно спланированная операция срывается...

Итак, с Москвой советоваться нельзя, потому что информация станет известна «неприятелю»? Серьезная информация к размышлению о том, кого считают «своими» и «чужими» в ОМОНе и в ЦК КПЛ.

ВИЛЬНЮС—МОСКВА

ОМОН распустился. Пора его распустить!

В обществе, вставшем на путь демократического развития, существуют официально организованные группы людей, чья деятельность явно противоречит интересам этого общества.

На счету отрядов милиции особого назначения — беззакония в Вильнюсе и Риге, участие в репрессиях против мирных граждан в НКАО и депортация армян из сел у границы Азербайджана с Арменией, совместные с армией действия по «проверке паспортного режима» в Степанакерте, в результате которых в городе был установлен режим военной диктатуры. Самое «незначительное» из деяний ОМОНа — противостояние демонстрации в Москве 28 марта, которое не обернулось кровопролитием только благодаря организованности и спокойствию самих демонстрантов.

Регламентирует деятельность этих вооруженных формирований всегонавсего ведомственная инструкция: приказ бывшего министра внутренних дел Власова о создании ОМОНа. Внутреннее распоряжение по одному министерству, отданное единолично человеком, который уже давно ушел в отставку!

За три года страна могла убедиться, к чему приводит нечетко сформулированный приказ. Стало ясно, что ОМОН не только не поддерживает общественный порядок, но зачастую взрывает его. Что предупреждать причины «групповых нарушений» и «массовых беспорядков» можно только политическими средствами, а никак не вооруженным путем. Это, кстати, заявил нынешний министр внутренних дел, выступая на закрытом заседании Верховного Совета СССР. ОМОН не справился, не мог справиться с возложенными на него обязанностями и теперь уже, как видно из действий вильнюсского отряда, вообще ушел от них.

Даже критикуя ОМОН, большинство воспринимают его существование как неизбежность. Но ведь, для того чтобы этот раздражитель общественного спокойствия исчез, достаточно всего лишь отменить ведомственную инструкцию. В министерстве внутренних дел, похоже, так не считают, но существование ОМОНа перестало быть внутриведомственным делом. Существует Комитет конституционного надзора, который может проанализировать, насколько ведомственная инструкция соответствует Конституции СССР и другим законодательным актам, принятым верховной законодательной властью страны и гарантирующим права граждан. И тогда спросить с министра или призвать Верховный Совет страны дать оценку происходящему.

В последнее время разгорелся спор: ответственны ли омоновцы за совершенное или вину за все возложить на тех, кто отдает приказы? Пытаясь заступиться за вильнюсский отряд, объясняют: они молоды, они запуганы, с одной стороны — в идеологических установках и клише, которые им «подбрасывают», с другой — в разноречивых приказах командования. В Литве даже начал сбор подписей в поддержку ОМОНа. Цель — оградить его от действий центра, направленных на «дискредитацию и нейтрализацию верного своему долгу и присяге» отряда. Но подобные рассуждения лишены раз доказывают, что существующая структура милиции особого назначения не вписывается ни в общественные процессы, происходящие в стране, ни в систему органов власти. При нынешнем положении вещей законы, следовать которым ОМОН обязан, все еще могут подменяться идеологически окрашенными требованиями момента, а сами эти отряды, обязанные охранять законность, начинают действовать на потребу определенным политическим группам и партиям, не всегда даже стоящим у власти. В этой ситуации ОМОН, хорошо подготовленная карательная структура, становится очень опасен.

Что же делать? Вероятно, полностью расформировать нынешний ОМОН. Допускаю, что подобные отряды в милиции сейчас все-таки нужны: рост вооруженной преступности в стране, существование многочисленных мафиозных групп... Вместо ОМОНа можно было бы создать специальные отряды милиции. Но в обязанности их должна входить только одна задача — задерживать вооруженных преступников с ведома и санкции прокуратуры. Все относя-

Рисунок
В. Шилова

щиеся к политике должно стоять вне поля зрения милиции и ее специальных подразделений. Эти новые специальные отряды могли бы действительно подчиняться местным органам власти — так, как изначально планировалось для ОМОНа.

Формирования милиции, которые должны действовать в районах национальных конфликтов, — о возможности их создания (вслед за созданием специальной группы следователей прокуратуры Союза) сказал начальник отдела прокуратуры — могут, по самой логике своего предназначения, подчиняться только центральному органам власти и президенту страны. Во всяком случае это исключит безнаказанное насилие, которое сейчас чинит ОМОН Вильнюса и Азербайджана.

Ирина Лагунина

● МНЕНИЕ ПО ПОВОДУ

Олег Шенин, секретарь ЦК КПСС:

Не забывать об этике

В номере 26 еженедельника «Новое время» значительное место отводится статьям А. Пумпянского и М. Шакиной. Главный редактор еженедельника, по-видимому, решил, что Президент страны М. С. Горбачев не сможет без его помощи определить, кто из членов Совета Безопасности СССР и в какой степени соответствует занимаемой ими должности, о чем и поведал в достаточно бестактной форме союзной и мировой общественности на страницах своего издания. Член редколлегии «Нового времени» на следующих страницах также сочла необходимым дать советы Президенту, как ему относиться к Верховному Совету СССР, его Председателю, премьер-министру и министрам страны, высказав крайне неуважительное отношение как к отдельным государственным деятелям, так и к конституционному органу власти в целом.

Ни в коей мере не ставя под сомнение право журналистов и органов печати высказывать свое мнение о внутренней жизни и внешней политике страны, деятельности государственных и политических лидеров, считаю, что упомянутые публикации не только выходят за рамки журналистской этики, но и наносят моральный ущерб престижу главы государства, государственных органов власти и их руководителей.

«Правда», 4 июля

Каждый гражданин России скоро получит акции,

но многие при первой же возможности постараются от них избавиться

Михаил Малей — химик по образованию, бывший директор научно-исследовательского института, бывший член КПСС, избранный народным депутатом республики с программой «Демократической России».

Взявшись за проведение программы приватизации, он не боится печальной участи своих коллег по Совету Министров России, которые затевали большие дела, но вынуждены были уйти. «Геннадий Филъшин поленился узнать, с кем имеет дело. Так

нельзя работать. Я первым на заседании Совета Министров потребовал или его немедленного ухода, или нашей общей отставки... Григорий Явлинский ушел, потому что он теоретик, а не боец «реального экономического фронта».

Михаил Малей считает, что в российском парламенте он всегда занимал твердую позицию — «левее меня был только мой чемодан», но его представления о приватизации хранят в себе верность идеям самоуправления.

О российской программе приватизации рассказывает заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Михаил Дмитриевич МАЛЕЙ.

-В Кремле и в Белом доме на Красной Пресне идут дискуссии о принципах приватизации, которая вот-вот должна начаться в России. В чем нет согласия?

— В самом главном: что такое приватизация, для чего она нужна и кто в ней будет участвовать. Приватизация есть передача общенародной, то есть государственной, собственности в частные руки. Почему это нужно сделать? Только потому, что государство плохо управляется с экономикой? Эксперты «семерки», например, полагают, что раздача собственности — единственное средство борьбы с будущими супермонополистами. Григорий Явлинский считает, что приватизация нужна для оздоровления финансов. Люди вложат все свои деньги в акции, и потребительский рынок стабилизируется.

— Вы не согласны с этой точкой зрения?

— Конечно, нет! В Белоруссии сделали такую ошибку: собрали по совету Явлинского и Шаталина 2 миллиарда рублей, сожгли их и решили, что оздоровили финансовую ситуацию в республике, ослабили давление «горячих» денег на потребительский рынок. Они же забыли о Павлове! У него в первом квартале был дефицит в 39 миллиардов рублей, и он их напечатал. Так что белорусы просто потеряли собственность на 2 миллиарда. Предположим, наше правительство начнет продавать российскую собственность состоятельным людям и предприятиям. Мы могли бы, вероятно, связать, заморозить 80 миллиардов «горячих» рублей. А зачем? Премьер-министр Павлов напечатает эти 80 миллиардов за два квартала. Вот и результат — инфляция будет расти, а республика лишится своей собственности. Самая большая опасность — продать Россию не иностранцам, а правительству Павлова.

— Как же, по-вашему, должна проходить приватизация?

— Наш исходный принцип таков: приватизация — единственный способ создать стимулы для труда. Сейчас никто не работает. Строить коммунизм никто не хочет. Укреплять советскую власть? Восстанавливать великую Россию? Тоже немного желающих. Остается один реальный стимул — сделать так, чтобы каждый работал на себя. Это относится прежде всего к рабочим коллективам. Из 150-миллионного населения России 32 миллиона пенсионеров, 33 миллиона — несовершеннолетних. Из оставшихся 85 только 40 миллионов заняты в материальном производстве. Выживание России зависит от того, начнет ли работать это трудовое ядро или станет бастовать, или будет продолжать ходить на работу, но ничего не делать. Вот этим людям, трудовым коллективам и нужно отдавать предприятия, чтобы они почувствовали себя хозяевами, чтобы работали на себя.

— Отдать бесплатно?

— Все предприятия нужно превратить в акционерные общества. 30 процентов акций отдать трудовому коллективу бесплатно. Остальные продать ему же с 30-процентной скидкой. Это и есть главный пункт приватизации.

— Получается, люди хотят вложить свои деньги во что-то солидное, в недвижимость, а их лишают такой возможности. Почему?

— Да нет у людей денег, чтобы заводы покупать!

— Необязательно заводы. Можно выкупить магазин, мелкое производство.

— Разумеется, мы будем продавать ларек или общественный туалет, но не предприятие. Завод, фабрика, ферма должны принадлежать трудовому коллективу. Причем в это понятие мы включаем и всех пенсионеров, ушедших

Вам фабрику? Пароходство? Шахту? Продано!

на отдых с этого предприятия. Таким образом вовлекаем в процесс приватизации минимум 15 миллионов человек пенсионного возраста. Получать со своих акций дивиденды — неплохое подспорье для пожилых людей, которые больше всего страдают от инфляции.

— Но финансисты жалуются, что в стране, напротив, много «горячих» денег, которые люди с радостью бы пустили в дело.

— После повышения цен 2 апреля Россия обеднела. По самой оптимистической оценке, у населения на руках было 400 миллиардов. По мнению экспертов, наши люди больше десяти процентов своих накоплений на сомнительные затеи правительства никогда не отдадут — это 40 миллиардов. Тем не менее удивлю цифру — 80 миллиардов...

— А сколько же нужно?

— Для того чтобы добиться каких-то сдвигов в замершей экономике Англии, Маргарет Тэтчер понадобилось приватизировать 10 процентов собственности. Перенесем эту норму на Россию. Республике принадлежит собственности на 1 триллион 200 миллиардов рублей. 10 процентов — 120 миллиардов. А мы больше 80 мобилизовать не сможем! Не в состоянии, следовательно, достичь минимального уровня, который помог Тэтчер в благополучной Англии подтолкнуть экономику. А у нас-то не один кризис, а целый букет кризисов, и нам нужно

более сильное возмущение экономики, для того чтобы запустить остановившийся механизм. Нам нужно приватизировать 20 процентов государственной собственности.

— Вы же всё не раздадите бесплатно. Что-то придется и выкупать. Но денег у людей, по вашим словам, нет.

— Вот для этого правительство наделяет все население России — от младенцев до стариков — платежными средствами: именными расчетными чеками. Этот чек можно использовать только для участия в приватизации. Размер чека определили просто: 1,2 триллиона российской собственности поделили на 150 миллионов граждан республики, получается 8 тысяч рублей. Одну тысячу мы у каждого условно забрали — на эти чеки будут приобретены акции приватизируемых предприятий. Помещение их в подвалы центрального банка России позволяет сделать так, чтобы обязательства этого банка были бы хоть чем-то обеспечены — и не бумагой, которой у Валентина Павлова в достатке. Таким образом мы сделали бы российский рубль твердым.

— Разве чеков по семь тысяч хватит рабочим, чтобы выкупить завод?

— Для выкупа небольших предприятий хватит. На предприятиях более современных, дорогих расширим круг акционеров. Шахтерам, скажем, хватило своих чеков только

на 40 процентов акций. Тогда мы решили использовать чеки членов семей — жен, детей, родителей.

— Тогда они смогут приобрести больше контрольного пакета в 51 процент акций, о котором мы говорили.

— А мы хотим, чтобы все сто процентов акций принадлежали работающим на заводе или на шахте и членам их семей. Это, между прочим, делает акционерами примерно 70 процентов граждан России.

— Что же останется на долю тех, кто не работает на производстве?

— Правительство гарантирует, что каждый — журналист, учитель, министр, артист, милиционер и

военный — сможет выгодно вложить свои семь тысяч. Скажем, в сельское хозяйство: в совхозе работают 200 человек, а стоимость фондов — 20 миллионов. В речной флот: команда на судне — тридцать человек, а стоит оно 30 миллионов. В воздушный транспорт: управляют самолетом четыре человека, а стоит он три миллиона... Самим им это имущество не выкупить, тут наши с вами чеки и пригодятся. А вложить деньги в землю, в рыболовную промышленность выгодно.

— Механизм выкупа завода, на котором работаешь, выглядит более или менее понятно. А как, следуя вашему совету, вложить деньги, скажем, в сельское хозяйство?

— Мы создадим специализированные агентства, бюро — государственные и частные, которые будут предлагать выгодные варианты и по поручению граждан закупать для них акции понравившихся предприятий.

— Можно ли будет обратить акции в наличные деньги?

— Законопроект накладывает трехлетний мораторий на продажу акций, которые каждый получит на первой, распределительной стадии приватизации. Три года — это время для своеобразного ликбеза, когда граждане России смогут понять, что такое акции, дивиденды и так далее. Впрочем, по нашим оценкам, до 40 процентов новоявленных акционеров при первой возможности изба-

вятся от своих ценных бумаг. Испугаются риска: вдруг завод разорится и денежки пропадут.

— **Трехлетний мораторий блокирует рынок ценных бумаг, который позволяет мобилизовать капиталы для расширения производства, модернизации. Как быть приватизированным предприятиям? Они же закроются без притока средств.**

— Мы об этом подумали. Сразу после создания акционерных обществ основные фонды оцениваются в долларах. Акционеры, правление получают сертификат западной фирмы или нашей, работающей по западной методике, в котором будет указана реальная стоимость предприятия в мировых ценах. И тогда правительство будет рекомендовать правлению выпустить на сумму до 49 процентов долларовой стоимости открытые акции, которые можно продавать кому угодно — иностранцам, соседним республикам и даже союзному правительству. Это и даст приток средств для развития предприятия.

— **Не окажется ли продажа, а фактически передача трудовым коллективам заводов, шахт, судов верфей просто превращением совхоза в колхоз? Разница между ними, конечно, есть, но только не в эффективности производства. И те и другие в равной степени морят страну голодом.**

— Практика говорит о другом. Есть в Ростовской области производственное объединение «Керамика», оборудование устарело до предела: ранее выпускали 92 процента облицовочной плитки чистым браком. Стало предприятие коллективным: уволили 50 человек, подняли остальных зарплату в три раза и выпускают до 82 процентов продукции по первой категории.

— **Но это один ничего не доказывающий пример. Есть и колхозы-миллионеры, но колхозная система — банкрот.**

— Я привел один пример, а их множество. Транспортное предприятие, которое просто перешло на аренду, на 20 процентов увеличило объем производства. На саратовском заводе воровать перестали, требуют, чтобы станки и ночью работали, согласны на «черные» субсидии, и, когда предприятию нужны деньги, спрашивают, не принести ли из дому.

— **Не похож ли этот ваш идеал на югославскую систему самоуправления, которая, как теперь видно, себя не оправдала?**

— Югославская система не существовала нормально ни одного дня. В Югославии самоуправление давил Союз коммунистов.

— **Промышленно развитые страны все же обходятся без самоуправления.**

Приватизацию начинают дачники

Ни один документ не давался Верховному Совету СССР с такими муками, как Закон об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий. Депутаты классифицировали закон как попытку государственного переворота, как возможность дать разбогатеть «разному вору». А один из депутатов заявил, что неизвестные преступники пригрозили ему: проголосуешь против, пожалеешь...

Пока некоторые депутаты доводили себя чуть ли не до истерики, предвещая приход «зарубежной буржуазии», намеренной урвать «куски пожирнее», приватизация в стране уже шла полным ходом. Первые итоги этой приватизации подводились на заседании парламентской комиссии по привилегиям: министры союзного правительства и маршалы успешно приватизировали государственные дачи и многие гектары земли в качестве приусадебных участков, не брезгуя мебелью, холодильниками, коврами.

С принятием союзного закона дело, надо надеяться, пойдет честнее. Государственное имущество будет не раздаваться, а продаваться. К концу следующего года почти половина основных производственных фондов предприятий союзного подчинения должна быть переведена в акционерные общества, продана с аукциона.

— Весь мир идет к акционерной собственности, к самоуправлению. И нам надо к ней идти. Раздача чеков, разумеется, вынужденная мера. Но такого кризиса, как у нас сейчас, нигде и никогда не было, поэтому без распределительной фазы не обойтись.

— **Ваш план сильно расходится с программой приватизации, разработанной союзным правительством?**

— Радикально. Первый заместитель премьер-министра Владимир Щербаков повторяет зады старой программы Григория Явлинского. Сначала отказались от программы «500 дней», а теперь вновь к ней возвращаются. Союзное правительство ничего не намерено отдавать народу (да у них и нет своего народа), предлагает все купить за наличные. Поленились, видимо, посчитать деньги в наших карманах после павловского изъятия.

— **Вообще говоря, всегда считалось, что программу «500 дней» отвергли именно союзное правительство, Горбачев. А из ваших**

слов следует, что план Явлинского становится программой союзного кабинета?

— Программа Явлинского никогда не была российской, потому что ее можно осуществлять только в едином экономическом пространстве СССР. Григорий исходил из того, что все республики возьмут под козырек и станут делать так, как он придумал со своими академиками и Горбачевым. Он так и не понял, что ни одна республика на это не пойдет. Потом он обиделся, что народ не понял и не стал выполнять «500 дней».

— **Другие республики солидарны с вами?**

— Армения просто приняла наш вариант. Прибалтийские республики — очень похожий. По нашему пути идут Белоруссия, Казахстан. Уверен: нашему примеру последуют и остальные. Когда мы отдали шахты горнякам и забастовки немедленно прекратились, я думаю, все поняли, что по-другому действовать нельзя.

— **Сможет ли российское правительство приватизировать предприятия союзного подчинения, на которые теоретически должно распространяться союзное законодательство?**

— На территории России 60 процентов работающих трудятся на союзных предприятиях. Если союзный закон разойдется с нашим, то все равно получится по-нашему. Смотрите. Мы наделяем рабочих завода союзного подчинения именными чеками. С нашей точки зрения — это платежное средство. С точки зрения союзного директора — никчемные бумажки. И вот работники этого завода увидят, как люди вокруг покупают свои заводы, становятся собственниками, а они только из любви к товарищу Павлову должны свое предприятие покупать за наличные. Зачем им нужен такой премьер-министр? Мы думаем, кабинет удержит ситуацию только три дня: или правительство Павлова подаст в отставку, или согласится передать все предприятия под юрисдикцию России.

— **Вы экономист по специальности?**

— По образованию я химик, с приличной аппаратной школой, с практически реализованными проектами из области «двухэтажной экономики». Хозяйство, в котором мне пришлось изучать и реализовывать новую экономику, стало «микрофедоровским». А химия заставляет учитывать множество механизмов реакций — как в жизни.

Беседу вели Леонид Млечин, Татьяна Чернова

Партия умных людей

Три силы борются за власть в нашей стране: компартия, разруха и демократия

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Время пришло, первые российские выборы президента выявили народное чувство — оно требует объединенного сочувствия, показали определенное стремление — оно должно во что-то вылиться.

Не из искры, с трудом выбитой, но разгоревшейся в губительное пламя, а, наоборот, из широкого, почти стихийного движения рождается новая крупная партия. Наконец-то, надо надеяться, будет положен предел однопартийной системе. Ведь, несмотря на разрешение создавать партии, их, по сути, нет. Сорок мелких партий, или сколько их, при всем уважении к ним, увы, не в счет, сорок партий — не партия. Партия по-прежнему одна.

Вот почему демократическая партия не только может быть создана сегодня, нет, грех не создать ее — перед страной грех.

И вот наряду с государственными переговорами в Ново-Огареве — переговоры на высшем общественном уровне, заявля-

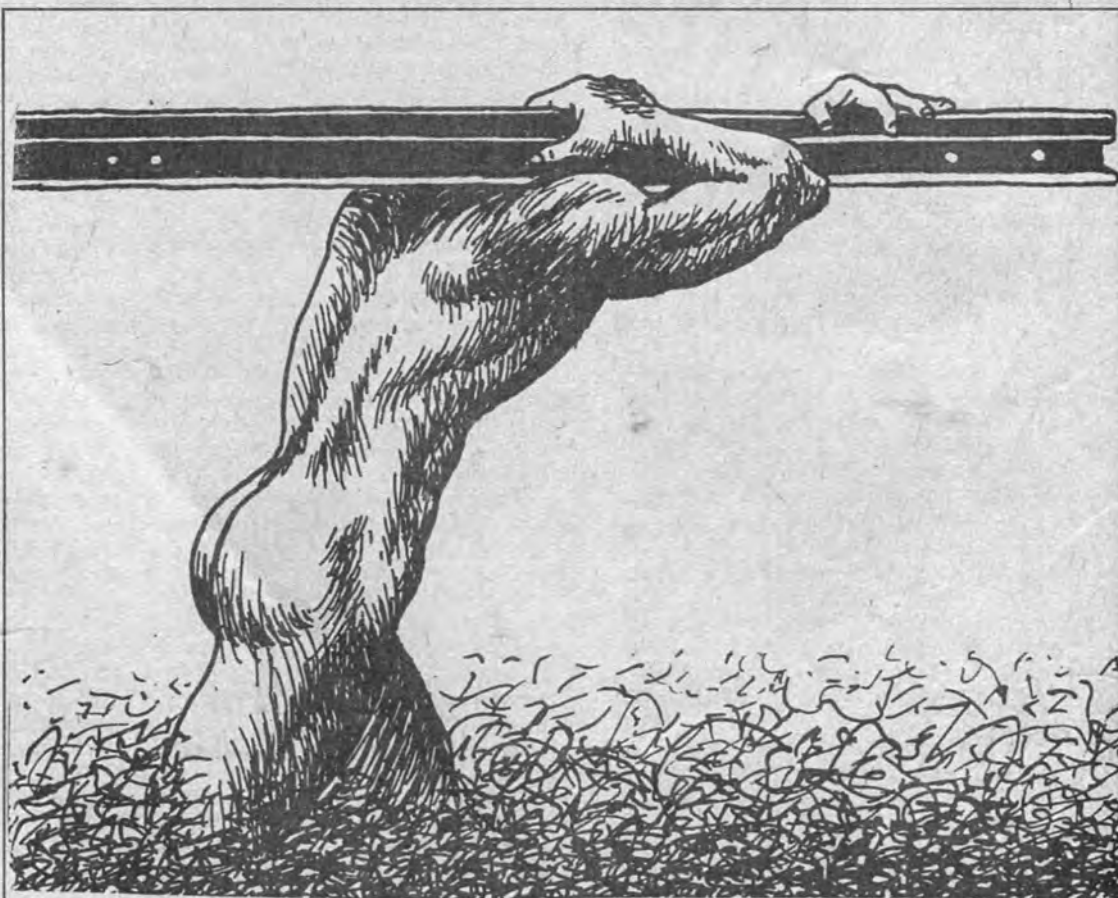
ние девяти и объявление о предстоящем съезде, споры: партия или движение. Кажется, возобладали разумное решение — не торопиться, подумать.

Конечно же, надо подумать. Что за партия? Какого типа? Какого настроения? Какого размера? Из кого? Для кого? Для чего?

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Три силы борются за власть в нашей стране: компартия, разруха и демократия.

Первая сила, компартия, несмотря на обнаружившуюся политическую и моральную нищету, полную некредитоспособность, тем не менее вовсе не собирается объявлять себя банкротом. Огромное число членов партии пронизывают всю толщу народную, танки и автоматы наготове, омоневцы на боевом взводе, маршалы готовы защищать «конституционный», то есть социалистический, строй. Справиться с этой силой или хотя бы ограничить ее невероятно трудно.

Еще труднее справиться со второй мощ-

ной силой — силой разрухи. В отличие от партии, силы беззаконной, разруха питается не зависимыми от нас законами разложения. Противиться им невозможно, и единственный способ выжить состоит в том, чтобы упорно растить нечто новое, живое. Вот главный критерий: способность к самостоятельной жизни — без насилия, без государственного нажима, без искусственной подкормки. Само возникло — само живет.

И, наконец, третья сила — народная — демократия. Ей предстоит выжить в борьбе с двумя объединившимися против нее противниками — компартией и разрухой. Первый из них заставляет демократов создавать партию сопротивления, второй — стать партией строительства.

Что за судьба! Опять нужна партия нового типа, нового по сравнению с коммунистической, но, может, и в мире нового, потому что у нас особое отношение к политике: мы ненавидим ее как никто в мире, мы не можем без нее как никто в ми-

ПРОИСХОДИТ ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ

ре. Крупнейшие политические партии в США обходятся без членства, это партии избирательных кампаний. А в нашей традиции — членский билет, печать, подпись, отметка об уплате и, главное, дисципли-

на, без которой строительство невозможно.

Или, может быть, новая партия должна строиться как зеркальное отражение коммунистической, с точностью до наоборот?

ЗЕРКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ? Нет, строить новую партию наыворот от коммунистической — невозможно. Компартия настолько совершенна в организации своей, что партия, во всем, во всем противоположная ей, была бы ничем — чистый ноль.

В самом деле, если судить о партии по результатам ее деятельности, то победа коммунистов просто грандиозна. Партия при самом возникновении своем заявила о стремлении к власти — она захватила власть. Обещала уничтожить

частную собственность — уничтожила, да так, что теперь никто не знает, как обратно приватизировать государственную. Объявила, что ликвидирует классы и прекратит классовую борьбу, — ликвидировала и прекратила, не с кем бороться, все расстреляны, замучены или разорены. Обещала установить диктатуру — установила, да еще в неслыханно полной форме, лучшая в мировой истории диктатура. Призвала «Долой литераторов беспартийных!» — всех подобных литераторов извели, ни одного не пощадили. Перечень таких побед можно продолжать без конца, но вот главный итог: партия обещала построить социализм в одной отдельно взятой стране — и ведь построила, будем справедливы к ней. То, что гниет сегодня и разлагается, то и есть социализм, царство общественной собственности в его реальном, законченном, совершенном, а потом еще и развитом виде. Правда, некоторые еще не сыты, еще им мало социализма, но дети в таких случаях говорят: «Ты что — совсем?»

Результаты надо признать неслыханными — «Кто может сравниться с Матильдой моей?» Никто. И если

о новой партии будут говорить: «Это что за партия, вот коммунистическая была — это да», то ни в коем случае не должны демократы испытывать комплекс неполноценности: их деятельность заведомо будет не столь впечатляющей.

Социализм, строй насилия над человеком, над обществом, над природой, над землей, над наукой и культурой, над свободой, над ценами, над хозяйством, над здравым смыслом, наконец, создавался и поддерживался исключительно насильственными методами, которые в свою очередь питались насилием внутри партии. Сначала диктатура возникла в партии, потом уж расплескалась она на шестую часть мира.

Тут главное — где источник насилия? Он во внутренних отношениях, в жестком, безусловном подавлении инакомыслия в самой партии. В противном случае не было бы и кровавых успехов.

Новой демократической организации не нуж-

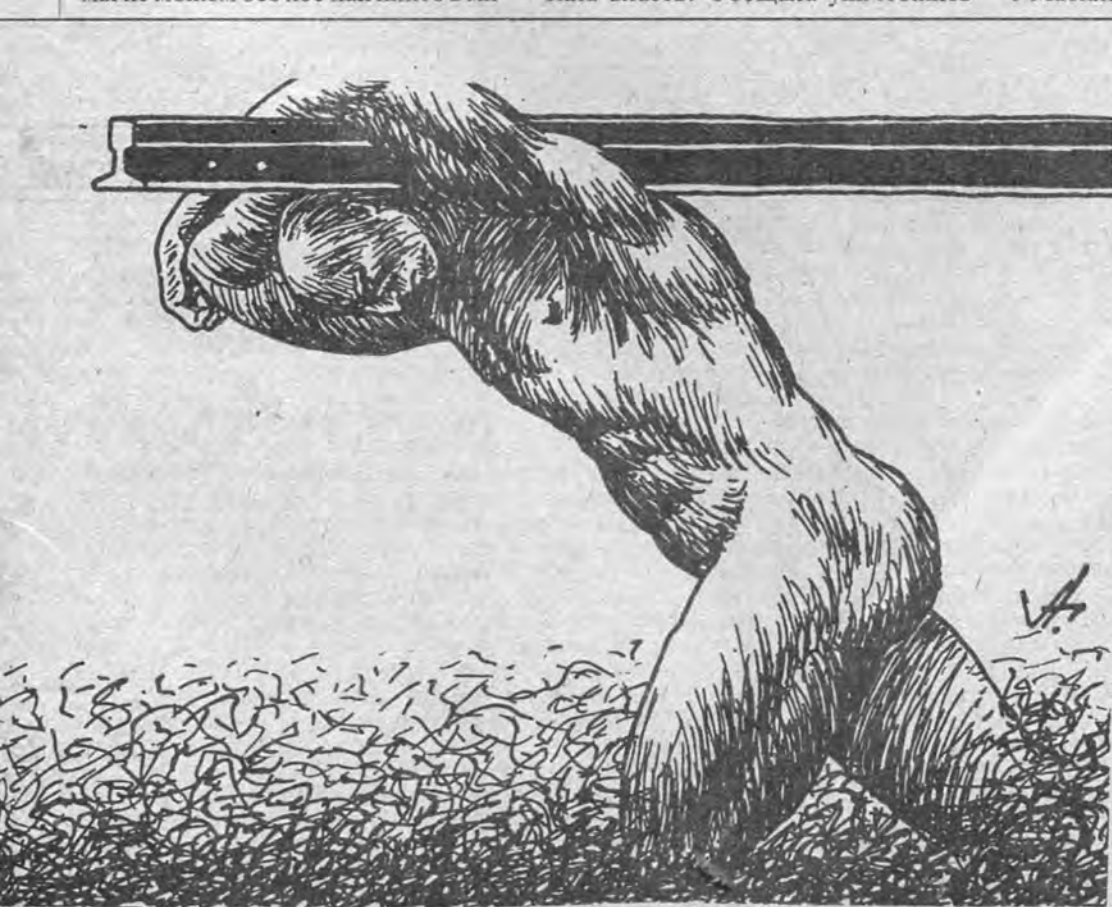

Рисунок Аркадия Гурского

на свирепая результативность, следовательно, не нужна ей и дисциплина компартии. Ее организационный принцип можно было бы сформулировать так: безопасная добровольность. Компартия — капкан. Однажды вступив в нее, человек не может из нее выпутаться, не поймав себе жизнь, но как в компартии зарождается насилие, так в демократической партии должно зарождаться стремление к свободе. Талант свободы — необходимейший талант в нашей стране, и, может быть, новая партия будет давать первотолчок к свободе. Расходясь по стране, энергия свободы поугаснет: встречаясь, в частности, с государственной необходимостью — государство без насилия обойтись не может. Ну что же, важно лишь, чтобы все мощнее работал генератор свободы. Выписал недавно из одной книги: «Развитие народа, достаточно сознательного для того, чтобы желать свободы, готового добиваться свободы и за нее бороться». Может быть, цели новой партии будут примерно такими же?

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Рождение ребенка вызывает не только радость, но и тревогу. Пока он не станет на ноги, нельзя быть до конца уверенным, что с ним все в порядке. А у нашего ребенка к тому же не самая хорошая генетика: все или почти все многочисленные родители новой организации имеют коммунистическое происхождение. Понятно, что даст новая партия политикам, для многих она будет спасением: от компартии устали, вне партии жить не привыкли, в малые стихийные партии идти не хочется — привыкли слегка презирать всякую самостоятельность. А вот — солидная партия, солидные люди, весь демократический генералитет...

Но что даст новая партия обыкновенному человеку, участнику демократического движения?

Макс Вебер предложил такое определение политическим партиям: «Общественные союзы, построенные на свободном привлечении единомышленников с целью привести руководителей союза к политической власти и открыть таким образом своим членам новые материальные и нематериальные возможности».

Мы ведь все в той или иной степени фарисеи, мы привыкли, что люди вступают в партию, чтобы «отдавать всего себя» и прочее. В партию — чтобы получать? Извините.

Но ведь на самом деле люди всегда действуют по прин-

ципу «А зачем мне это надо?» На самом деле любой райком КПСС имеет примерно пятьсот хлебных мест, которые не могут быть заняты без его согласия, — так он подкармливает послушных и исполнительных, одаря остальных повышенным социальным статусом — немалая плата. Что же будет давать человеку новая партия, новое движение? Ответ на этот вопрос определяет степень человечности рождающейся политической силы.

ДРУГАЯ МОДЕЛЬ. Поясню мысль примером — недолгой историей едва ли не первого в стране (после революции) массового демократического движения, возникшего вокруг «Учительской газеты» в конце 80-х годов, когда главным редактором ее был Владимир Матвеев.

Минимум три урока можно извлечь из короткой истории общественно-педагогического движения.

Первый. Движение не может существовать без большой массовой газеты, без прямого общения идеологов его с каждым из участников. Движение возникло в среде подписчиков «Учительской» и прекратило свое существование буквально на следующий день после того, как компартия отобрала «Учительскую», сделала ее своим органом и, как говорили, «переориентировала» ее. Большого движения без большой газеты быть не может — Ленин был совершенно прав, когда говорил о газете как о коллективном организаторе.

Второй. Сейчас, создавая партию или движение, начнут со страшной силой работать над проектами программы и устава, обсуждать их, спорить, вносить поправки и дополнения: «А почему ничего не сказано о молодежи?» Вставят про молодежь. «А про женщин почему нет?» Про женщин вставят. Потом переделаются, как когда-то, споря о том, кого считать членом, а кого не считать. И может ли быть коллективный член? И что делать с тем членом, который позорит имя демократа, — исключать его или пусть себе позорит?

А опыт показывает, что и программа, и устав нужны только политикам на верхушке движения, а люди ими не пользуются — хорошо, если один раз прочитают. Нет, разумеется, организация должна иметь основные документы, хотя бы для того, чтобы зарегистрироваться; но судьба дела зависит, как это ни странно, от документа совсем другого рода — от какого-то манифеста, обращенного непосредственно к

людям. В общественно-педагогическом движении решающую роль сыграл переделкинский манифест «Педагогика сотрудничества», составленный педагогами-новаторами. В нем ни слова — ни единого слова! — не было о школьной реформе, о тяжелом положении с образованием, о засилье бюрократии. Нет, там говорилось о том, как справляться с трудной жизнью, там были новые мысли, вот что важно. И как только манифест появился, сами собой разделились учителя на сторонников его — демократов, на равнодушных и на противников. И сами собой стали создаваться по стране (не без помощи газеты) педагогические клубы. Потом пошли региональные конференции-встречи, и на учредительном съезде все делегаты знали друг друга.

Вот третий урок: манифест, идеи, лидеры должны быть такими, чтобы местные организации создавались снизу, вольным образом.

Вот что получает участник такого движения — моральную поддержку. Он живет в страшной глуши, но знает из своей газеты, что где-то есть люди, которые думают так же, как он, и что его мироощущение разделяют многие, что оно одобрено, что он не чужак-одиночка. Демократического движения еще нет, но слово «демократ» стало для многих оскорбительным. Писали о председателе колхоза, которому местные власти ничего не дают, потому что ходит слух, будто он демократ... Демократу пока что не так-то легко живется, и движение ему нужно прежде всего для поддержки — сегодняшней, вне зависимости от результатов выборов. Партия для жизни, а не только для выборов. Партия для человека, а не только для выбора и поддержки властей.

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Недавно где-то писали, что среди всего населения дураков не так и много — всего три процента. Но кто ходил по начальственным кабинетам, тот не может отделаться от ощущения, что в авангардной нашей партии нарушены нормы представительства, в ней публики означенного рода раз в двадцать-тридцать больше, чем в среднем. Как будто партия намеренно вытягивала «наверх» дураков из народной гущи.

Вот чем только и может быть сильна новая партия — умными людьми. Если дураков среди ее руководства будет не больше трех процентов, такая партия не победит — нет, хватит нам всепобеждающих партий, — но будет привлекательной для людей.

Симон Соловейчик

ПРОИСХОДИТ
ЧТО
ПРОИЗОЙДЕТ

Если бы первая бомба была у Сталина...

Сергей Благоволит

Не так уж часто в нашей печати высказываются специалисты, знающие не понаслышке техническую сторону ядерной проблемы, без учета которой вряд ли можно всерьез говорить о каких-либо проблемах, связанных с контролем над вооружениями.

Ни от одного из высказанных И. Андрияшиным, Ю. Трутневым и А. Чернышевым положений нельзя отмахнуться, причем не только по причине профессиональной подготовленности авторов — в их рассуждениях присутствует немалая доля здравого смысла. Они говорят о важной роли ядерного оружия для обеспечения стабильности в мире — что ж, я с этим не только согласен, но уже несколько лет назад высказал эту точку зрения в печати. Авторы считают, что одностороннее прекращение испытаний может оказаться опасным с точки зрения обеспечения интересов обороны страны — и здесь вряд ли можно с ними спорить. Обращается внимание на новые угрозы миру за «пределами» военного противостояния СССР — США — опять-таки готов не только согласиться с ними, но еще и добавить, что это — основная опасность для будущего человечества. Правда, перечисляя причины появления этих угроз (демографический взрыв, истощение ресурсов, нехватка продовольствия, экологический кризис, духовное оскудение цивилизации), как мне кажется, они несколько преувеличивают роль тех из них, которые поддаются если не решению, то по крайней мере какому-то разумному регулированию опять-таки на основе здравого смысла, которого столь часто всем нам так не хватает. Но тут есть мощный стимул для его проявления — чувство самосохранения.

А вот об одной, но очень важной составляющей этих новых угроз они не упоминают вовсе — стремлении определенных режимов к использованию военной силы для решения стоящих перед ними проблем, вместо того чтобы идти по пути социального и экономического развития. Недавние события в Персидском заливе четко показали, как может выглядеть такого рода картина не только сейчас, но и в будущем. С одной лишь серьезной поправкой — будь у Ирака ядерное оружие, не думаю, чтобы он колебался при решении вопроса о его применении. Это, кстати говоря, еще один весомый аргумент за то, чтобы в обозримой перспективе и нам, и американцам сохранить хотя и сокращенные, но внушительные ядерные арсеналы.

Вместе с тем целый ряд положений статьи требует, на мой взгляд, если не возражений, то по крайней мере размышлений, включающих в себя и некоторые дополнительные обстоятельства. Начнем с собственно ядерных испытаний. Очевидно, пока будет ядерное оружие, нужны и какие-то его испытания. Не мне судить какие (имея в виду мощностные и периодические), тем более что в статье приводятся некоторые соображения на этот счет, да и общественными и официальными организациями предлагается в последние годы немало интересных и, судя по всему, разумных идей. Но в публикации говорится и о том, что «в последние годы нормальная работа ядерного комплекса нарушена... Нужно принципиальное решение: остается СССР ядерной державой или производит одностороннее ядерное разоружение». Понятно, что имеется в виду ситуация на обоих наших основных полигонах — Семипалатинском и Северном. Для «снятия» существующих проблем авторы предлагают введение специальной системы льгот и компенсаций для всех граждан, жизнедеятельность которых затрагивается работой ядерных полигонов. Вот здесь-то невольно и останавливаешься. О каких же льготах и компенсациях для людей, страдающих от злокачественных опухолей и болезней крови, можно говорить? Чем можно компенсировать рождение неполноценных детей? И разве жители Семипалатинска, Караганды и других примыкающих к полигону городов и поселков не вправе требовать прекращения этого медленного убийства? Трое авторов сами говорят об экологическом кризисе. И что же и как предполагают компенсировать они природе, жестоко страдающей от испытаний на Северном полигоне?

Наверное, прочтя эти строки, авторы статьи пожмут плечами и скажут, что здесь у меня сплошные противоречия — несколькими строками выше я вроде бы однозначно — за испытания, а здесь — столь же однозначно против. Однако на деле никаких противоречий нет. Сейчас во многих и многих сферах нашей жизни настало время расплаты за ту легкость, с которой долгие десятилетия принимались любые решения, в том числе и об испытаниях ядерного оружия, принимались без тени сомнений и настоящей заботы о людях. Значит, нужно действительно остановиться, собраться с мыслями и подумать, где и как проводить испытания таким образом, чтобы действительно не ставить под угрозу ни здоровье людей, ни экологическую ситуацию либо по крайней мере минимизировать эту угрозу. Никакими «чрезвычайными мерами», с наскака эту проблему не решить.

Хочу просто напомнить, что в США полигон в штате Невада расположен ничуть не дальше от мест обитания человека, чем Семипалатинский. Даже такой модный, всемирно известный центр развлечений,

Испытания
бомбы.
Испытание
бомбой

Продолжаем
дискуссию,
начатую
статьей трех
специалистов-
ядерщиков
И. Андрияшина,
Ю. Трутнева и
А. Чернышева
«Ядерное
оружие:
слишком
серьезно, чтобы
относиться к
нему легко-
мысленно»
(«НВ» № 26)

Рисунок Виктора Богорада

как Лас-Вегас, совсем неподалеку. Само собой разумеется, ничего даже отдаленно напоминающего последствия наших ядерных испытаний — там нет и быть не может. Наверное, такой уровень безопасности стоит денег — и немалых. Но ведь авторы сами пишут, и вполне справедливо, что ядерное оружие — это слишком серьезная вещь, чтобы относиться к ней легкомысленно.

Совершенно ясно, что задержка с продолжением ядерных испытаний на год-два никаких трагических последствий ни в научно-техническом, ни в чисто военном плане иметь не будет. Но несомненно, что за это время надо все взвесить и четко определить, где; как и какие испытания проводить.

В статье затрагиваются и военно-политические вопросы. Мне кажется, что в целом ряде случаев они трактуются слишком традиционно и, я бы сказал, не вполне верно. Например, говорится о том, что угроза применения тактического оружия в региональных конфликтах со стороны США может побудить многие страны начать ядерное вооружение. Здесь просто нет связи. Ведь достаточно посмотреть на ядерные программы, скажем, Израиля, ЮАР, на то, что делалось при военных правительствах в Бразилии, чтобы в этом убедиться. Никак не связана с тактическим, да и стратегическим американским ядерным оружием и та ситуация, которая существует на Индостанском полуострове. Явно другие мотивы

были и у С.Хусейна. Страны, стремящиеся к получению ядерного арсенала, делают это отнюдь не для того, чтобы противопоставить его США (да, кстати, и СССР, который к Югу значительно ближе, чем американцы и западноевропейцы), а для того, чтобы решать собственные задачи, увы, далеко не всегда благородного свойства. США ни в одном локальном конфликте не применяли ядерное оружие и не думаю, что сделают это иначе как в ответ на чью-либо акцию такого рода.

Кстати говоря, вот почему и нам, и американцам не нужно спешить с ликвидацией тактического ядерного оружия. Кроме того, что еще важнее, нам просто необходимо объединить с ними и другими развитыми (а вероятно, и некоторыми развивающимися) странами свои усилия по созданию системы обороны от тех ракет с ядерными боеголовками, которые могут в ближайшей перспективе появиться у некоторых государств и использоваться в числе прочего для шантажа как своих соседей, так и других, включая и нас, и американцев, и западноевропейцев. Причем, как справедливо отмечают авторы, «во многих случаях примитивные, но достаточно разрушительные виды ядерных вооружений могут быть созданы вообще без испытаний». Именно создание эффективной оборонительной системы в сочетании с достаточно мощными ядерными средствами сдерживания может оказаться надежной преградой на пути расползания такого оружия еще до тех неблизких, к сожалению, времен, когда будут созданы политические предпосылки для прекращения этого процесса.

К акими же видятся мне эти предпосылки и можно ли вообще говорить, хотя бы и в более отдаленной перспективе, о безъядерном мире? Обратимся немного в прошлое, ибо без этого трудно понять и настоящее, и будущее. Да, создание ядерного оружия в нашей стране в свое время было важнейшим событием. И те ученые, включая А.Д.Сахарова, которые участвовали в этом, считали, что поступали правильно, считали, что так было необходимо для сохранения равновесия в мире. Но жизнь показала и другое. Мы очень часто приписывали американцам свои собственные намерения и исходили в своем восприятии действительности именно из этого. Не надо забывать, что, во-первых, на протяжении нескольких лет у США была ядерная монополия — и формально, и фактически. После этого еще на протяжении, наверное, лет семи-десяти, где-то до второй половины конца 50-х, утерав ее формально, они тем не менее в значительной мере сохраняли ее фактически. Хорошо известно соотноше-

ние наших ядерных потенциалов даже в период кубинского кризиса, не говоря уже о средствах и возможностях доставки к целям. Авторы пишут о стратегических планах нанесения ядерного удара по десяткам городов СССР, что угрожало фактическим уничтожением государства. Но ведь это же — к великому сожалению — не что иное, как оперативное планирование, неотъемлемая часть любой военной деятельности. Вряд ли есть необходимость доказывать, что то же самое делалось и у нас. Подобные планы были (и есть, вероятно, пока еще), но никогда, как известно, не были реализованы. Более того, мы не подвергались сколько-нибудь серьезному ядерному шантажу. Даже в самые трудные для США дни корейской войны такое оружие использовано не было. А теперь давайте представим себе на минуту, что в роли ядерного монополиста вместо «поджигателя войны» Г. Трумэна выступает «борец за мир» И.В. Сталин. Я думаю, что остается только благодарить Бога за то, что нас сие миновало.

Все это к тому, что не надо все время подозревать американцев в стремлении к убийству, а тем более самоубийству. Они никак не намерены — и не были намерены — нанести по нам ядерный удар, последствия которого для нападающей стороны — при любом раскладе — окажутся в принципе такими же, как и для другой.

Откровенно говоря, самое сильное возражение у меня вызывает вполне определенно просматриваемая трактовка наших отношений с США исходя из ситуации десятилетней давности. Все, что происходит сейчас, совершенно однозначно говорит о том, что США (да и другие развитые страны) заинтересованы в нашей стабильности и сохранении в качестве государства, способного проводить ответственную политику. Для всех них не меньшая угроза, чем для нас, — возникновение такого положения, когда СССР не сможет контролировать положение в собственном ядерном комплексе. Собственное ядерное оружие — источник ужасных бедствий не только для самого слабого государства (о чем справедливо говорят авторы), но и для его соседей, а в нашем случае — для всего мира.

Понимая это, никто и не требует нашего одностороннего ядерного (как, впрочем, и любого другого) разоружения. Более того, хорошо известно, что ищутся пути, чтобы помочь нам выйти из кризиса.

Эту ситуацию нужно максимально использовать для начала военного сотрудничества с Западом и постепенного, очень осмотрительного, но неуклонного его развития. Это отнюдь не прекрасноразумные

идеи. Например, такой «практик», как главнокомандующий НАТО в Европе генерал Дж. Гэлвин, прямо говорит о необходимости и даже неизбежности подобного сотрудничества. В области ядерного оружия мы можем достичь со временем такого же положения, какое существует в отношениях между США и западноевропейскими ядерными державами, — полного отсутствия взаимной угрозы. Что же касается достаточно сложного переходного периода от нынешнего положения к эпохе сотрудничества, то и у нас, и у них в качестве гаранта стабильности на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств остается стратегическое ядерное оружие. В этом я вполне согласен с М. Тэтчер.

Одновременно новый характер наших отношений в военной области позволит создать условия, благоприятствующие процессу формирования такой глобальной военно-политической ситуации, которая в перспективе, может быть, действительно позволит говорить о безъядерном мире. Это потребует глубочайших изменений в характере международных отношений не только по линии Восток—Запад (что уже происходит), но также Север—Юг и Юг—Юг.

Сейчас также не вызывает сомнений, что еще примерно 10–15 лет не появятся эффективные средства обороны против таких ракетно-ядерных сил, какими располагают США и СССР. Система ПРО предназначена для решения задач совершенно иных параметров. Но я думаю, что вряд ли можно исходить в наших концепциях безопасности страны из идеи «технической бессмертности» ракетно-ядерного оружия. Мне кажется, что так или иначе, но его историческое время подходит к концу. И это еще один аргумент в пользу широкого и действительно прочного военного сотрудничества с Западом. Ибо если не удастся к этому моменту добиться тех изменений, о которых говорилось выше, то безъядерный мир может в определенном смысле оказаться даже опаснее ядерного. Поэтому в заключение я могу лишь согласиться с тезисом о том, что для реализации планов разоружения нужна как величайшая политическая решительность, так и величайшая предусмотрительность. Добавлю лишь, что и то и другое возможно только в том случае, если видеть новые реальности, — то есть как новые опасности, так и те новые возможности долгосрочного обеспечения безопасности страны, которые открываются сейчас перед нами. Наше ядерное оружие должно быть не тормозом в их реализации, а органической частью всего этого процесса.

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● Установку, гарантийный и послегарантийный ремонт систем противоугонной сигнализации «Саргис»; установку любых отечественных или импортных систем противоугонной сигнализации, имеющих у заказчика; установку радиоаппаратуры (отечественной или импортной); установку дополнительного электрооборудования. Справки по телефону. Москва с 18 до 19 часов: 299-21-41.

● МНОГООТРАСЛЕВОЙ КООПЕРАТИВ «ЛЮКС»

Наша огромная страна открывает большие возможности для бизнеса!!! Если Вы еще не имеете своего представительства в Москве, то наша фирма, располагая квалифицированными специалистами и прекрасными помещениями, будет рада представлять Ваши интересы в г. Москве и на всей территории СССР.

СССР — это Клондайк сегодня!!!
Почтовый адрес: 117602,
г. Москва, ул. Академика Анохина,
д. 6, кор. 3, пом. 509;
тел: 437-89-85, 430-04-20

● Рекламное агентство «ЭГЛЕ» поможет ВАМ оперативно разместить любую рекламу:

— поможет разработать стратегию рекламной кампании через газеты, журналы, телевидение, радио...

— предлагает уникальный банк адресов (180 тыс.), обеспечивает прямую почтовую рекламу — надежный и эффективный способ заинтересовать потребителя. Контактный телефон в Москве: 289-65-46 — с 10 до 16 часов

● НПП «Сиком» приглашает к сотрудничеству предприятия, организации, кооперативы и деловых людей для создания коммерческого банка. С предложениями обращаться по адресу:
117279, г. Москва, а/я 73
Контактные телефоны:
336-24-39, 336-11-86, 138-88-97,
157-37-83

На войне как на войне

Буквально «без пяти двенадцать» делегации ЕС удалось убедить руководителей СФРЮ, Словении и Хорватии прийти к компромиссу.

Трехмесячный мораторий на отделение должен дать достаточно времени для решения спорных вопросов. Однако говорить, что конфликт исчерпан, рано.

Расчеты и просчеты генералов и политиков солдаты

Мало кто сегодня верит в Югославию в реальность сохранения ее как единого государства. Последние события ускоряют распад страны. Попытки Президиума СФРЮ отсрочить этот процесс пока не приносили результатов. Похоже, что и требования, включенные в соглашение о прекращении огня, Словения выполнять не торопится, несмотря на то что за этими требованиями стоит и Европейское сообщество. Упрямство словенцев — не блеф азартного игрока в покер, а результат оценки обстановки, соз-

давшейся после завершения акции Югославской народной армии.

Действия ЮНА в Словении вряд ли можно оценить однозначно. Армейские части были направлены в эту республику на основе решения федерального парламента и правительства страны, чтобы восстановить нарушенный Словенией в одностороннем порядке режим на го-

ном характере, о братстве солдат различных национальностей оказались блефом.

В последнее время ЮНА испытывает давление с двух сторон. Одни требуют от нее не выходить из казарм, что бы ни происходило в стране. Другие подталкивают к взятию власти. Позиция армейской верхушки двойственна. Руководитель

Тем не менее в «словенском случае» многие возлагают вину на армию. Даже правительство постаралось дистанцироваться от действий военных. И поэтому трудно однозначно ответить на вопрос, на чьей совести понесенные в Словении жертвы. С уверенностью можно лишь сказать, что победителем (во всяком случае моральным) стала Словения. Руководству республики удалось сплотить вокруг себя словенцев; оно вдобавок сумело в значительной степени обратить в свою пользу мировое общественное мнение. Если десять дней назад Европа почти единогласно заявляла о непризнании отделения Словении и поддерживала решительные меры правительства СФРЮ, то теперь все настойчивее звучат голоса стран, выступающих в поддержку самостоятельности югославских республик.

В Словении не сомневаются, что рано или поздно и все остальные республики СФРЮ, и ЕС согласятся с неизбежностью словенского выхода из федерации. Так скорее всего и произойдет. На днях сербский руководитель Слободан Милошевич уже заявил, что Сербия не возражает против ухода Словении.

Конечно, с отделением Словении проблема югославского единства вступит в еще более острую фазу. Примеру Словении, вероятно, попытается последовать Хорватия, и тогда новый взрыв неизбежен, ибо власти в Загребе заявляют о решимости сохранить контроль над хорватскими районами, населенными сербами. Сербское население уже полным ходом готовится к войне, не веря в возможность мирного сожительства. Обстановку очень выразительно описал один из местных жителей-сербов: «Хорваты обстреливали наше село, и сербам приходилось от дома к дому переходить огородами. Но и мы не остались в долгу, и теперь хорваты тоже ходят огородами».

Пока сербов и хорватов пытается разделять армия. Но хорватские власти требуют ее ухода в казармы. И если армия уйдет, могут оказаться пророческими слова одного из югославских генералов: «Когда ЮНА возвратится в казармы, в Хорватии начнется гражданская война».

Югославский кризис все больше приобретает не только внутренний характер. Он уже вышел за пределы страны. Но развязать югославский клубок противоречий не просто даже Европейскому сообществу и другим международным организациям. И не случайно, видимо, во время своего недавнего пребывания в Белграде государственный секретарь США Джеймс Бейкер заявил в порыве откровенности журналистам: «В Югославии переговоры вести труднее, чем на Ближнем Востоке».

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»
БЕЛГРАД

оплачивают кровью

сударственной границе. Менее чем за двадцать четыре часа задание было выполнено. И тогда начались настоящие боевые действия.

Общий баланс «словенской авантюры» для Югославской народной армии неутешителен: тридцать девять солдат убиты, две тысячи триста взяты в плен (словенские потери — четыре человека). Среди пленных — немало дезертиров и перебежчиков, главным образом солдат и офицеров-словенцев. Впрочем, трудно было бы ожидать, что молодые словенцы в рядах ЮНА станут всерьез воевать против соотечественников.

Акция в Словении показала, что Югославская народная армия разделяет судьбу страны. Ей тоже грозит распад. Утверждения о ее монолит-

военного ведомства СФРЮ генерал Кадиевич убежден, что, с одной стороны, «внутренний кризис не может быть решен использованием военной силы», а с другой — армия не может быть безучастной во время межнациональных конфликтов.

Стремясь избежать обвинений в излишнем вмешательстве в политику, ЮНА долгое время закрывала глаза на формирование национальных армий. Сегодня эти армии пытаются вытеснить ЮНА с политической сцены. После освобождения армии из-под контроля партийной идеологии не произошла ее профессионализация. Наступивший вакуум быстро заполнили силы, видящие в сохранении федеративной Югославии помеху для реализации национальных целей.

Танки на общеевропейской улице?

Танки в Словении. В Тбилиси. В Вильнюсе.

Разные страны. Похожие сценарии. В марте 1991 года после митинга оппозиции улицы Белграда заполнили танки. Тогда же местные генералы предложили ввести в стране чрезвычайное положение. Президиум СФРЮ эту идею отверг. В июне танки Югославской народной армии совершили марш-бросок в вознамерившуюся отделяться Словению и вели бои с частями территориальной обороны этой республики.

В канун 9 апреля 1989 года танковая колонна прошла по улицам Тбилиси. В качестве устрашения. Закончилось ночной рукопашной с местным населением — участниками митинга. Солдаты сражались саперными лопатками.

13 января этого года в Вильнюсе танки сминали толпу у здания местного телевидения.

Похожие объяснения. Когда гражданские власти парализованы, «миссию по спасению страны» приходится брать на себя военным. Случается, по собственной инициативе. Как в Югославии. Пока Президиум СФРЮ — по конституции Верховный главнокомандующий — бездействовал из-за выяснения отношений между республиками, военные, как

они сами утверждают, занимались делом. Операция по восстановлению «провалившейся» из-за ухода Словении границы вылилась в кровавое столкновение.

Премьер А.Маркович на пресс-конференции 4 июля отмежевался от действий армии, подчеркнув, что вверенное ему союзное правительство никогда не давало указания о проведении какой-либо армейской операции так, как это было сделано. А накануне член штаба Верховного командования генерал Б.Аджич заявил, что войска массированным ударом подавят любые попытки Словении уйти.

На следующий день после трагедии в Тбилиси генерал Родионов настойчиво объяснял мне, что военным пришлось взять на себя черную работу «из-за паралича местных властей», ничего не предпринимавших против антикоммунистической пропаганды «кучки отщепенцев», подстрекавших людей выйти на площадь.

В Вильнюсе военные гордились тем, что им удалось заглушить в эфире вредные, с их точки зрения, политические речи.

Из рядов югославских генералов и консерваторов-коммунистов раздаются голоса, будто происходящее в Югославии — проделки внешнего врага. Он, мол, стал коварнее и хитрее и действует через своих агентов внутри страны, добиваясь ее расчленения. (Между прочим, больше всего европейское и мировое сообщество с са-

мого начала беспокоила именно перспектива раздела Югославии.) Нечто подобное мы услышали и в ходе недавнего демарша в Верховном Совете СССР доблестной генеральско-маршальской троицы — Владимира Крючкова, Дмитрия Язова и Бориса Пуго. Первый как раз говорил об агентах влияния империалистов в СССР, которые спят и видят, как бы растащить его по кускам и уничтожить.

Похожие последствия. В Югославии только после словенской операции 39 убитых и 152 раненых со стороны ЮНА, четверо убитых и 66 раненых — потери словенцев. В Тбилиси — десятки убитых и сотни раненых. В Вильнюсе — тоже жертвы среди гражданского населения.

Итог: республики Прибалтики, Грузия, Словения, Хорватия лишь укрепились в желании выйти из своих союзов.

И, наконец, одни и те же вопросы после трагедии. Знал ли президент? Знал ли премьер? Кто вообще знал? Кто отдавал приказ? Вопросы, как правило, остающиеся без ответов.

В отличие от наших консерваторов, упорно пытающихся убедить весь мир, что сценарий перестройки написан где-то в одном месте, затерявшемся в вашингтонских коридорах власти, не думаю, что сценарий военных пишет одна рука. Просто система агонизирует одинаково, особенно в многонациональных государствах. Годами подавлявшееся национальное самосознание проявляется порой в самых необузданных формах. Армия поддерживает наиболее консервативные силы в обществе. А попытки генералов заняться политикой, влиять на политические решения или самим их принимать лишь обостряют и без того непростые ситуации.

Решение межнациональных и политических споров внутри государств силами армии чревато непредсказуемыми последствиями и для общеевропейской стабильности.

Европейцы приняли свой кодекс поведения — 10 принципов Хельсинки. Последние события, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что пришло время либо расширить этот кодекс, либо по-новому взглянуть на некоторые из принципов: к примеру, что все-таки является внутренним делом государства, а что подлежит решению общими усилиями в соответствующих структурах СБСЕ? Может быть, стоит придать недавно созданному механизму по чрезвычайным ситуациям не только рекомендательные функции? Иными словами, раз уж мы решили жить в общеевропейском доме и руководствоваться общечеловеческими ценностями, видимо, стоит начать с того, чтобы поставить заслон танкам на общеевропейской улице.

Галина
Сидорова

Кто
пишет
сценарий
генералам

Между Белградом и Вильнюсом,

или По-прежнему ли «Земля начинается от Кремля»

Павел Кандель

Известно, что бога не следует помянуть всуе, а черта — к полуночи. Следуя этим приметам, легко представить, что, не разговаривая столь много политологи о «балканизации», не произошел бы сегодня и «югославский случай». Можно, правда, предположить и противоположное: если бы опасность «балканизации» была осознана всерьез, возможно, удалось бы избежать худшего. Определенная условность здесь связана с тем, что, хотя распад СЭВа и Варшавского Договора означал прекращение существования советскоцентричной системы международных отношений в регионе, но и начавшаяся эволюция к европоцентричной модели вряд ли скоро обретет столь весомый характер, чтобы заново структурировать систему региональных взаимоотношений. Страны региона, находясь в состоянии пониженной внутриполитической стабильности, неизбежной при становлении новой социально-экономической и политической системы на руинах тоталитаризма, одновременно оказались и в зоне пониженной внешнеполитической стабильности — естественного результата отсутствия организующих структур. И все это происходит в условиях, когда пугающий призрак национализма уже перестал быть бесплотным.

Многим восточноевропейцам казалось, что извлеченный из архивной пыли термин «балканизация» — злокозненный умысел обитателей мировых столиц, одержимых великодержавным синдромом. Еще в августе 1990 года, выступая в Осло, Вацлав Гавел оспаривал опасения, высказывавшиеся о Центральной и Восточной Европе «как потенциальной пороховой бочке, как пространстве, где набирают силу национализм, этническая несовместимость, а следовательно, множатся различные проявления коллективной ненависти». Не злорадовство, а сожаление вызывает то, что за истекшие месяцы события в Югославии и Чехо-Словакии лишь укрепили подобные опасения. Своего рода вакуумом безопасности

в ставшем безблоковым регионе, кстати, можно объяснить и тенденцию к укреплению экономического, политического и военного сотрудничества Венгрии, Польши и Чехо-Словакии; после встречи их руководителей в феврале нынешнего года эта тенденция стала обретать реальные черты, хотя венгерская идея «тройственного союза» и была отвергнута.

Чувство незащищенности должно было особенно усилиться в странах региона после попятных движений советской внешней и внутренней политики осенью и зимой 1990–1991 годов. События в Прибалтике, напомнившие восточноевропейцам уроки 1956 и 1968 годов, реанимировали в их глазах имперский облик СССР, начавший было забываться под сурдинку разговоров о «новом политическом мышлении». Поскольку для любой сколько-нибудь разумной политики естественно при разработке стратегии принимать во внимание наихудший из возможных вариантов, наиболее вероятный противник и наибольшая угроза безопасности странам региона вновь начала обретать реальные очертания на Востоке. И пусть эти страхи мнимы, а весна 1991 года принесла надежды (едва ли не последние) на политическую «московскую весну», опасения остались. Ведь не успели просохнуть чернила на ново-огаревском соглашении «9+1», как в Закавказье аукнулось орудийным «салютом», а миссию Явлинского в США «наши» ознаменовали новыми подвигами в Прибалтике. Надо ли добавлять, что «не наши» на наших западных рубежах не стали чувствовать себя безопасней.

Внешняя угроза способна на время уравновесить потенциал внутрирегиональных конфликтов, но и такая опасность остается актуальной. Нерушимость границ, закрепленная Хельсинкским актом, признана всеми государствами региона. Однако исчезновение одного из этих государств и появление слабых новообразований, не имеющих международно признанных границ, провоцирует опасные перемены. И случись Югославии или Чехо-Словакии развалиться, да еще и не мирно (а сегодня подобное предположение не может выглядеть оскор-

бительным или нереальным), хватит ли у соседей благоразумия, чтобы не предъявить права на дележ наследства или на защиту своими войсками «своих» национальных меньшинств на чужой территории? Конечно, на рубеже XXI века это выглядит немыслимо архаично, но развитие событий в Югославии сильно напоминает XIX век. Давние же счеты соседей общеизвестны, и не послужат ли Косово, Воеводина или Македония в качестве объектов удовлетворения «вековых национальных чаяний»? И не станет ли это началом «реакции домино» — череды порождающих друг друга межгосударственных конфликтов?

Всё говорит, что в Центральной и Восточной Европе никто не чувствует себя достаточно безопасно. И Запад, и Восток беспокоят межнациональные распри и нежелательная перспектива перекройки границ. Страны региона, похоже, еще не решили для себя, какая угроза с Востока для них страшнее — то ли силовая стабилизация в Советском Союзе и установление авторитарного режима с имперскими амбициями, готового исправить «ошибки непродуманного отступления», то ли хаотический развал с гражданскими междоусобицами, переклестывающими за рубежи, и потоками беженцев — «имена же их ты, Господи, ведаешь»? Европейское сообщество и НАТО эти перспективы не радуют. Однако и предлагаемое некоторыми расширение сферы действия НАТО от Бреста до Бреста, чтобы предотвратить первые два варианта, — вызывает не больше энтузиазма. И резонно — Советский Союз вряд ли станет хладнокровно наблюдать за односторонним расширением НАТО на восток и сооружением «берлинской стены» на своих западных границах. Даже если ослабляющее СССР внутреннее неустойчиво продлится и лишит его способности к активному реагированию, разумно ли давать столь сильные козыри тем сторонникам возобновления международной конфронтации в Советском Союзе, которые уже «вышли из окопов» и зашагали в «последний, решительный бой»? Кому и на каких рубежах придется их тогда останавливать?

Между тем если все участники международных отношений в регионе не чувствуют себя в должной безопасности друг от друга, то именно эти взаимопересекающиеся угрозы и должны парадоксальным образом послужить основой для новой системы региональной безопасности как части общеевропейской. На перекрестке опасений вырисовывается зона общих интересов —

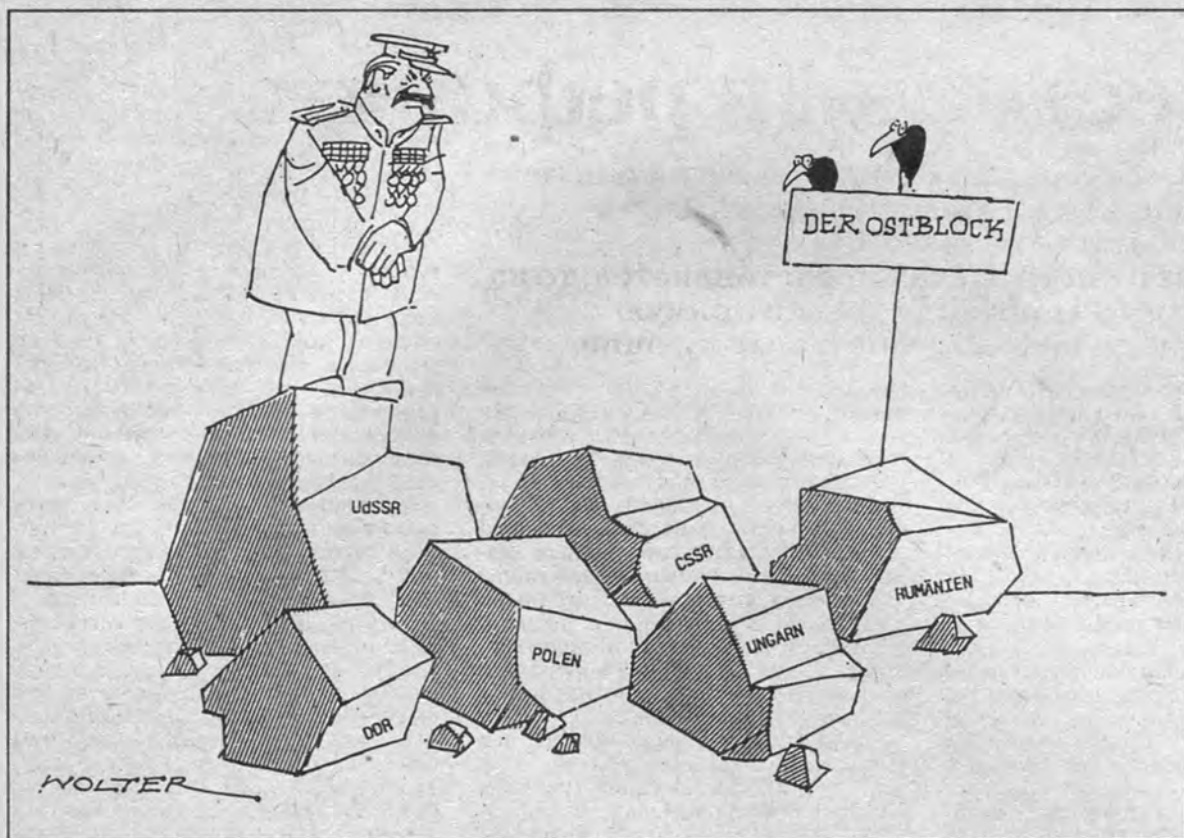

Рисунок
из журнала
«Диалог»
(ФРГ)

сохранения стабильности в регионе, локализации очагов внутривосточного неравновесия в отдельных странах, предотвращения, возможно, негативного влияния внутривосточных проблем на отношения СССР с ЕС и США и предупреждения одностороннего силового воздействия на регион, наконец, превращение Центральной и Восточной Европы из поля возможного соперничества и противоборства в звено общеевропейской безопасности и сотрудничества.

С точки зрения этих вполне реалистических целей ключ к решению региональных проблем лежит не в двустороннем взаимодействии СССР с отдельными государствами Центральной и Восточной Европы и не в договорах о добрососедстве, на которые ныне возлагается столько надежд. Решение может быть найдено в отношениях Советского Союза с ЕС, НАТО и США, ибо от них в конечном счете зависят скорость сближения Восточной Европы с Западной и его конечные формы. Основным же средством достижения подобных целей могут стать совместные (со стороны СССР и западных государств) гарантии безопасности странам региона.

Подобные гарантии могли бы быть оформлены либо в виде общеевропейского договора с участием СССР, с одной стороны, НАТО или ЗЕС — с другой, всех государств Центральной и Восточной Европы — с третьей. Другой вариант — се-

рия индивидуальных трехсторонних соглашений Советского Союза, НАТО (ЗЕС) и каждого из государств региона. Соглашения такого рода, не противореча принципам СБСЕ, конкретизировали бы их применительно к проблемам региона. Более того, основы хельсинкского процесса получат весомое подкрепление, если международно-правовые конструкции смогут опираться на реальные факторы политической, экономической и военной мощи. Гарантии НАТО (ЗЕС) и Советского Союза сняли бы озабоченность стран региона относительно возможных угроз их безопасности с Востока или Запада. Вместе с тем их совокупная мощь тоже явилась бы достаточной гарантией стабильности в регионе, исключаяющей его «балканизацию». Советский Союз приобрел бы уверенность, что не произойдет болезненного для него одностороннего расширения НАТО на Восток. Устранилась бы обеспокоенность относительно возможного использования единой Германией своего увеличившегося экономического и политического веса. Советский Союз смог бы избежать и угрожающей ему в ином случае изоляции и независимого от него формирования единой Европы от Бреста до Бреста. Вместе с тем сложилась бы неплохая договорная основа для продолжения формирования общеевропейских структур безопасности. Придется, правда, пожертвовать излюбленным прилагательным «безблоковых». Но

жертва не столь и велика, ибо в сложившихся условиях безблоковая Европа сможет скорее всего, как это ни парадоксально, стать реально лишь после вступления Советского Союза в НАТО. Договоренности о совместных гарантиях безопасности и в этом смысле открывают новые перспективы. Пока же СССР представляет собой «большое неизвестное» европейского и мирового политического уравнения, рассчитывать на иное нет оснований.

Само собой разумеется, что предлагаемый проект решения острых проблем и обеспечения безопасности Советского Союза в Европе сможет осуществиться лишь при последовательном продолжении курса на сотрудничество с США, ЕС и НАТО во внешней политике и радикализации реформ внутри страны, при таком национально-государственном переустройстве Союза, которое исключит повторение вильнюсских событий. Более того, подобное сотрудничество в сфере безопасности станет логическим дополнением замышляемого крупномасштабного экономического сотрудничества, которое в западной прессе получило наименование «большой сделки». Есть ли альтернатива? Почему-то в памяти всплывает конец Крымской войны и кончина Николая I, по меткому выражению Герцена, от «Евцатории в легких». «Вильнюс в печени» — вряд ли лучший исход.

Инвестиции в реформы

На встрече «семерки» в Лондоне центральным будет вопрос, как подключить Запад к процессу реформ в Советском Союзе. Ответов предлагается много. И, как представляется, те из них, которые имеют в виду только прямую экономическую помощь, — не самые лучшие.

Есть ли такой вид инвестиций в реформы, который, во-первых, не требовал бы астрономических затрат, во-вторых, принес бы быструю отдачу и, в-третьих, был бы недосдаем для отечественных колорадских жуков старой бюрократии и нового хищнического предпринимательства? Такой вид инвестиций в реформы есть.

Что главное для любой реформы? Деньги? Новые технологии? Нет. Мозги. Без людей с новыми навыками, с новым, современно-западным образом мышления мы не сдвинемся с места ни на йоту. Скачок из царства златоустой марксистской свободы в царство рациональной необходимости, который нам предстоит совершить, небывал. Он намного превосходит большинство реформ в истории России и может быть сопоставим только с двумя веками — крещением Руси и петровскими реформами. (Крещение Руси часто понимают узко — как принятие религии; но с христианством на Русь пришла целая цивилизация, целый мир открылся — с понятиями о государстве, о морали, о современном на то время бытии в целом.) И две великие реформы прошлого были основаны главным образом на одном — проникновении новой культуры через образование людей. Качественный скачок в обоих случаях был сопоставим с предполагаемым ныне: «олнчественное его измерение было меньше, и проблему новых голов можно было решить, поначалу привлекая светлые умы из Зарусья. Но и тогда россияне отправлялись за моря — широко известная деятельность Петра и так далее.

Конечно, сегодня в качественно иных информационных условиях новые навыки рождаются и на отечественной почве. Однако посмотрите, в каких первобытно-уродливых формах они существуют. Нынешние «новые люди» (похоже, вечная судьба России — искать «новых людей») с большим умением извлекают свой собственный профит — в политике ли, в экономике ли, в культуре ли. Однако как жадны, недальновидны и даже подчас опасны бывают они... И если пустить дело на самотек, то мы с неизбежностью и медлительностью пройдем все зады Запада — безобразное первичное накопление капитала с нищетой одних и бесстыдством других, коррумпированную примитив-

ную политическую кухню — даже не кухню, а бойню, обворованную на десятилетия культуру. Нет, отечественные «новые люди» в своем большинстве выглядят на фоне их западных коллег шпаной, авантюристами, оспаами бендерами. И невозможно воспитать этих «новых людей» только на отечественной почве — тогда она, снят с нее питательный слой пугами большевиков: подняли целину — и не стало земли, унесло ветрами плодородный слой порядочности, моральности, рациональности, наконец. Следовательно...

Следовательно, Запад может — и в определенном смысле обязан, если не хочет видеть на своих границах опасных предприимчивых громил, — взять на себя великую миссию создания «новых людей» для России. Мы чрезвычайно хороши для рассуждений о русской, украинской, литовской и тому подобных идеях, но мы никуда не годимся, когда дело доходит до строительства общества цивилизованных граждан. Нам нужны от Запада решительно все навыки, хотя есть, конечно, приоритетные направления. Предпринимательство. Как вести хозяйство рационально и цивили-

зованно, а не хапать, хапать, хапать. Образование. Как учить людей, а не орать на них, не бурить головы детей и взрослых зубрежкой и тупостью. Политика. Что это значит — быть лидером, и в чем разница между лидером и бараном, ведущим стадо овец. Медицина — как наконец воспользоваться из средневековья. Вот, пожалуй, четыре кита образовательных программ. Хотя и агротехника, и электроника, да и историческая наука и тысяча других специальностей — все это нужно.

Жизненно важно при этом вырваться за рамки порочного элитарного круга. Посмотришь, кто сегодня из наших прорвался на учебу в западные университеты. У одной папа — советник-посланник, у другого — посланник-советник. У третьей мама — ветеран активистов... Грустно это. А значит, набор на учебу должен идти на сугубо конкурсной основе, может быть, по некоторым специальностям даже с квотами для всех регионов. И отбор должны вести не наши (которые всегда будут радевать родному человечку), а западники, понимающие нашу специфику.

Затраты Запада будут в этом случае тоже велики — речь должна идти об обучении на Западе по крайней мере 50 тысяч человек (а лучше — больше) в течение двух-трех лет для каждого (а лучше и подольше). По самым примерным прикидкам, это обойдется Западу в 3–4 миллиарда. С скромная сумма, если сравнить ее с волчьими запросами наших отечественных бендеров. А эффективность будет в тысячу раз выше, чем от стомиллиардных инвестиций.

Вот о чем нужно говорить сегодня, а не раскрывать широко карманы, не сулить взаимовыгодное сотрудничество от огуречно-насосно-добывающих концернов. Такие концерны не пропадут: нувориши — от самих ли себя, от капризной скромницы ли — своего профита не упустят. Конечно, образовательная кампания на Западе тоже чревата риском. Совершенно очевидно, что при сегодняшнем нашем отчаянии и новом знамении времени — крике «Из Москвы! Из Москвы!» значительная часть посланных на учебу осадит на Западе, наивно было бы полагать иначе. Процент потерь будет велик, но любое инвестирование сопряжено с потерями.

И лучше «терять» людей на Западе, чем действительно терять целые поколения в Союзе и только требовать прокорма для наших старых ненасытных паразитов и новоявленных хищников.

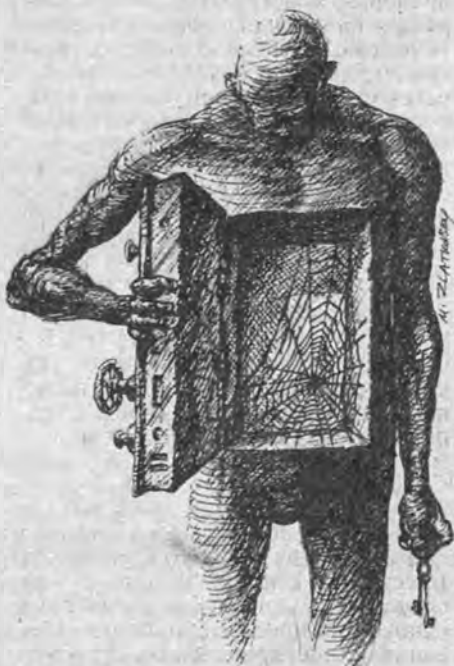

Рисунок Михаила Златковского

Константин Плешаков

Если ты смог в Нью-Йорке...

Евгений Русаков

Печальное зрелище представляет собой Нью-Йорк начала девяностых. Печальное — для наших доморощенных обличителей, пугающих народ «капитализмом»

В Нью-Йорке приступил к работе новый корреспондент «НВ» **Евгений РУСАКОВ**. Он родился в 1939 году, выпускник МГИМО, кандидат исторических наук. Работал собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Японии, собственным корреспондентом «Правды» в Соединенных Штатах. Он автор нескольких книг.

Город желтого дьявола, еще до революции зарекомендовавший себя в России как витрина пороков и язв западного образа жизни, «город грязи» и баландирования на грани финансовой пропасти семидесятых годов стал симпатичнее, зажиточнее и добродушнее. Даже гарлемские тротуары местами уже догоняют по чистоте московские (или, наоборот, улицы нашей столицы опускаются до уровня гарлемских).

Мелодии Бродвея

Волей-неволей я сравниваю сегодняшний Нью-Йорк с Нью-Йорком семидесятых, и дело не в собственных впечатлениях, хотя и их нельзя сбрасывать со счетов. Дело в том, что нынешнюю процветающую, уверенную в себе, переживающую небывалый со времен Перл-Харбора взрыв патриотизма Америку трудно понять, забыв о той прежней — Америке тяжелейших экономических неурядиц, сомнений, угрызений совести, неуверенности в себе.

«Прцветающие» восьмидесятые стали для страны поворотными. Здесь, как и в Западной Европе и Японии, «перестройка» свершилась. Локомотивом «перестройки» Запада стала Америка.

По традиции, которой уже больше века, внешнее преобразование Америки воплотили в себе небоскребы. На смену серой довоенной готике, послужившей образцом для сталинских высотных домов, элегантным, но довольно однообразным черно-белым коробкам из стали и стекла 60–70-х годов пришли сооружения самых неожиданных цветов, материалов и форм — розоватые, под карельскую березу, каштановые, изумрудные, кирпичные, стальные, с деревянными вставками, торты, башины, трилистники, конусы и даже целые террасы с зелеными рошицами у вершины небоскреба — модернистский вариант «висячих садов Семирамиды».

На глазах преобразается в суперсовременную модницу Бродвей. Что представлял собой еще совсем недавно район, охватывающий улицы от 42-й до пятидесятих? Скопище ветхих грязновато-серых или коричневых домишек, пропитанных едкой вонью человеческих извержений стриптизов, борделей, рядящихся в массажные, порнографических кинотеатров, шоу «секс в натуре». Бойкая неоновая реклама Таймс-сквер слегка прикрывала это убожество как дешевые побрякушки девицу с панели.

Даже в страшном сне не мог я себе представить, что когда-либо буду жить в эпицентре бродвейского водоворота. А сейчас корпункт «Нового времени» находится в двух шагах от Таймс-сквер, среди новых небоскребов и помолодевших театров. Вечером с высоты 35-го этажа открывается фантастическое зрелище, как будто ты на ко-

смическом корабле среди огоньков-звезд. А внизу принаряженная публика, вызывающая ностальгические воспоминания о старой театральной Москве, празднично гудит у подъездов десятков храмов Мельпомены.

Нельзя сказать, что Бродвей в этом сезоне поразил воображение. Пальму первенства отдают «внебродвейским» театрам, но выбор почти на все вкусы, особенно фирменного блюда — мюзиклов. Поют и танцуют во время войны во Вьетнаме («Мисс Сайгон»), на экзотическом туземном острове («Однажды на нашем острове»), поет и танцует одиннадцатилетняя Дэйзи Игэн, получившая приз «Тони» за лучшую музыкальную роль («Тайный сад»), лучшим мюзиклом сезона назван «Вилли Роджерс Фоллиз», история знаменитого бродвейского довоенного антрепренера, сделанная в классическом стиле — с большим кордебалетом, со звездно-полосатыми костюмами.

Возрождение Бродвея продолжается, теперь уже островки порноиндустрии, наркомании, уличной преступности и проституции отступают все дальше под напором все новых и новых небоскребов, тысяч, десятков тысяч магазинчиков, ресторанов, закусок, баров, кафетериев, лавок — всего того крупного, среднего и особенно мелкого торгового бизнеса, без которого невозможна рыночная экономика даже самого зачаточного, утробного вида. Мне вспоминается Токио 60-х годов, когда вот так же на смену обветшалым деревянным и серобетонным развалюхам шли блестящие стеклом, пластиком и неоновым кофеями, магазины, рестораны. Новая Япония начиналась и с них, а не только с «Сони» и «Мацусита дэнки».

А наш государственно-монополистический монстр пока никак не отпускает своей мертвой хватки и здесь. О том, что сегодня в нашей стране идет ожесточенная борьба между отживающей, но не желающей уходить со сцены государственно-монополистической экономикой и нарождающейся при отчаянном сопротивлении с ее стороны экономикой свободного предпринимательства, поведал американцам председатель Объединенного союза кооперативов Владимир Тихонов на ежегодном собрании АСТЭС — Американско-советского торгово-экономического совета. А ведь и современные американские супермаркеты, поражающие воображение советского человека тем самым изобилием, которое нам обещали в светлом коммунистическом будущем, начинались с небольших частных магазинов. Универсам и мы освоили, но наш родной универсам — по форме капиталистический, по содержанию «социалистический» — даже в сравнительно сытые прежние годы из-за своего убожества оставался жалкой пародией на супермаркет. А сейчас и совсем превратился в театр абсурда.

Внутреннее преобразование Америки ощущается в том, что спокойнее, улыбливее, расслабленнее, больше предающимися радостям жизни стали ньюйоркцы, которых даже здесь считают людьми, отдающими себя целиком отчаянной погоне за

карьерой и деньгами, действующими по принципу «пан или пропал». Ибо, как поется в песне, ставшей неофициальным гимном Большого Яблока — Нью-Йорка, «если ты смог в Нью-Йорке, ты сможешь везде...»

Жить стало лучше, жить стало веселее

Чем сейчас больше всего озабочен простой американский человек? Экономическим спадом? Преступностью или новым мировым порядком? Нет, холестерином. А точнее — собственным здоровьем. «Лет двадцать-тридцать назад, когда еще не было холестерина...» — шутит известный комик Билл Косби, вызывая понимающий смех публики.

«Здоровая пища может быть вкусной», — рекламирует продукцию второй крупнейшей продовольственной фирмы ее глава. На хлопьях, на консервах, на пакетах с хлебом, даже с пончиками самыми крупными буквами напечатано «Нет холестерина». Продается даже «содовая вода» без... соды, не говоря уже о безалкогольном пиве и вине.

«Сан-мэйд» представляет собой вкусную питательную добавку к любой диете и полностью созвучен сегодняшнему активному образу жизни», — рекламируется калифорнийский изюм. В нем, конечно же, нет холестерина, жиров, мало соды, зато много калия и прочих веществ, полезных для сердца, ценного волокна и углеводов, быстро восстанавливающих энергию. Это не просто реклама изюма. Это — философия жизни.

В Америке давно царит культ молодости, бодрости и жизнерадостности, которые со времен «свободного капитализма» почитались как признак успеха в жизни. Но сейчас здоровый образ жизни приобрел характер повального увлечения. Бег трусцой и презрительное отношение к «жирнякам» вошли в моду еще полтора десятка лет тому назад. А сейчас видны плоды массированного планомерного наступления на табак и выпивку: курильщиков и потребляющих пьющий продукт даже в умеренных дозах заметно поубавилось. Конечно, здесь на этот раз указ не издавался (американцы научены горьким опытом «сухого закона»), не вырубались виноградики, не урезалась продажа сигарет и спиртного (в винных магазинах пусто: нет покупателей), зато полное изобилие спиртных напитков). Но курильщиков выжили из лифтов и самолетов, настойчиво выживают с рабочих мест. Буквально несколько недель назад им был нанесен удар ниже пояса в прямом смысле этого выражения: опубликовано исследование, доказывающее, что табак — этот возбуждатель рака горла и желудка — является одной из главных причин полового бессилия.

Еще Джимми Картер начал борьбу против двух-трех сухих martinis во время делового ленча. А теперь

Фото Виктора Ахлюмова

крик моды — фужер минералки с лимоном. Ожесточенная борьба идет с пьянством за рулем, хотя здесь разрешается выпить банку пива или фужер вина в час (считается, что организм за это время успевает безболезненно усвоить такую толику спиртного). На бутылках с алкоголем появились надписи, предупреждающие, что он вреден беременным женщинам, мешает автовождению и может нанести ущерб здоровью.

Что радует ортодокса

Но есть, конечно, в Нью-Йорке и «светлые пятна», ласкающие глаз наших фундаменталистов.

Все так же чернеют глазницы обгоревших домов в Гарлеме и Южном Бронксе, и миллионы чернокожих юношей и девушек из семей матерей-одиночек выбрасываются недоучками в жизнь без надежды найти работу и подняться со «дна». Нищих и бездомных в Нью-Йорке не меньше, если не больше, чем сейчас в Москве. Правда, они не живут целыми семьями на тротуаре, как в Калькутте, но их можно встретить и в цент-

ральном парке, и в метро, и на улицах. В подавляющем своем большинстве они тихи и ненавязчивы, иные просто безучастно сидят на тротуаре, выставив перед собой картонную надпись «У меня нет денег и крова. Я голоден». Полиция их не трогает, а один бездомный даже добился через суд права для всех его собратьев по несчастью посещать публичные библиотеки независимо от того, нравятся ли их внешний вид или нет.

Преступность в городе достигает временами уровня, за пределами даже для ко всему привыкших нью-йоркцев: ограблений здесь в сто раз больше, чем в Москве. Патологической жестокостью отличаются подростковые банды, а от шальных пуль гибнут и взрослые, и особенно часто дети. Эдиповы бандиты называют случайные жертвы «грибами», которые можно топтать не глядя под ноги. Но, увы, по преступности мы уверенно догоняем и даже обгоняем Америку: по убийствам в год наша страна уже превзошла США.

Недавно здесь отметили десятилетие «чумы XX века». Официальный

отчет ведется от 5 июня 1981 года, когда центр по контролю над болезнями опубликовал короткое сухое сообщение о характерном для больных раком с ослабленной иммунной системой заболеваний пяти гомосексуалистов в Лос-Анджелесе. За эти годы СПИД унес жизни более ста тысяч американцев. И больше всего вирусносителей в Нью-Йорке.

О чем говорят социальные болезни Америки? О том, что нет и не может быть в природе совершенных, идеальных обществ, что рай если и существует, то на небе, а не на земле. Это только нас дурачили сказками о «светлом будущем», где «каждому по потребностям» (даже если потребность — гарем и роскошная вила на Пингуде?), где нет страстей, пороков и болезней.

Да, здесь есть гарлемы, но разве у нас нет нахалов и «хрущоб»? Разве у нас нет девичьих подростковых «стай»? Да и гарлемская ребятня и одета, и питается получше, чем дети наших вполне состоятельных семей, а супермаркеты негритянских гетто вызвали бы зависть даже у номенклатуры, пользовавшейся «кормушкой».

Многие болезни Америки не являются фатально неизбежными для стран с рыночной экономикой: гарлемов нет ни в скандинавских странах, ни в Японии, ни в Австрии, даже знаменитый лондонский Докленд превращается в суперсовременный центр технологии «информационного общества». Эти болезни носят зачастую специфически американский характер, их корни глубоко вросли в историю и географию страны.

Черными гетто Нью-Йорк распахивается за рабство на плантациях Юга, за то, что негритянские семьи постоянно разрушались, разлучаемые рабовладельцами. Институт семьи все еще слаб, и даже успех чернокожих, выбившихся в люди — а таких немало, — еще больше ослабляет негритянские общины и их нравственные ценности. С прошлого века Нью-Йорк был вратами Америки для десятков миллионов иммигрантов. Их и сейчас здесь много, особенно пронырливших нелегально бедняков из соседних стран Латинской Америки, они увеличивают безработицу и становятся непосильным бременем для городской системы социальной помощи. Рост преступности тоже имеет свои специфические причины: наркотики, подростки, которых стало больше, и современное автоматическое оружие, которое переживает второе после Аль-Капоне рождение. А право владеть оружием американцы всегда ценили, еще со времен освоения «дикого» континента, и пока от него не собираются отказываться. Таков их выбор, хотя он и кажется странным и опасным не только нам.

Нью-Йорк распахивается за невиданные со времен Древнего Рима смещение народов, рас, свободу нравов, пропасть между богатством и нищетой, за бурное веселье и неизбывное горе.

У Америки много проблем, много вызовов. Но это проблемы другого уровня, другого времени, которое для нас — будущее. Может, нашей стране и удастся избежать многих болезней американского общества и многое сделать лучше. Как говорится, дай Бог. Но прежде надо шагнуть из первой половины двадцатого века в его конец.

Синдром похуже «вьетнамского»

Невиданное и незабываемое зрелище явил собой Нью-Йорк в один из июньских дней. Несколько миллионов человек столпилось на узких улицах Уолл-стрит, чтобы приветствовать победителей «Бури в пустыне». Люди восторженно кричали: «США, США», осыпая солдат в защитной форме цвета Аравийской пустыни конфетти, серпантинном из телеграфных и компьютерных лент. Ликование буквально захлестнуло это безбрежное человеческое море. Так — а по мнению сторожил, даже не столь восторженно — встречали в уолл-стритовском «Каньоне героев» фронтовиков двух мировых войн, американского Чкалова — Чарльза Линдберга, Вэна Клайберна и астронавтов с «Аполло», совершивших полет на Луну.

Со стороны все эти бесконечные парады, размахивания звездно-полосатыми флагами, бурное ликование по поводу легкой, почти бескровной победы над не самой сильной в военном плане державой может вызвать и иронию, и раздражение, и зависть («А вот у нас совсем не то отношение к армии, и патриотизма у нас нет» — слышались стенания в программе «Время» и печати). Но мне ликование американцев понятно. Дело не в багдадском диктаторе. Аравийские пустыни — это не вьетнамские джунгли и не афганские горы, иракская национальная гвардия — не партизаны, против которых бесила современная техника. Победа над Саддамом Хусейном — это как последний кремлевский вензель в огромном праздничном торте. Это последняя точка в преодолении тяжелого кризиса общества, длившегося долгие двадцать три года преодоления «вьетнамского синдрома», stagflation и энергетического кризиса.

Пройдя через годы и десятилетия трагедий, страданий, преступлений, ошибок, сомнений, угрызений совести, Америка, наверное, заслужила праздник, хотя по поводу повода могут быть разные мнения.

Ведь так хочется верить, что и на нашей улице будет праздник, что и мы преодолеем или для начала хотя бы начнем преодолевать свой «послебольшевистский синдром», который куда страшнее и тяжелее «послевьетнамского».

Тяжелая болезнь, поразившая американское общество, стоила креста в Белом доме четырем президентам, три из которых не были из-

браны на второй срок. А один — Никсон — позорно изгнан из Овального кабинета. Она почти безнадежно подорвала доверие ко всем институтам, начиная от армии, ЦРУ и администрации и кончая бизнесом и университетами.

Гром разразился весной 1968 года, когда после наступления вьетнамцев во время праздника Тет стало окончательно ясно, что обещанный Америке «свет в конце тоннеля» — не более чем мираж. Впервые после гражданской войны между Севером и Югом страна раскололась, по ней прокатились небывалые антивоенные демонстрации. В негритянских гетто вспыхнули бунты. Америка как будто свихнулась, придя в знакомое нам до боли состояние.

Я видел затравленные глаза бодрящихся или отрешенных молодых американских ребят, которые с фронта в джунглях приезжали за бытть на неделю в Токио, где я в те годы работал. Видел в Японии и сто процентно лояльных американских студентов, сжигающих после трехдневного «тич-ина» повестки и те самые звездно-полосатые флаги, которыми сейчас размахивает в триумфе вся Америка. Видел сухопарого, подтянутого, внешне самоуверенного генерала Уэстморленда, который на вопрос токийских журналистов: «Где же обещанный «свет в конце тоннеля» во Вьетнаме?» заученно твердил: «Это ограниченная война с ограниченными целями и ограниченными средствами», и в голосе, привыкшем командовать, слышались жалостливые нотки. Летом 1974-го, уже в Нью-Йорке, вместе с миллионами ошеломленных американцев я внимал по телевизору, как несколько дней подряд конгрессмены спорили на предмет того, является ли президент Ричард Никсон жуликом, преступником и врагом законности. Я видел, какое чувство стыда и бессилия испытывали американцы, глядя на экраны, где «живьем» показывали, как бегут их соотечественники на вертолетах с крыши посольства США в Сайгоне. Я видел, как терзались американцы по поводу нефтяного кризиса и stagflation (знакового теперь и нам сочетания спада с инфляцией): «Нам никогда не забыть кошмара Великой депрессии. А сейчас все может полететь в тартарары, как тогда, в 1929 году. Мы хорошо помним людей, стоявших в смокингах и цилиндрах с протянутой рукой».

Америка чувствовала себя потерянной, ее вера в «землю обетованную», казалось, навсегда была утрачена.

Долгое мучительное восхождение к вершине, позади которой остались «вьетнамский синдром» и экономические неурядицы, начался еще при Никсоне... Шаг за шагом, спотыкаясь и даже временами скатываясь назад, двигалась Америка к вершине.

НЬЮ-ЙОРК

Порядок и демократия

Специальные
корреспонден-
ты «НВ»

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ
и Николай
РЕШЕТНЯК**
беседуют с
министром, чей
скальп требуют
положить на
стол
переговоров

На его визитной карточке латинский девиз «Servamus et Servimus» — «Мы защищаем и мы служим». На память об этой встрече наш собеседник вручил нам фирменный подарок — запонки с министерской символикой. Почему-то они вызвали ассоциацию с миниатюрными наручниками. Вины Адриаана Флока в этом не было. Министр законности и порядка был любезен и доброжелателен.

Самое трудное — преодолеть привычку видеть врага

«Новое время». Ключевое слово сегодня в вашей стране, как и в нашей, — перемены. Главный вопрос — можно ли добиться перемен, соблюдая законность и порядок? Противоречие логически трудно разрешимое. Ведь сами эти понятия — законность и порядок — существовали до сих пор в рамках системы, которая и должна быть изменена.

Адриаан Флок. Законы апартеида действительно опирались на широкое применение полиции. Эти законы мы сейчас отменяем. В новой системе полиция будет выполнять свои обязанности, укладывающиеся в общепринятые представления о поддержании законности и порядка. Принимаются новые законы. Но в принципе имеющаяся у нас римско-голландская правовая система остается неизменной.

Мы перестроим всю структуру полицейских сил применительно к новой ситуации.

В настоящее время 60 процентов полицейских — чернокожие и только 40 процентов — белые. Офицерский состав полицейских сил иной, но мы намерены изменить его. Служба безопасности ликвидирована. Мы объединили службу безопас-

ности и криминальную полицию, создав на их базе управление по борьбе с преступностью и расследованиям.

«НВ». Означает ли это деполитизацию полиции?

А.Ф. Именно так. Полиция должна быть профессиональной и компетентной силой в новой Южной Африке. Мы запретили полицейским принадлежать к какой-либо политической партии, провели соответствующее решение через парламент. Многие полицейские принадлежали к Националистической партии, им пришлось выйти из партии. Полиция — вне политики. Полицейские чины должны быть политически беспристрастны. У нас сотни полицейских — члены АНК, но и им пришлось расстаться с участием в его деятельности. Таким образом, полиция будет служить новой системе.

«НВ». Можно расстаться с формальными признаками принадлежности к партии...

А.Ф. Да, это самое трудное — изменить взгляды. Полицейские привыкли видеть в АНК врага.

«НВ». Наверное, это относится к обеим сторонам. Для людей из АНК в свою очередь полицейский — враг. Говорят, что белый полицейский в черных поселках воспринимается как оккупант, как каратель...

А.Ф. Это не так. Никаких серьезных проблем с белыми полицейскими. Напротив, черные поселки просят присылать именно белых полицейских для защиты. Они не хотят чернокожих полицейских, те действуют более жестоко по отношению к своим соотечественникам. Это странный феномен. Мы ввели специальную программу подготовки для них.

«НВ». В пору больших перемен, а подчас это действительно смутные времена, люди начинают вздыхать о былом порядке. При тоталитарной системе, кстати, куда больше порядка. У нас в стране, к примеру, сейчас подскочил уровень преступности — по крайней мере пишут, что это так.

А.Ф. То же и у нас. Во время чрезвычайного положения, которое я вводил раньше, проще было контролировать насилие, можно было помещать людей в тюрьмы, запрещать организации. Результаты были неважные. Мы должны найти лучшее решение: изменить политическую структуру в стране. Сегодня мы не хотим запрещать, заключать в тюрьмы. Побочный эффект — у нас подскочил уровень преступности. Теперь у нас как во всем мире. Но таков выбор — диктатура или демократия.

«НВ». Вы лично оказались в центре политической схватки. АНК требует вашей головы. Они говорят, что без вашей отставки не будут участвовать в многопартийной конференции, которую предла-

Министр законности и порядка Адриаан Флок. При бывших президентах Балтазаре Форстере и Питере Виллеме Боте был заместителем министра обороны, министром законности и порядка. В мае АНК в ультимативной форме потребовал отставки Флока, обвинив его в неспособности навести порядок в районах проживания черного населения — тауншипах. Президент де Клерк отверг это требование.

После сорока лет подполья Южно-Африканская коммунистическая партия не склонна к компромиссам. Ее цель, как и прежде, — «свержение расистского режима и осуществление в стране национально-демократической революции». Лидер ЮАКП Джо Слово, 56 лет назад эмигрировавший в Южную Африку из Литвы, критикует реформы де Клерка с позиций левее АНК

ставлял ее за столом переговоров. Зулусы сами хотят участвовать в переговорах. Все это вызывает насилие.

«НВ». Когда можно рассчитывать на то, что обстановка нормализуется?

А.Ф. Мы спешим. Но, говоря реалистически, на это потребуется какое-то время. Может быть, год или два. Все упирается в людей, которые хотят захватить

власть и готовы бороться за нее любыми средствами.

«НВ». В ситуации с реформами возникает вопрос темпа — делать ли все быстро, рискуя вызвать дестабилизацию, или медленно? Какой темп взять?

А.Ф. Как можно быстрее. Наши оппоненты должны быть в правительстве. Потому что сейчас они нас критикуют извне. Пусть они окажутся в правительстве и возьмут на себя свою долю ответственности за армию, полицию, за управление. Чем скорей, тем лучше.

Консервативная партия говорит: не слишком быстро. Я не согласен с этим, хотя, конечно же, надо быть осмотрительным и ответственным. Это уменьшит насилие. Проблема в том, чтобы установить не власть чернокожих, а сбалансированную власть, которая не исключала бы белых с их «ноу-хау» и образованием. Мы должны поделить власть между всеми группами, а не ввести новую диктатуру.

«НВ». Должны ли белые получить гарантии?

А.Ф. Посмотрите, что случилось с белыми в Африке. Для того чтобы Южная Африка выжила экономически, мы нуждаемся в знаниях белых и всех других: индийцев, цветных и черных.

«НВ». А что в ближайшем будущем?

А.Ф. Путь есть только один — прекратить насилие и собраться вместе, чтобы обсудить политическое будущее ЮАР и выправить нашу экономику.

А теперь из столичной Претории из хорошо охраняемого правительственного здания перенесемся в Дурбан, город на Индийском океане. Нас принимает человек, для которого демократия — область изучения, преподавания и поведения.

Даже зулусам не нравится однопартийная система

«Новое время». Вы действительно считаете, что демократии можно научиться?

Оскар Дхломо. У нас нет иного выхода. Мы должны научиться демократии. Я думаю, наши партии не готовы к жизни после апартеида. Перед нами стоит задача — внедрить демократические ценности, политическую терпимость. Лидеры не умеют выснять свои разногласия демократическим путем, они предпочитают делать это физически. Долгие годы апартеида привели к антагонизму и ненависти, но сейчас, с наступлением нового порядка, мы должны вселять в сознание людей иное представление о будущем. Мы не можем ничего сделать без примирения. Пора сказать: забудем, что было в прошлом. Правда, есть люди, которые не готовы легко забыть несправедливость, совершенную в прошлом. С другой стороны, имеются люди, которые считают, что наступающая демократия им угрожает, ибо она лишит их привилегий.

гает президент де Клерк. Собираетесь ли вы уйти в отставку?

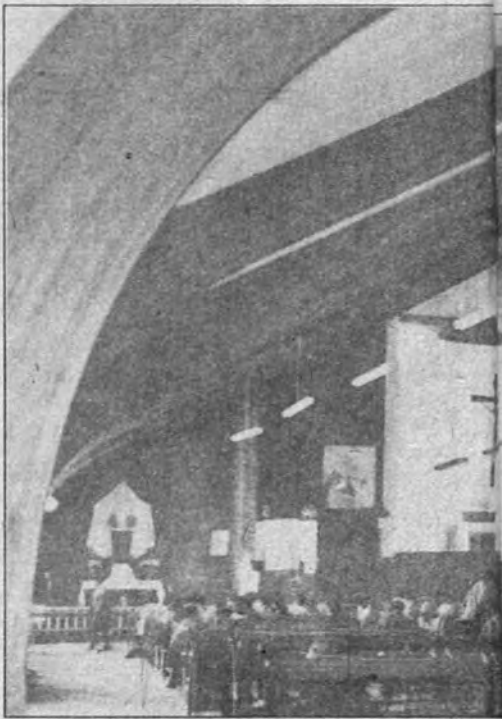
А.Ф. Меня назначил президент, и ему решать, уходить мне или нет. Но, если бы я считал, что мешаю, я сам бы подал в отставку.

Политическое насилие существует с 1976 года. В 1984 году, когда мы создали трехпалатный парламент, оно приняло большой размах.

Главная причина насилия — политическая: народ хочет голосовать, быть в парламенте. Поэтому мы сняли запрет с организаций, освободили людей из тюрем, теперь они могут заниматься политикой. А раз так, то они должны быть готовы сесть за стол переговоров. Президент призывает провести встречу в верхах всех лидеров страны для обсуждения проблем насилия.

«НВ». Почему все-таки именно вы стали объектом ультиматума АНК?

А.Ф. Не знаю. Мне ставят в вину то, что я отказался запретить традиционное оружие, которое идет в ход во время схваток в черных поселках. Я отослал их к зулусам — о таких деликатных вещах надо договариваться напрямую. Полиция ставит в вину применение насилия, а мне — что не контролирую полицию. Говорят, что полиция является «третьей силой». Мы пытаемся найти свидетельства существования «третьей силы», но их нет. АНК призывает людей бастовать, не платить арендную плату... И АНК претендует на главное место за столом переговоров. «Инката» говорит, что она не хочет, чтобы АНК пред-

Оскар Дхломо — руководитель института по изучению проблем многопартийной демократии. Был генеральным секретарем партии «Инката». Из партии ушел, по его словам, потому, что полагает: человек, профессионально пропагандирующий принципы многопартийности, должен быть нейтральным к любой партии, любому политическому движению.

«НВ». Вы выступаете за многопартийную систему, в то время как у многих ваших соседей по континенту было нечто вроде моды на однопартийность. Логика простая: так легче организовать народ.

О.Д. Да, так гораздо легче контролировать умы людей, но демократия подразумевает разнообразие мнений и убеждений. Стоит ввести однопартийную систему, и неизбежно начнется подавление иных мнений. Люди будут вести себя тихо, но только до поры. Это не годится даже в семье, не говоря уже о стране с 30-миллионным населением. Однопартийная система неестественна, ибо она основана на необходимости подавлять другие голоса. Как говорят зулусы, «люди не вода, они не текут все время в одном направлении». У нас должна быть плюралистическая демократия. Должна быть многопартийная система, которая защищает природу человеческого существа.

«НВ». Неужто никто в ЮАР не отстаивает принципы однопартийной системы?

О.Д. Нет. Даже руководители Южно-Африканской коммунистической партии выступают за плюрализм. Джо Слово сказал, что коммунизм в Европе потерпел крах, потому что это был коммунизм без демократии. Многопартийная система означает демократию, поэтому они хотят ее. В предложении АНК по поправке конституции также указывается многопартийная система. За это выступают «Инката», Националистическая партия. Даже Панафриканский конгресс (ПАК).

«НВ». Вы намекали на тех, кто боится потерять свои привилегии. Есть ли такие люди среди черного населения? И не по этой ли причине они прибегают к насилию?

О.Д. В этом случае неправомерно говорить о привилегиях, все чернокожие — жертвы угнетения. К конфликтам среди черных приводят две причины. Во-первых, разногласия в отношении стратегии. Все согласны, что апартеид должен быть ликвидирован, но не согласны в том, как это должно быть сделано. Одни говорят, что апартеид должен быть свергнут насильственным путем, что угнетенные могут захватить власть силой оружия. Эти люди долгие годы были в изгнании... Сейчас они вернулись, но продолжают гнуть свою линию. Другие верят в возможность ликвидации апартеида в результате переговоров. Иногда расхождения в вопросе о стратегии были так велики, что они представлялись расхождениями в выборе цели. Только этим можно объяснить ту ожесточенность, с которой одна партия черного населения АНК называет другую партию черного населения «Инкату» марionеткой правительства, коллаборационистом...

Англиканская церковь в Соуэто. Раньше здесь читал проповеди Десмонд Туту — ныне архиепископ Кейптауна, лауреат Нобелевской премии мира

СПРАВКА «НВ»

● ПАК — Панафриканский конгресс

Создан в 1959 году. После запрета в 1960 году объявил о начале вооруженной борьбы с режимом апартеида.

Запрет на деятельность ПАК был снят президентом ЮАР Ф.де Клерком в прошлом году. Его сторонникам, находящимся в изгнании, разрешено возвратиться на родину. Ныне в Йоханнесбурге, Дурбане и в других крупных городах страны действуют некогда разгромленные организации ПАК.

В декабре прошлого года состоялась первая за 30 лет конференция Панафриканского конгресса на территории ЮАР.

ПАК в отличие от АНК по-прежнему отвергает возможность диалога с правительством, выступает с радикальных, экстремистских позиций.

● «Третья сила»

По мнению АНК, южноафриканская полиция практически вышла из-под контроля властей и представляет собой в настоящее время «третью силу», противостоящую и администрации в Претории, и национально-освободительному движению на Юге Африки. Вице-президент АНК Нельсон Мандела полагает, что именно «третья сила» «непосредственно причастна к убийствам ни в чем не повинных безоружных людей» в африканских пригородах-тауншипах.

Другая причина насилия заключается в том, что апартеид рухнет и встает вопрос, кто будет у власти, когда он будет ликвидирован. И уже сейчас сражаются за то, чтобы стать у власти. Борьба ведется с помощью автоматов Калашникова, их АНК получил из вашей страны, а также копий и прочего традиционного оружия, за которые хватаются зулусы — люди «Инкаты».

«НВ». Кто виноват в этом разгуле насилия? Вожди, которые отдают прямые команды? Или процесс вышел из-под контроля?

О.Д. Публично лидеры говорят, что они не ведут вооруженную борьбу. А что они говорят наедине своим людям — кто знает? Но в стычках участвуют не лидеры, а их приверженцы. Между «Инкатой» и АНК было подписано мирное соглашение, которое содержало прекрасные формулировки, но в нем ничего не говорилось о том, какие структуры по поддержанию мира будут установлены на основании этого соглашения. Лидеры, может быть, стремятся к миру, но они не берут на себя ответственность за своих приверженцев. Скажем, лидеры АНК возлагают всю вину на правительство, требуют, чтобы порядок обеспечивала администрация в Претории. Было бы гораздо лучше, если бы всю ответственность взяли на себя лидеры как АНК, так и «Инкаты». Они вместе должны расследовать, кто подстрекает к насилию. А главное — обеспечить, чтобы их сторонники не воевали друг с другом.

ПРЕТОРИЯ — ДУРБАН — МОСКВА

Фото авторов

Вместо бархата — рабочий комбинезон

«Я не президент-спаситель, — сказал своим согражданам Вацлав ГАВЕЛ. — Прошу вас: надейтесь в первую очередь на себя». В Чехо-Словакии последовали этому совету и преуспели

Каждый день я вынимаю из почтового ящика стопку газет. Вынимаю — жизнь в ее полноте и разнообразии не втиснешь в газетные столбцы. Знаю: ныне пресса и тут, как и у нас, политизирована. Трудно уловить то, что, по-моему, является наиболее важным для общества, освобождающегося от пут тоталитаризма: психологию людей. И все же каждый день я вынимаю из почтового ящика не просто газеты — некий сколок жизни, прощающейся с утопией.

Братьев-славян обижать не надо

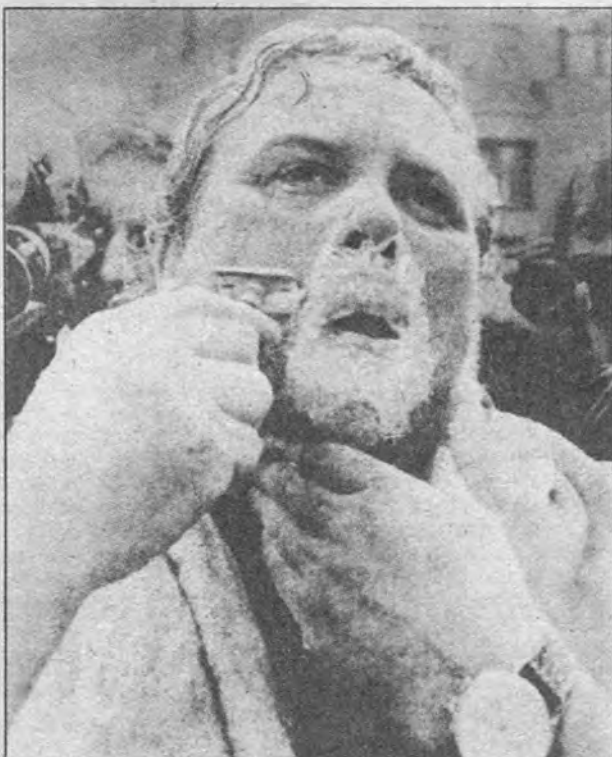
Внимание сразу привлекают заголовки: бывшая коммунистическая, ныне просто левая газета «Руде право» — «Последние советские солдаты уже на дороге к дому»; «Млада фронта днес» — «С богом, генерал!»; «Праге» — «Оккупация окончена».

Рискуя снова выпасть из моды, как недавно замечательно выразился Турбин, но, вопреки распространенному ныне стилю некой легкой иронической отстраненности, хочется воскликнуть: с этих газетных полос с нами говорит сегодня сама История. Ушли не просто наши солдаты — ушла армия, пришедшая в Чехо-Словакию в том памятном, трагическом и стыдном 1968 году. И потому слово «оккупация» меня отнюдь не шокирует. И не убеждает наш министр обороны, который в интервью корреспонденту одной из чешских газет сопротивлялся даже слову «вторжение», повторяя старую песню о том, что мы пришли сюда потому, что нас позвали.

По-человечески жаль, конечно, наших ребят, когда читаешь в «Младе фронт днес» о том, что жители Миловице, откуда отправлялся последний эшелон, не вышли к перрону, а староста городка, как утверждает газета, заявил: «Не мы их звали — не нам их провожать». Но нужно понять чувства тех, у кого, как свиде-

тельствуют сегодня газеты, вырывается вздох облегчения: «Наконец-то мы станем суверенным государством».

Но понимать, как известно, хотят не все. Вот и сегодня слышу контрастирующий с общим настроением голос — это недавний претендент в президенты Жириновский отвечает на вопрос московского корреспондента газеты «Лидове новины», как он относится к выводу войск из стран Восточной Европы: «Торопитесь! Торопитесь! Делаете ошибку — сердите армию... Если в нашей стране случится переворот, армия вернется силой оружия». И тут же рядом эдакое покровительственное: «Мы вас любим, братья-славяне!» Это восклицание газета не без издевки выносит в заголовок интервью. И в самом деле — хороша любовь, нечего сказать...

Двадцать три года назад, в августе 1968 года, этот человек поклялся, что не будет бриться, пока советские войска не уйдут из Чехо-Словакии. Теперь он может расстаться с бородой

Фото из газеты «Интернэшнл геральд трибюн»

Комплекс старшего брата сидит во многих из нас прочно. Очень прочно (достаточно полистать публикации о Восточной Европе в газете «Советская Россия»). А он, этот комплекс, для граждан Чехо-Словакии в силу вполне понятных причин особенно нетерпим.

В тот день, когда я взялась писать этот обзор, в советском посольстве состоялась торжественная церемония вручения орденов Отечественной войны гражданам Чехо-Словакии, сражавшимся с фашизмом. Когда церемония окончилась, посла Бориса Панкина окружили благодарные ветераны, и один из них, Мирослав Клен, сказал: «Впервые после 1968 года я на советской территории. Я был в немецком лагере с вашими военнопленными. Вместе мы совершили побег, вместе потом сражались, у меня в Союзе много друзей, не раз я бывал там. Но, когда в 1968-м пришли советские танки, я дал себе клятву: ноги моей не будет на советской земле. Я еще сегодня колебался, идти ли получать награду. Но прочел в утренних газетах, что оккупация окончена, и вот я здесь». Ветеран подтвердил то, что написали многие газеты: «С полным выводом войск открываются новые страницы наших взаимоотношений».

Что, с этим-то не следует торопиться? В словацкой газете «Правда» интервью с М. Коцабом. Я не раз встречала этого высокого, совсем не военной выправки человека в нашем посольстве: это известный актер, певец, композитор, который после революции встал во главе парламентской комиссии по выводу войск. «Я был один из немногих, — передает его слова газета, — кто верил, что вывод будет осуществлен по графику. Но даже я не ожидал, что все случится так точно. Многие члены нашей комиссии относились вначале с недоверием к советским представителям, но потом переоценили свое отношение». И вдруг неожиданное признание: «Вместе с последним советским солдатом уйду и я». Коцаб снова станет актером, певцом, композитором. Немногим раньше в журнале «Респект», говоря, что хотел бы как-то торжественно отметить отъезд последних советских солдат, он добавил: «Это будет грустно. Я так к ним привык».

Люди — они везде люди, когда их идеи не твердеют в идеологемах. «Увидите, раны зарубцуются, — сказал мне Мирослав Клен. — И все будет хорошо у нас с вами. Но не скоро. Нужно набраться терпения».

По 85 долларов каждому

В газетах интервью с Александром Яковлевым, который приезжал в Прагу на ассамблею по европейской конфедерации. Он тоже и на заседании пресс-клуба в посольстве, и в Карловом университете, выступая, повторял это слово «терпение»: «Каждое время имеет свои взлеты и падения. Нужно терпение». На вопрос одного из журналистов, не кажется ли ему, что в наших контактах, особенно на высшем уровне, намечился определенный вакуум, старший советник президента объяснил это трудностями в стране. Но наличие определенного вакуума признал. А я подумала тогда: «Ну, президент наш занят сверх меры, ясно. Даже на последнее заседание Политического консультативного комитета Варшавского Договора не приехал, как ожидалось. Но наши-то писатели, ученые, музыканты и в особенности финансисты, экономисты, менеджеры, творцы реформы так сказать, отчего сюда не наведываются, все больше на Запад смотрят? Думаю, многому могли бы тут поучиться — с одним ведь и тем же расстаетесь. И на ошибках, разумеется, поучиться, но и на достижениях тоже — ведь за полтора года здесь уже сделано то, к чему мы лишь приступаем после шести лет топтания на месте, противоречащих друг другу акций, какого-то судорожного дергания из стороны в сторону».

Почти в каждой газете сообщение — «большая приватизация началась». Малая приватизация давно идет полным ходом.

За несколько месяцев около четырехсот предприятий в одной только Праге продано в частные руки, и государство получило миллиард крон. Нет дня, чтобы, идя по городу, я не заметила новой булочной, где можно купить горячие, прямо из печи рогастики. Или маленького магазинчика стекла. А недавно появился вместо ординарного универмага роскошный супермаркет, где цены на некоторые продукты, между прочим, ниже государственных. Но «Господарские новости» пишут уже «о первом случае прямой продажи чехо-словацкого предприятия иностранной фирме, чем положено начало большой приватизации». Предприятие это «Ракона» в городе Раковник, выпускающее стиральные машины, срочно нуждалось в модернизации, но необходимых для этого полмиллиарда крон не имело. Поиски партнера привели к одной американской фирме, которая выложила 20 миллионов долларов, и, судя по договору, отмечает газета, через пять лет предприятие выйдет на мировой уровень. А каждый рабочий получил акции по 85 долларов каждая, «которыми уже сегодня может торговать на нью-йоркской бирже». Читаю это сообщение, и вспоминаются стенания в Верховном Совете, в иных наших изданиях о распродаже России, об угрозе социалистическому выбору со стороны акул капи-

тализма. Ох, и цепко же держат нас разного рода утопии, хотя крах их мы должны были бы уже если не умом понять, то почувствовать хотя бы желудком.

Как выясняется из газет, правительство Чехии уже давно представило график, где с точностью до месяца определяются сроки передачи тех предприятий, что подлежат приватизации. Увы, не все из них, наверное, доживут до своих сроков. Могут просто-напросто обанкротиться. Но авторы реформы считают это и неизбежным, и нормальным. Все ли с ними согласны? Нет, сегодня в газете «Руде право» «заявление четырех». Председатели некоторых комитетов Федерального собрания выражают тревогу ходом экономической реформы, требуют более точного прогноза принимаемых решений. Это заявление явно направлено против министра финансов Клауса, считающегося отцом реформы. Но Клаус тут же критику опаривает: в чем, в чем, но в отсутствии твердости этого политика и экономиста не обвинишь. Кто прав, покажет время. Некоторые наблюдатели предсказывают нарастание социальной напряженности. Пока же замечу, что за первый квартал этого года доход чехо-словацкого госбюджета превысил расход на 15,3 миллиарда крон, а глава специальной миссии Международного валютного фонда отметил, что «курс кроны стабилен, и доверие к ней выше, чем раньше». Еще одно немаловажное обстоятельство: несмотря на снижение жизненного уровня и безработицу, в стране не было еще ни одной сколь-либо значительной забастовки. Думаю, потому, что народ здесь никто никогда не кормил обещаниями. Более того, предупреждали: времена грядут суровые. Вспоминаю, как вскоре после избрания Вацлава Гавела президентом на одном из митингов тысячная толпа скандировала его имя. А он, выступая, предупредил: «Я не президент-спаситель. Прошу вас: надейтесь в первую очередь на себя».

Президент не склонен себя анализировать

В газете «Обчанин деник» нахожу рецензию на книгу писательницы Еды Криссовой «Биография Вацлава Гавела». Это еще не глубокое академическое исследование жизни вчерашнего диссидента, ставшего президентом, отмечает рецензент. И все же писательница сумела показать, как из пьес Гавела «чешская общечеловечность постепенно уясняла для себя смысл утопии и, наконец, ее исчерпанность». Исчерпанность утопии — это вывод не только драматургии, это примет самой жизни, хотя в отличие от «чешской общечеловечности» мы уясняем ее значительно медленнее.

В пьесе Гавела «Протест» одному из героев — Ванеку, в котором угадываются автобиографические черты автора, его антагонист гово-

рит: «Мы существуем только для того, чтобы держать рот на замке и иметь за это относительный покой, вы же существуете для того, чтобы говорить за нас и получать в награду пинки при жизни и славу на небесах...» Слава к Гавелу пришла при жизни. Но недавно в Копенгагене, получая очередную премию, он оценил ее, славу, весьма своеобразно: «Я оказываюсь на пороге того самого мира коммунистической элиты, которую я всю жизнь обличал». Это была речь о коварстве власти, о политике, которая «в наибольшей степени требует присутствия нравственного чувства», о политике как занятии «для людей, не принимающих лжи». Окончил Гавел так: «Не знаю, принадлежу ли я к таким... людям. Я знаю лишь, что мне следовало бы таким быть, раз уж я согласился занять свой пост». Поразительная не только по искренности, но и по трезвости взгляда на себя речь. Судя по всему, этой трезвости не хватило его первому биографу. Во всяком случае «Обчанин деник» пишет, что книга Еды Криссовой — «плод эйфории первых месяцев после переворота». Да, эйфория уходит. Но потеря это или приобретение? На эту тему в газете «Лидове новины» «круглый стол». И один из его участников замечает, что поэтический образ «бархатная революция» для определения серьезного социального явления не кажется ему удачным, во всяком случае сегодня: «Бархатная одежда годится для торжеств. Будни революции, строительство демократии требуют рабочего комбинезона».

Сколько часто некоторые из нас, журналистов, с каким-то злорадством писали об этом «бархате». И наждак, дескать, вместо бархата, и колочки-то на нем, и жесткий он, и так далее и прочее. С высоты каких таких собственных нежностей и бархатистости? А революция просто сменила бархат на рабочий комбинезон. Есть на этом комбинезоне пятна, которых можно было бы избежать. Об одном таком «пятне» — требовании иных парламентариев опубликовать все списки сотрудничавших некогда с госбезопасностью — отрицательно высказался в одной из газет премьер Мариан Чалфа, напомнив мне знаменитое открытое письмо Лидии Чуковской, которая еще в 1968 году заклонила интеллигенцию не призывать к мести. И все же комбинезон — это одежда тружеников, которые, расставаясь со вчерашней эйфорией и позавчерашней утопией, неуклонно возводят новое здание.

Об этом думаю я, откладывая в сторону ворох прочитанных газет, хотя и понимаю, что жизнь сложнее и разнообразнее наших газетных писаний.

Инна Руденко,
соб. корр. «Нового времени»
ПРАГА

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ТЮРЕМНЫЕ КАСТЫ

Путёвые,
мужики,
козлы
и петухи

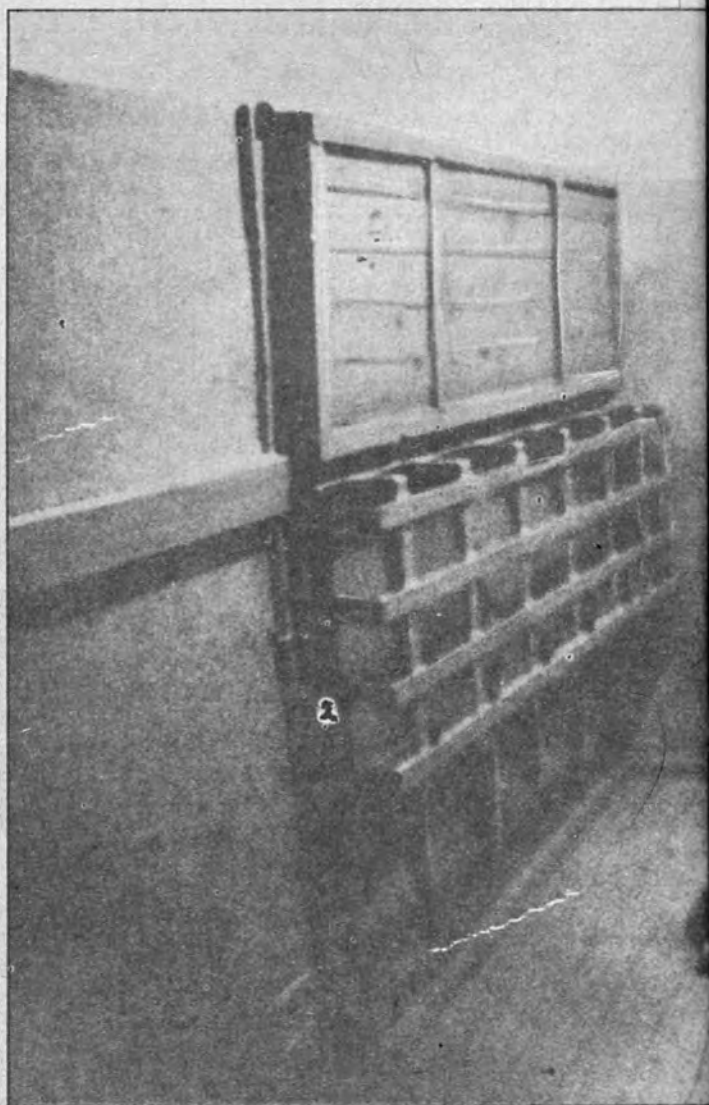
Валерий Абрамкин,
руководитель Центра содействия гуманизации
пенитенциарной системы

Валентина Чеснокова,
социолог, научный сотрудник Центра

Владимир Куприянов,
фото

Из интервью с Виктором Яненко

Родился в 1953 году в Киеве. Образование высшее. В 1980–1981 годах отбывал наказание по сфабрикованному уголовному обвинению (настоящая причина ареста — попытка добиться разрешения на эмиграцию из СССР). 6 января 1983 года был арестован вторично, осужден за «антисоветскую агитацию» на 7 лет лишения свободы в колонии строгого режима и 5 лет ссылки. Освободился в 1987 году. В настоящее время живет в США.

...В

Лукьяновке (это единственная в Киеве уголовная тюрьма) я оказался в августе 80-го года. В камере, куда я попал, было человек двадцать первоходчиков, то есть тех, кто еще не имел за плечами лагерного опыта, но и среди них уже успел образоваться костяк «авторитетных». Это были обычные ребята, разве что психологически больше подготовленные к тюрьме: более развязные, более решительные. Они и определяли внутрикамерный порядок: кому где располагаться, в какой пропорции делить передачи, если они случаются. Отношения между заключенными в камере были нормальными. Новички проходили «прописку» — всякого рода розыгрыши, шутки, испытания, были и наказания за ошибки, но все это без злобы и жестокости.

Камера следственной тюрьмы — это в какой-то степени подготовка к зоне. Человека, например, отучают

посылать окружающих на х... — такое ругательство считается самым тяжким оскорблением в лагере. Оно воспринимается буквально, в прямом смысле. В тюрьме начинаешь понимать, что мат — это не просто какие-то междометия для выражения сильных чувств, каждое ругательство имеет и прямой смысл. Нарушение этого, как и других, табу сопровождалось немедленными санкциями, вроде нескольких ударов по заднему месту мокрым полотенцем, в которое заложено несколько костяшек домино. Причем никто этому наказанию особо и не противился. Чувствовалось, что сокамерники, как это обычно бывает в коллективе, нуждаются в некоем руководящем начале, порядке, организации.

Малолетки в тюрьме — мне это приходилось наблюдать — выдумывают массу абсурдных, чудовищных ограничений для самих себя, которым нужно слепо следовать. А взрослые люди, как правило, исходят из того, что ограничения должны иметь какую-то рациональную основу. Допустим, во время общей

трапезы запрещалось справлять естественные потребности, пользоваться парашей. Жесткие наказания предусмотрены за доноительство, воровство. Пойманного на внутрикамерном воровстве в лучшем случае ожидает хорошая взбучка. Но могут и «опустить». В нашей камере «опущенных» не было, хотя, по рассказам старожилов, которым в свою очередь рассказывали об этом другие старожилы, случалось, что за внутрикамерное воровство или доноительство человека «опускали».

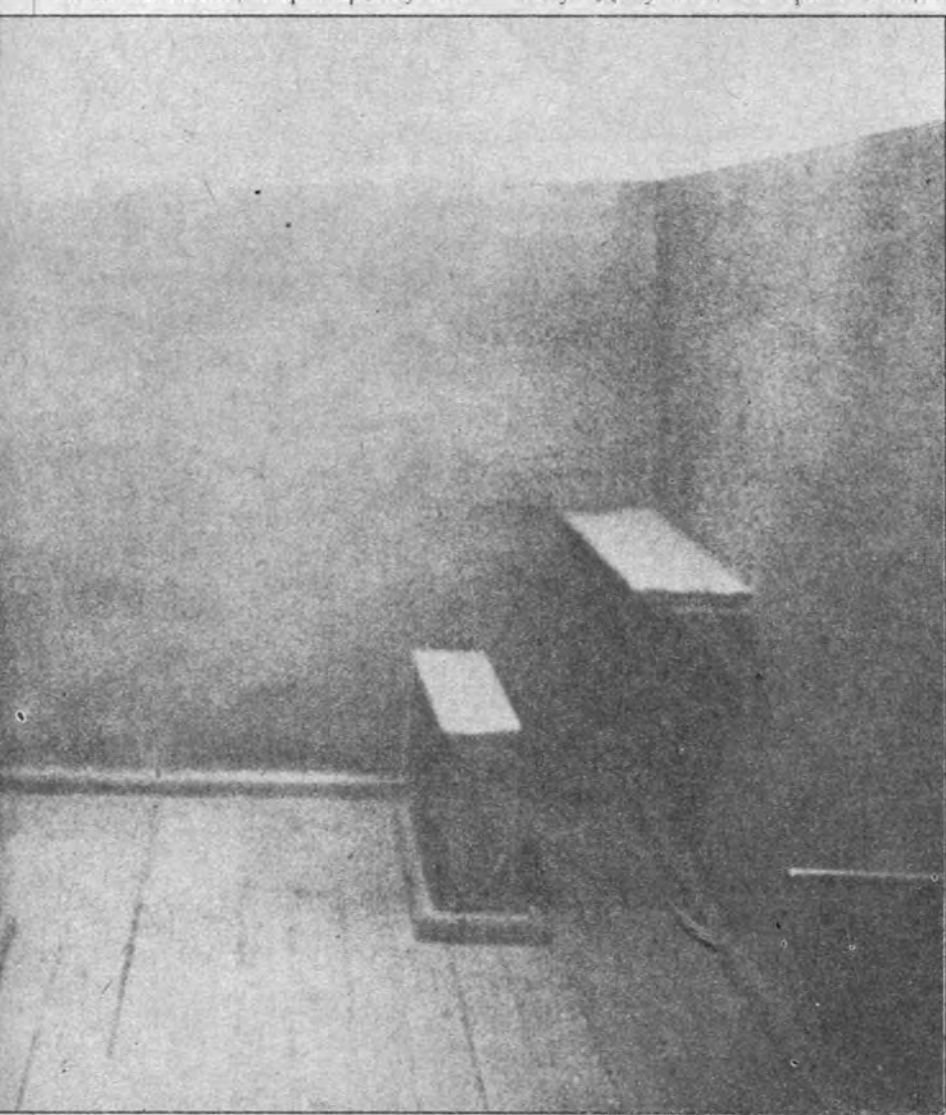
Уже в лагере мне приходилось слышать про то, как это происходит, от самих «петухов» или «опущенных». Насколько я понимаю, среди них можно выделить две основные группы. Первая — это те, кто был пассивным педерастом еще на воле, вторая — люди слабые во всех отношениях. Иногда человек попадает в «опущенные» из-за конфликта с авторитетами камеры.

Теперь о самой процедуре «опускания». Человека могут просто изнасиловать. Обычно группой: в одиночку скрутить взрослого мужчину не так-то просто. Могут применяться обходные, обманные процедуры. Например, когда человек, которого хотят «опустить», засыпает, ему по губам проводят членом на глазах у всей камеры, чтобы сделать однозначным приговор. Либо ему полотенцем, смоченным спермой, опять-таки на глазах у всех проводят по лицу. Вот эти процедуры — самые, насколько я знаю, распространенные. И после них заключенный объявляется «опущенным».

На Украине их чаще всего называют «петухами». «Петух» — это человек с совершенно особым статусом, который сравним со статусом неприкасаемого в Индии. Это пожизненный статус, и в этот, и во все последующие сроки отбывания наказания, если они случаются, человек остается изгоем. Бывает, что «петух», добившись перевода или в силу других причин, попадает в другой лагерь и там, где его совершенно никто не знает, о своем статусе умолчит. Как правило, его все равно разоблачают, и тогда он подвергается жестокому избиению. Ведь какое-то время к нему относились как к равному, с ним делили место, кров, пищу, и, таким образом, он как бы унижал, «законтачивал» нормальных людей.

В лагере существует кодекс поведения по отношению к «опущенным». Новичку, когда он заходит в зону, обязательно объясняют, что существует такое понятие, такой статус, рассказывают про все запреты и правила, связанные с «опущенными».

«Петухи» занимают нары, ближайшие к двери. Таким образом, как мне объясняли, их контакт с другими заключенными минимален: входят и тут же выходят, не встают по бараку... Большая часть

заклоченных относится к «петухам» с суеверным страхом и отвращением, буквально боязнь какой-то проказы, — вот такое ощущение. В лагере обязательно существуют четыре категории заключенных: «путевые» или «авторитетные», «мужики», «козлы» и «опущенные» («петухи»). Боязнь нарушить запреты по отношению к «опущенным» культивируется «путевыми» среди «мужиков».

У «петухов» жизнь очень тяжелая, и меня просто поражало, каким образом они это все выносят: среди них не было, по крайней мере в нашем лагере, случаев самоубийств. Да, забыл упомянуть про еще один путь попадания в «петухи» — добровольный. Бывает, что человек в силу обстоятельств залезает в такие долги, которые вернуть в назначенный срок не в состоянии. Его могут избить или даже убить. И тогда он, спасаясь от расправы, ночью забирает свою постель и переносит ее на эти злополучные петушные нары, если там есть места, конечно. Наутро отряд обнаруживает, что должник сидит на петушиной наре. Такое вот своего рода убежище от расправы — избивать «петухов» как-то не принято. Таким образом должник становится больше, чем банкротом, — ведь брать у «петуха» что-либо абсолютно недопустимо. Ему можно что-то швырнуть, можно отдать, но нельзя взять или обменять, движение ценностей, материалов, продуктов может быть только односторонним: от нормального заключенного к «опущенному», но ни в коем случае не наоборот.

Особенно тщательно все эти правила соблюдаются на общем режиме, здесь люди в гораздо большей степени боятся нарушить зековские законы, чем, допустим, в колонии строгого режима. Кормят «петухов» тоже отдельно. Когда отряд (а это человек 150) отправляется на обед, «петухи» обязательно идут последними, вне какого бы то ни было ряда. В столовой «петухи» из разных отрядов садятся за один общий стол, и шныри, то есть дневальные от каждой бригады, в чьи обязанности входит накрыть на стол, убрать со стола, приносят порции этим «петухам» и ставят на их стол. Шнырям как бы неофициально, общественным мнением дозволено в определенных рамках общаться с «петухами»: исключить общение с ними вообще, естественно, не получилось бы. Но споры по поводу того, как должны быть рамки этого общения, занимали очень много времени и внимания.

Скажем, «петухи» спят на нарах. Потом в отряде ни одного «петуха»

«Лишение ларьков, свиданий для «путевых» — как медаль «За отвагу»

не осталось — освободили или куда-то перевели. А нары петушные стоят пустые, причем стоят долго. А по лагерным правилам пустые нары должны разбираться и уноситься на склад. Так вот, сохраняют ли они статус «закончатенных», эти нары, — это очень важный вопрос! — после того, как лежали на складе? Ведь их могут выдать любому другому заключенному, даже тому же «путевому», который является хранителем традиций. И вот на общем совете «путевые» выносят такое решение: «железо не контактируется». И только после этого нары можно было совершенно спокойно повторно использовать.

Но если заключенный в нашем лагере, идя в столовую со своей «железной» ложкой, ронял ее на пол, то ложка считалась «закончатенной», то есть как бы «опущенной». И ее нельзя было использовать повторно ни при каких обстоятельствах. И теперь только «петухи» могли ею пользоваться. Таким образом, между прочим, «петухи» и решали свои материальные проблемы. Если кто-то чего-то ронял, то это оброненное могло стать только достоянием «петухов».

«Петухи» в массе своей были ужасно грязными, ужасно неопрятными. Некоторые из них были таковыми по своему уровню развития, а другие просто по необходимости, поскольку для «петуха» выполнение элементарных гигиенических требований превращается в огромную проблему. В баню им положено ходить всем вместе в определенный день, когда туда не ходят другие заключенные. Даже передвижение по территории лагеря для «петухов» — большая проблема. Допустим, поднимается «опущенный» по лестнице на второй этаж барака, навстречу ему идет обычный зека, то есть полноправный. «Петух», видя встречного, должен прижаться спиной в угол и ждать, когда мимо него пройдут, чтобы ни в коем случае, даже случайно, к нему не прикоснулись. Конечно, случайное прикосновение не считалось грубым нарушением, однако оно могло свидетельствовать о некоей неопрятности, небрежности нормального человека, который подобный контакт с неприкасаемым допустил. Поэтому, если заключенному казалось, что «петух» недостаточно хорошо соблюдает это правило, его было принято бить ногами.

Как говорится, ногами бить «петуха» не запахло. Многие считали, что кулаками бить «петуха» — это ниже их достоинства, это значит как-то прикасаться к нему, а вот ногами в самый раз, это именно та форма взаимодействия, которая допустима.

В лагере есть целый ряд работ, которые, по мнению зеков, подходят только «петухам» и «закончатенным», например помощь ассенизатору, выкачивающему жижу из туалетов. Человек, который опускает шланг в выгребную яму и поднимает его, считается уже закончатенным. Кстати сказать, в нашем лагере делали большую разницу между «петухом» и «закончатенным». «Петух» — это человек, который вступает в гомосексуальную половую связь в пассивной форме, а закончатенный — это тот, который выполняет работу неприкасаемого, но «петухом», то есть пассивным педерастом, не является. Поэтому он как бы чуть-чуть выше «петуха».

«Путевые» время от времени удовлетворяли свои половые потребности с «петухами». Я иногда даже подшучивал над «путевыми», пытался их как-то поддеть. Говорил, например, что с чисто медицинской точки зрения пассивный или активный гомосексуализм — это одно и то же. Но тут они отчаянно возражали, с их точки зрения, активный гомосексуалист — это человек, так сказать, благородный, это

мужчина в полном смысле этого слова, который в полной мере реализует мужское начало. А вот пассивный педераст — это, как известно, «опущенный». Медицинская литература на эту тему, которую я им предъявлял, страшно их возмущала. Они говорили, что книжки им не указ, потому что есть более высокие понятия, а именно те, согласно которым они живут.

И вот иногда какой-нибудь «путевый», занимающий привилегированное положение в отряде, то есть спящий в углу барака, внизу, обняв за плечи петуха, приводит его к себе в так называемое купе, угощает и, расплатившись в той или иной форме за будущие услуги, отводит в сушилку для рабочей одежды. Это, пожалуй, единственное в бараке место, где можно уединиться, вот его и использовали для гомосексуального полового акта.

«Мужики» смотрели на все это с каким-то ужасом и восхищением: ни одному «мужу» было недоступно поступать таким образом, разве что «путевый» захочет «мужика» «угостить» своим «петухом». Причем для «путевого» никакого осквернения в этих контактах с «петухом» не было, это был его, так сказать, святой долг, обязанность и право. А «мужики» избегали каких бы то ни было контактов с «петухами» и прикосновений, тем более гомосексуальных связей.

Иногда молодые недавно работающие в зоне офицеры пытались сломать эту систему взаимоотношений, например уравнивать «опущенных» в правах с другими заключенными. Назначается, скажем, такой офицер в воскресенье дежурным помощником начальника колонии

«Сходняки напоминали политбюро 5–10-летней давности: «мужики» ничего не должны были знать»

(ДПНК) и отдает приказ: «петухам» обедать вместе со всеми, а не за отдельными столами. Кончалось это тем, что все заключенные отказывались идти в столовую. Через два-три часа дежурный офицер обычно сдавался: массовый отказ от приема пищи — это ЧП, неприятности по работе и так далее.

Администрация пытается бороться с этими неформальными порядками заключенных, всеми способами сломать сложившуюся структуру, а «путевые» — это враги администрации. Почему? Во-первых, из-за правила, которое они старались неукоснительно соблюдать, — «путевым» нельзя работать. «Путевые» очень часто сидят из-за этого в штрафном изоляторе. Обитатели ПКТ (помещение камерного типа — то есть внутренней тюрьмы в лагере для нарушителей) — это тоже в основном «путевые». Лишение ларьков, свиданий и всего прочего воспринимается «путевыми» просто как очередная награда, скажем медаль «За отвагу». Когда «путевый» получает свидание, которого он не был лишен, это встречает иронические усмешки его товарищей «по масти». Считается: какой же он «путевый», если он еще не всего лишен...

Одна из функций «путевых» — регулирование отношений между заключенными, они являют собой

что-то вроде суда присяжных или суда чести. Предположим, у «мужиков» возникает конфликт между собой из-за невыплаченных долгов, материальных претензий и тому подобное. Кто-то должен выступить посредником, а обращаться к администрации — это западло, это категорически не допускается, поскольку администрация — стопроцентный враг заключенного. Значит, обращаются к таким авторитетам, как «путевые», и они выносят решение. Обычная форма наказания — это физическое избиение. Если, конечно, человек, вызванный на совет «путевых», с решением совета не соглашается. Если же он признает, что был не прав, и выполняет свои обязательства, нарушение которых и привело к конфликту, обращению к «путевым», все спокойно решается мирным путем.

«Путевые» также контролировали цены на «черном рынке» лагеря, то есть цены на поступающие в зону с воли товары (в основном это чай и сигареты) или вещи, утекающие со складов (форменная одежда, сапоги и так далее). Нарушителей установленных цен, независимо от того, покупатель он или продавец, жестоко избивали. Кража, как и превышение цен, была очень тяжким преступлением, но доносительство — это, пожалуй, самое тяжелое. При мне был один случай разоблачения в лагере агента администрации, причем агент этот был одним из основных «путевых» лагеря, что вообще повергло всех в смятение, особенно «мужиков», потому что для них этот человек был не просто святым. Вообще-то, не совсем понятно, как он попал в колонию общего режима. У него было

много судимостей (он объяснял, что прошлые судимости с него уже сняты), он был весь покрыт наколками — вся его биография была изображена у него на коже. И вот года полтора, наверное, он выполнял роль предводителя «путевых». Его удалось разоблачить в ПКТ. Конечно, кончилось это тем, что там же в ПКТ его и «опустили».

...Сходняки у «путевых» были в замкнутом кругу, процесс принятия решения немножко напоминал политбюро 5–10-летней давности: «мужики» ничего не должны были знать, только конечный результат можно было довести до всеобщего сведения. Впрочем, «мужиков» это устраивало. Это снимало с них нагрузку, потому что «путевые» брали на себя ответственность, брали на себя тяготы по соблюдению всех этих законов. «Мужикам» так было проще. «Путевые» же, по существу, их защищали, что обходилось им очень дорого. «Путевые» практически не вылезали из штрафных изоляторов... Что они имели взамен? Авторитет. Чувство собственного достоинства. Согласитесь, это не так уж мало...

Комментарий к интервью с Виктором Яненко

Одно из самых поразительных открытий, сделанных нами в ходе исследования субкультуры заключенных, — это то, что в своем нынешнем виде сформировалась она совсем недавно, где-то в начале 60-х годов. Вы, например, не найдете описания такого сложного социально-культурного феномена, как каста неприкасаемых, ни у Солженицына, ни у Шаламова. Конечно, гомосексуализм существовал в тюрьмах, должно быть, с момента их изобретения. Но «опущенные» («петухи» и «законтаченные» в интервью Яненко) и все связанные с ними запреты, обычаи, традиции, ритуализм, характерный для ранних этапов развития общества, — это прежде всего социально-культурное явление, а не физиологическое. Кстати, доля пассивных гомосексуалистов среди «опущенных» не так уж и велика, как представляется иногда в публикациях на лагерную тему (в некоторых колониях, где мы проводили исследования, она не превышает 20 процентов). Как институт, «опущенные» возникают внезапно в 1961–1965-м годах и почти мгновенно, если иметь в виду обычную скорость социально-культурных трансформаций такого рода, распространяются по всему ГУЛАГу, от Прибалтики до Приморья. В конце 60-х удается обнаружить лишь отдельные колонии, еще не захваченные новым неформальным порядком... Это лишь одна из загадок мира за колючей проволокой...

В следующем номере: лидер крымских татар Решат Джемилев о том, как калечат людей в зоне и как зеки калечат себя сами...

Работа за границей есть. Ищите!

Первый опыт экспорта людей

Советские люди едут за рубеж в поисках работы, зная, что практически во всех индустриально развитых странах тысячи и миллионы местных безработных. Но шансы у наших соотечественников за границей есть. Так считает Олег Бузо, директор Консультационного центра по трудоустройству и занятости за рубежом совместного советско-германского предприятия «Грант». Это единственная из многих в Советском Союзе коммерческих организаций, занимающихся экспортом людей, которая достигла впечатляющих результатов.

В мае 1990 года в этом СП был создан Международный компьютерный банк информации «Трудовые ресурсы», рассчитанный на одновременное обслуживание 1 миллиона абонентов и 300 тысяч заказчиков. Создать его помогли Международная ассоциация делового и культурного сотрудничества «Содружество сынов отечества», объединившая предпринимателей ФРГ, США, Канады, Франции, Испании и Финляндии — бывших выходцев из нашей страны, а также ряд международных торгово-промышленных ассоциаций, представляющих несколько десятков тысяч зарубежных фирм.

Через месяц после публикации объявления о возможности поездки на заработки «за кордон» банк информации «Гранта» был заполнен тысячами анкет желающих. В нем значились люди практически всех специальностей. Систематизировав полученные данные, из Москвы отправили статистику в Международную организацию работодателей, правительствам, местным органам многих стран. Через пару месяцев начали поступать первые ответы. О.Бузо утверждает, что из американских штатов Айова и Южная Дакота пришли списки заинтересовавшихся советской рабочей силой фирм толщиной в 2,5 сантиметра. Правительство Австралии сообщило о том, что на «зеленом» континенте требуются специалисты по компьютерной технике, а также инженеры транспорта, автомеханики, шоферы. Многие страны информировали об испытываемой нехватке сельхозрабочих. Требовались рабочие руки для вредных производств, на нефте- и газопромислах.

Столь непривычное для нас жела-

ние инофирм взять на работу специалиста из СССР при огромном выборе дешевой рабочей силы в странах «третьего мира» О.Бузо объясняет непритязательностью советского человека в быту, готовностью довольствоваться малым, неумением (или боязнью) требовать более высокой зарплаты, отстраненностью от политики и, наконец, близостью культур. Многие фирмы устраивают даже советский диплом. Речь, конечно, не идет о наукоемких производствах, оснащенных новейшей компьютерной техникой, о престижных частных клиниках или государственных учреждениях. Тем, кто собирается отправиться на поиск счастья за рубеж, О.Бузо советует не забывать о миллионах малых и средних фирм: «С ними проще найти общий язык, договориться, они легче идут на компромиссы, да и требования их не столь категоричны».

Однако если конъюнктура на Западе для советского человека благоприятствует, то чего, собственно говоря, мешать? И зачем тогда нужен «Грант»? К сожалению, не все так просто. Дело не только в длительной процедуре оформления, очередях в билетные кассы. В конце концов «Грант» поможет оформить заграничные документы, получить визу, купить билеты (если потребуется, и за валюту), заполнить многочисленные анкеты. Однако не ради этого существует центр по трудоустройству. Главная проблема связана с неконвертируемостью рубля. Ведь человек, оказавшийся на Западе без цента или пфеннига в кармане, не может сам за себя отвечать. Раз так, то он должен заручиться поддержкой какой-либо солидной организации, которая бы не только поручилась за него, но и смогла выплатить в случае необходимости штраф за выведенный из строя компьютер, сломанную машину, защитить его права, если будут нарушения условий контракта. Раньше роль гаранта немногочисленных советских специалистов за рубежом выполняли посылавшие их в командировки министерства. Но пробиться в число счастливиц мог не всякий. Теперь ездить за рубеж позволено практически всем. «Грант» берет на себя обязательства за нового работника перед западной фирмой, выступает его юридическим гаран-

У ворот германского посольства в Москве: с надеждой найти работу за границей

том, хотя в конечном итоге все расходы оплатит сам выехавший на заработки.

«Грант» — фирма коммерческая, а потому здесь достаточно придирчиво производят свой отбор желающих, прежде чем получить с них 75 рублей и ввести их данные в банк информации. По словам О.Бузо, для СП выгодней, если человек уедет работать за рубеж, нежели хранить сведения о нем в компьютерной памяти. Выгода заключается в том, что по условиям контрактов за работающих советских граждан зарубежные фирмы не платят какую-то сумму налогов в местные бюджеты, переводя эти деньги на счет «Гранта».

По статистике «Гранта» каждые двое из трех желающих уехать за рубеж согласны на любую работу в любой стране. В СП, однако, считают, что таким людям вообще не стоит срываться с места: «Мы не можем сделать чуда. Вакансий просто так не бывает, ведь западные фирмы имеют выбор не только среди наших соотечественников. Поэтому человек должен **очень захотеть** выехать в конкретную страну и **убедить в этом не только нас, но и потенциального работодателя**». Убедить в хорошем знании языка той страны, куда собирается ехать, в готовности к адаптации в местных условиях, в своей профес-

сиональной подготовке (он должен иметь стаж работы по данной специальности не менее двух лет). Возраст принципиального значения не имеет. Что касается здоровья, то расчет делается на здравомыслие кандидатов.

Кроме того, в «Гранте» интересуются наградами, изобретениями и открытиями своих абонентов, а также всеми их увлечениями, в том числе членством в спортивных и прочих клубах. Иногда последнее обстоятельство бывает решающим, в особенности для англоязычных стран.

Практика показывает, что при всех равных данных из претендующих на место в Аргентине преимущество может получить тот, мать которого носит имя Мария. В Австралии интересуются умением потенциального работника водить автомашину, в анкетах просят указать предыдущие места работы вместе с суммой годовой зарплаты, должностными обязанностями и количеством подчиненных. В ФРГ шансов больше у строителей. Во многих странах требуются специалисты по компьютерам и программному обеспечению, рабочие для конвейеров и вредных производств. По западным оценкам, в зоне Персидского залива число вакантных мест исчисляется двумя с половиной миллионами. Однако, с сожалением говорит О.Бузо, МИД СССР обра-

тился с просьбой к советским гражданам воздержаться от поездки в этот регион.

Практически везде существует нехватка шоферов для перевозок на дальние расстояния. Но, прежде чем предлагать свои услуги транспортным агентствам и экспедиторским фирмам, О.Бузо советует соискателям освоить хотя бы минимум специфических правил вождения для данной страны. Несмотря на то что везде действуют международные правила, на деле они верны лишь для владельцев личных автомашин. Если же в машине находится груз фирмы, то последняя должна быть уверена в сохранности и своевременности его доставки, а также в том, что ее шофер сможет объяснить в случае необходимости с дорожной полицией. Если его остановят на каком-нибудь американском шоссе, не будет убирать руки с руля, лезть за правами в «бардачок» или предпринимать какие-либо действия, которые могут быть интерпретированы полицейским как подготовка к нападению.

В Европе с вами обойдутся на дороге вежливее, но последствия могут быть печальнее. Штраф за грязную машину будет возрастать в геометрической прогрессии, если водитель оспорит точку зрения полицейского или откажется понимать, что от него хотят.

Мы едем, едем, едем...

Выезд из СССР на постоянное место жительства в 1990 году

Страна	Число выехавших	В том числе детей до 18 лет
Израиль	267 900	70 865
ФРГ	138 800	48 300
Греция	23 800	7 400
США	13 100	3 000
Канада	1 212	275
Финляндия	609	100
Швеция	173	28
Франция	139	79
Италия	117	23
Испания	108	11
Австрия	58	13
Великобритания	53	2
Турция	39	11
Дания	18	1
Нидерланды	18	5
Норвегия	18	5
Швейцария	15	3
Кипр	7	3
Бельгия	3	0
Португалия	2	1

Комментарий начальника Управления виз и разрешений и паспортной работы МВД СССР Рудольфа Кузнецова:

За пять месяцев 1991 года ОВИРы дали «добро» на выезд на постоянное место жительства за рубеж 138 242 человекам. По сравнению с тем же периодом 1990 года число обратившихся уменьшилось на 8,9%. Почти в пять раз выросло число тех, кто, уже имея разрешение, отказался от получения загран-документов. Всего «передумали» 1512 человек. В выдаче загранпаспортов было отказано менее 300 из обратившихся — это около 0,5%.

По странам тенденции таковы:

в Израиль выехали 69,2 тысячи человек — это на 17 процентов меньше, чем за тот же период прошлого года. 1467 человек отказались от эмиграции уже после того, как были оформлены все документы. О причинах отказа догадаться нетрудно: люди узнали, что в ближайшее время будет принят закон о въезде и выезде, для эмиграции уже не будет необходимо приглашение от близких родственников. Судя по всему, в Израиль они ехать не собирались и думали лишь использовать его как предлог для выезда. Теперь они, если не передумали, обратятся непосредственно в посольства выбранных ими стран; в ФРГ выехали 53,2 тысячи — на 7% больше, чем в январе-июне 1990-го. Можно ожидать резкого увеличения этого потока: прежде многих советских немцев сдерживало отсутствие близких родственников в Германии — теперь этот барьер упал. Конкретный пример: с начала года было отказано в выдаче загранпаспорта для выезда в ФРГ 107 гражданам: они сообщили ложные сведения о якобы существующих у них в Германии близких родственниках. С 1 июля этого года все они могут выехать;

9,3 тысячи человек получили разрешение на выезд в США — в 2,7 раза больше прежнего показателя. Но по неясным причинам 10 человек уже отказались от своих планов, видимо, не получили американскую визу;

в три раза меньше (4 тысячи) стало желающих переселиться в Грецию, что связано, очевидно, с ухудшением экономического положения в этой стране. Вообще число эмигрантов, динамика эмиграции в ту или иную точку земного шара со временем будут определяться именно экономическими соображениями. Пока же строить прогнозы на основании старых данных сложно: цифры часто падали или росли в зависимости от политических обстоятельств.

Директор центра не стал называть количество специалистов, выехавших с помощью «Гранта» за границу. Он объяснил это коммерческой тайной и одним из незыблемых правил совместного предприятия — конфиденциальностью всех переговоров. По его словам, однако, информеры теоретически проявляют больший интерес к квалифицированным рабочим, но на практике выходит, что охотнее берут инженеров. Этот парадокс он объяснил лучшей языковой подготовкой людей с высшим образованием. Од-

нако нигде инженера не возьмут на место рабочего, а токарь или слесарь не будут выполнять неквалифицированную работу. Человек едет работать только по той специальности, по которой у него есть образование или практический опыт, соответствующим образом зафиксированный в его документах.

Разумеется, больше преимуществ у тех, кто уже работал за границей.

Выборка из компьютерной памяти производится в порядке общей очереди. Если вы хотите ускорить поиск работы, вам могут предложить вклю-

читься в этот поиск самим: дадут десяток адресов достаточно известных фирм, на которых требуются работники по данной специальности. Все остальное зависит от вас.

«Начиная поиск работы за рубежом, прежде всего откажитесь от застарелой привычки рассчитывать на доброго заботливого дядю, — советует Олег Бузо. — На рынке каждый прокладывает себе дорогу сам. Конечно, в «Гранте» вам дадут адреса фирм, помогут заполнить необходимые анкеты, переведут их на иностранный язык (с оплатой по отдельному прейскуранту), отправят по почте или продублируют по телефаксу. Изменяя данные на вас в компьютере (бесплатно), если вы успели выучить какой-либо иностранный язык или приобрести еще одну специальность. Но мы не волшебники. Никто, кроме вас самого, не сможет выигрышно написать на фирму письмо, рассказать о себе так, чтобы это привлекло внимание работодателя. Если вы едете за рубеж по гостевой визе, не теряйте там времени зря — ищите работу. Если вы ее найдете, с вами вряд ли заключат сразу же договор: инофирме нужны гарантии. «Грант» вам их даст».

Константин Исаков

Адрес СП «Грант»: ВДНХ СССР, павильон «Электрификация», тел. 187-45-47

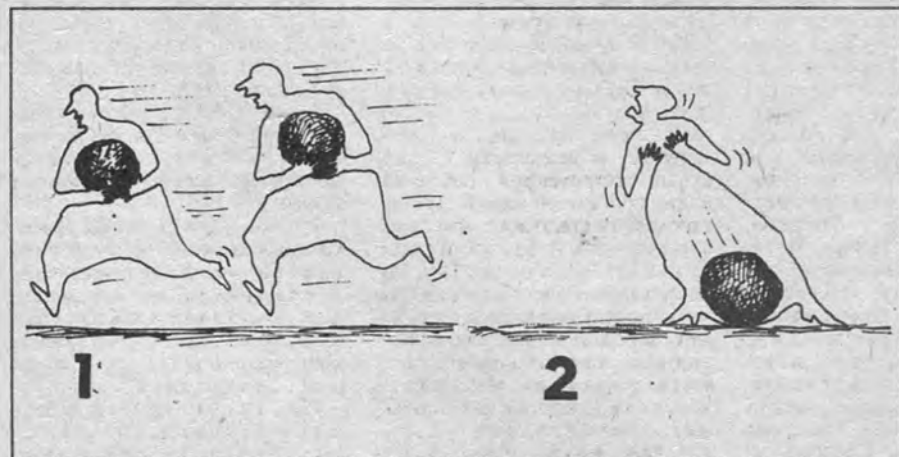

Рисунок Виктора Богорада

Жаркое лето 1991 года

Татьяна
Иванова

Неужели в этой стране невозможно власть, которая наконец разрешит желающим продавать — продавать, а желающим покупать — покупать?

Три пакета молока — три килограмма. Плюс килограмм творога. Пакет песку, масло, кочан капусты, огурцы, пачка стирального порошка... «Ого, какая у тебя сумка!» — говорит мне коллега. В элегантном костюме, в красивых ботинках, причесанный, ироничный, неторопливый, он мается целый день в прохладном редакционном кабинете, и весь-то воздух, который ему достается, — ветерок от вентилятора. А я отдыхаю на даче! У нас там птицы, цветы, благоухание... «Разве это сумка?» — отвечаю ему. — Это только полсумки. Здесь еще нет ничего мясного. Нет рыбы для кота. Нет ничего вкусного, а ведь я из города приеду... Здесь еще нет газет и журналов, которые я возьму с собой на два дачных дня. Говорю, а сама думаю: а если бы ты знал, сколько мне предстоит пробегать по городу, в скольких простоях очередей, сколько раз втащить свою сумку в битком набитый автобус, пока я раздобуду это мясо, эту рыбу, это «вкусное». И, наконец, когда сумка будет весить не меньше двенадцати килограммов, я рысью понесусь на вокзал, мечтая, чтобы не отменили электричку, потом буду стоять в толпе на свой деревенский автобус и гадать: удастся в него втиснуться или не удастся? Если нет, то следующий через час, и желающих попасть в него будет еще больше. А жара африканская... Дотерпит мое молодое дачи или прокиснет? Наступит кто-нибудь на мою сумку или доберегу?

В электричке рядом со мной будут сидеть такие же женщины, как я, с такими же сумками. Как и я, они, отдышавшись и приди в себя после всех магазинно-автобусных подвигов, добудут из сумки «Независимую», «Россию», «Куранты», «Демократическую Россию», и весь вагон зашепестит газетами. Как и я, они заметят в вагоне одного, может быть, двоих, развернувших «Советскую Россию», «Рабочую трибуну» или «Правду». Я люблю ловить эти глаза — глаза читателя «Независимой», незаметно вглядывающийся в читателя «Правды». До 12 июня в этих глазах была настроенность, теперь, мне кажется, только сочувствие, иногда будто легкая ирония. Читатели «Правды» суровы и сосредоточены. По сторонам не глядят. Брови сдвинуты. Чаще всего

это пожилые дяденьки в белых кепках. Я специально высматриваю хоть одного читателя «Правды» в джинсах. Но ни разу еще не встретила. Брючата на дяденьках солидные, просторные, как правило, коричнево-серые. Рубашки на них — «бобочки». Это непередаваемо... Или «сетки» — такие майки с короткими рукавами, скрывающие не все подробности мужественной груди. И «бобочки» и «сетки», если б было не стыдно, я разглядела бы самым основательным образом. Потому что изделия эти исторические, их, по-моему, уже лет тридцать, если не сорок, не выпускают.

Я спешу развернуть газету, потому что, если не читать, настроение портится очень скоро и очень плотно. Жалко всех. До того жалко, что сил нет. Мысленно одеваю старика, уткнувшегося в «Правду», в хорошенькую рубашку, в легкие, чистые, удобные ботинки, в ловкие брючата, выбрасываю в окно его доисторическую белую кепку, раздвигаю суровую морщину на его переносице... Кто он? Солдат, прошедший страшную войну? Чей-то ласковый дед? Инженер? Каким бы он мог быть симпатичным человеком, уверенным в себе, свободным, предупредительным, любезным полутчиком, да просто был бы загляденье, а не старик, если бы... Но хватит говорить «если бы». Ничего в прошлом не исправил, ничего не вернешь, эта жизнь прошла так, как прошла, другой у деда не будет. Беда только, что он ведь собирается передать по наследству внуку свою «бобочку» и свою кепку, ему кажется, что в этих брюках можно еще лет тридцать проходить — ничего страшного...

До 12 июня белые кепки частенько «возникали», подзаводили, бывало, весь вагон. Им казалось, что они, кепки, везде, что именно они большинство, они — главные, а демократы — так, кучка экстремистов, соблазняющих праведный народ. Но уже утром 13-го стало ясно, что большинство-то как раз демократы, что народ — демократ. И с той поры кепки сидят тихо-тихо. И в электричках митинги прекратились, а если и возникают, то беззлобные, как бы в шутку. И я всегда радуюсь им, убеждаясь в том, в чем никогда и не сомневалась: демократические убеждения, даже просто демократическое чувство не совмещается с агрессивностью. Агрессия же ис-

ходит только от граждан, симпатизирующих тоталитаризму, диктаторству.

...Если бы молодая женщина, тяжело опустившая сумку рядом со мной, вошла легко, если бы надеть на нее что-то воздушное, изящное, светлое — да она красавица настоящая. Мы встретились глазами, и, наверное, она прочла в моих все то, что вы прочли сейчас. И она улыбнулась мне: «Леди-лошадь». Я сама себя зову «леди-лошадь».

И мы принялись с нею, поддакивая друг другу, обсуждать первые шаги нашей демократической московской власти. Бесплатный проезд для пенсионеров в городском транспорте... В кои-то веки что-то сделано для людей — реально. Молодец Попов.

Это было красиво: ведь не до выборов объявили, а после. Это было великодушно, по-человечески, справедливо, ведь всю жизнь стариков государство обдирало как липку. Теперь, решили мы, надо бесплатно возить и детей. Тогда мы будем думать, что проезд по-прежнему стоит пятак, другой пятак мы бросаем за маму, а еще пятак за сыночка... Но что они сделали с рынками?! С киосками? Почему опять гоняют от метро старух с укропом и луком? Кому нужны чистые, ничем не торгующие площади у метро?

Наш город бесчеловечен. Попов с Лужковым говорят, что наведут сначала порядок, а потом будет торговля. Но коммунисты всегда говорили нам то же самое... Мы больше не в силах ждать, у нас жизни нет. Я два часа бегала за огурцами... А я так и не купила ягод... Я не хочу стоять час в овощном за вальным луком, я хочу купить свежий прямо у метро и без очереди...

Соседи по вагону вовлеклись в нашу печальную беседу. Лужков, говорили одни, суров, но это Лужков. Так-то оно так, говорили другие, но торговли в городе теперь вовсе нет...

Боже мой, как нынче печет солнце! Ей богу, скорее бы кончилось это лето, скорее бы началась городская — привычная жизнь.

Неужели в этой стране невозможно власть, которая наконец разрешит желающим продавать — продавать, а желающим покупать — покупать. Вот сколько ни выбирай, хоть самых умных, хоть умнейших — а это все равно невозможно?

Нет, надо прекращать разговаривать, спорить, думать, сокрушаться, возмущаться, недоумевать, всех жалеть — слишком жарко.

Посольство ведет следствие

Гонения на вьетнамских студентов в Москве

В эти дни во вьетнамском землячестве в МГУ проходят давящие, тяжелые собрания с «самокритикой», проводится форменное следствие. И все это из-за «доски объявлений вьетнамского землячества» и самиздатского журнала «Юность».

Если из клубной части МГУ повернуть направо, в сектор «Б», вы увидите стенд с надписью «Вьетнам». Это и есть «доска объявлений вьетнамского землячества», предназначенная для обмена разного рода информацией, начиная с поздравлений и объявлений о футбольном матче или походе и кончая официальными сообщениями о решениях посольства по тем или иным вопросам, о постановлениях КПВ и правительства Вьетнама.

Все началось с письма вьетнамской писательницы Зыонг Тхы Хыонг, опубликованного в журнале «Новое время» (№ 13, 1991) под заголовком «Исповедь вьетнамского диссидента». Видимо, письмо отразило настроение большинства наших соотечественников, учащихся в Москве, и кто-то наклеил его на стенд. Вскоре текст сняли, но он появился вновь. Через несколько дней на стенде была уже статья южновьетнамского писателя Ву Ханя,

опубликованная в «Московских новостях». Затем — листовки, призывающие вьетнамские власти изменить отношение к дискуссиям, к свободе слова.

Однако все статьи и листовки каждый раз снимали партийные и административные работники вьетнамских представительств в Москве. Они заставляли в МГУ. Вьетнамских студентов вызывали на собрания, собеседования, грозили им всевозможными карами.

Странно получается: появление на стенде статьи, вырезанной из советского издания, которое любой человек может свободно приобрести и прочитать, наши дипломаты расценивают как попытку раскрыть внутреннее положение Вьетнама иностранцам! Но ведь правда и справедливость — будь они высказаны на вьетнамском или русском языках — всегда остаются правдой и справедливостью. «Исповедь вьетнамского диссидента», перед тем как ее прикрепили на стенд, успели прочесть многие тысячи людей. Чего же боятся власти?

Студентам и аспирантам рекомендуют ограничиться учебой и не заниматься «плохими» делами. Устным приказом начальника отдела посольства по работе с аспирантами и студентами нам запрещено использовать стенд для «плохих» це-

лей. Отныне поместить что-либо на стенде имеют право только партийные и административные работники.

За участие в «стендовом деле» по приказу первого заместителя министра образования СРВ были отчислены из аспирантуры МГУ Хо Хань и Вьет Ха...

Голос молодых звучал и со страниц самиздатского журнала «Юность». В посольство вызвали членов редколлегии, авторов «неудобных» статей. От них требовали написать объяснительные письма, самоотчеты... В результате «Юность» запрещена, распространять первый номер журнала всячески мешают. Членам редколлегии и авторам «вредных» статей грозит суровое наказание.

Какие же материалы журнала считаются «вредными»? Например, рассказ Динь Нгьема «Гений», герой которого жалуется, что судьба таких, как он, «зависит от некомпетентных, консервативных людей, сидящих в Ханое». Или репортаж Бью Лонга «Сайгон — встреча год спустя», где рассказывается о колоссальной пропасти между роскошной жизнью стоящих у власти и нищетой простых людей в этом городе, о том, как «революционные чиновники» расходуют на своих вечеринках суммы, в сотни раз превышающие зарплату преподавателя университе-

та. Особенно опасным считают трактат Фюнг Чиня «Размышление о социализме», где автор дает анализ исторических концепций, начиная с утопического социализма и кончая идеями «демократического социализма», и выражает сожаление, что пока не существует реальных условий для построения подлинного социализма. Вредной считают и статью Зуй Тан «Возьмемся за руки». Зуй Тан призывает соотечественников «поставить интересы родины выше политических взглядов, стремления к власти и личных интересов» и «объединиться ради светлого будущего на материнской вьетнамской земле». Не удовлетворила властей и статья Май Нгуена «Несколько мыслей о политическом плюрализме».

Представительские службы СРВ в Москве подозревают возможную связь провинившихся студентов с известным диссидентом бывшим заместителем главного редактора газеты «Нян зан» Буй Тином, а также с Зыонг Тхы Хыонг. Предполагают, что некоторые авторы получили материалы если не с Запада, то от «российских демократов». Для непослушных готовы ярлыки: «антинародники», «реакционеры»...

Словом, для вьетнамских студентов МГУ наступили тяжелые дни, когда люди подозрительно смотрят друг на друга. Я обращаюсь ко всем читателям «НВ»:

— Дорогие друзья! Поддержите тех, у кого из-за открыто высказанного мнения навсегда поломана научная карьера.

Обращаюсь и к своим соотечественникам. Не ищите правду в «источниках» и постановлениях! Правда — бесспорная отсталость нашей страны, нищета нашего народа. И не спешите обвинять студентов! За их поступками нет никаких «внешних реакционных сил».

По вполне понятным причинам подписываюсь псевдонимом.

Зан Ден
МОСКВА

Даже новая техника часто доставляется во Вьетнам древним способом

Работоспособность вашего компьютера
— большая проблема

Мы обеспечим ее решение!

*Договор на сервисное обслуживание РС
или отдельных узлов — залог постоянной
готовности Вашего персонального компьютера*

СЕРВИС-ЦЕНТР Акционерного общества «Новая экспозиционная фирма» обеспечит:
заявочный ремонт РС и отдельных узлов; предпродажную подготовку; сервисное,
гарантийное и послегарантийное обслуживание; установку в принтеры и графические
адаптеры любого (русского или национального) шрифта; расширение ОЗУ; установку
дополнительных периферийных устройств; замену красящих лент принтеров; покупку
неисправного оборудования по остаточной стоимости; поставку РС, отдельных узлов,
периферийного оборудования и аксессуаров.

Оплата работы в рублях или в свободно конвертируемой валюте.

Акционерное общество НЭФ в павильоне «Физика» на ВДНХ;
Москва, тел.: 181-96-31, 181-23-75 с 10 до 16
Факс: (095) 181-23-75 с 16 до 24,
(095) 924-00-02

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

**Всесоюзное объединение «ИЗОТОП» проводит
расширенную продажу и предлагает поставить в минимальные сроки:**

Средства вычислительной техники —

Управляющий вычислительный комплекс УВК-07Ф для
управления технологическим оборудованием и
различными системами.

Комплекс легко адаптируется к любому
технологическому оборудованию, имеет программное
обеспечение, облегчающее подготовку прикладных
программ пользователя, программы можно реализовать
непосредственно на персональных ЭВМ, входящих в
состав комплексов:

Дисплей знако-графический БВА-03Ф для отображения
символьной и графической информации.

Дисплей может быть использован в качестве
терминала в мини-ЭВМ СМ-1420 и им подобным;

**Устройство матричное печатающее «Электроника МС
6304»** для регистрации на бумажном носителе
алфавитно-цифровой и графической информации,
выводимой из устройств, имеющих параллельный
интерфейс.

В комплект поставки средств вычислительной
техники, по дополнительному согласованию, может
входить IBM PC/AT 286 (40 МБ, VGA, принтер).

Анализатор многоканальный амплитудный АМА-03Ф4
предназначен для анализа, накопления, обработки и
выдачи на внешние устройства информации о
распределении по амплитуде импульсов.

Спектрометрическое устройство СЗА-01 для
регистрации и спектрометрии альфа-частиц. Может
применяться при измерении энергетических спектров

тяжелых заряженных частиц, пробеги которых
укладываются в размер чувствительной области
используемых полупроводниковых детекторов.

**Автономный носимый источник воздухообеспечения
НИВА-3-1** для подачи из окружающей среды через
аэрозольный фильтр очищенного воздуха в шланговые
изолирующие средства индивидуальной защиты
(пневмомаски, пневмошлемы, пневмокуртки и
пневмокостюмы). Масса прибора с комплектом
аккумуляторов — 2,8 кг.

Блоки питания для электронной аппаратуры:
низковольтные серии 591, БНН-151, БНН-152
(напряжение на выходе 6, 12, 24 В); КБНС-4 (напряжение
на выходе от 0 до 32 В).

**Миниатюрные однокомпонентные АП 14 — АП 19 и
трехкомпонентные АП 20 — АП 22** пьезоакселерометры
для измерения ударных и вибрационных ускорений.
Рекомендуются для применения в автомобилестроении,
авиастроении, судостроении, станкостроении,
вагоностроении, при построении радиоэлектронной
аппаратуры.

Заявки на поставку просим направлять по адресу:
119435, Москва, Погодинская ул., 22.

☎ отдела информации: 247-06-31, 242-86-89.

☎ коммерческих отделов: 245-24-87, 245-13-16.

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

В истории всякого народа есть события, в которых как бы открывается потаенный смысл жизни поколений. В отечественной истории к таким событиям, безусловно, относится революция. Русский ум обречен искать ответы на ее вопросы.

Один из первых и самых глубоких ответов был дан Петром Бернгардовичем Струве. Тема «Россия и революция» стала для него центральной еще в 1905 году. Но Струве не только проницательный аналитик грандиозных социальных сдвигов — им же уподобленных геологическим, — он принадлежал к числу ведущих действующих лиц свершавшейся исторической драмы. Это по его спине гуляла казачья нагайка,

когда в 1901 году он вышел к Казанскому собору защищать студентов от произвола старой власти, и это ему в грудь целилась пролетарская диктатура, когда в годы гражданской войны он всего себя отдал организации сопротивления большевизму.

Сегодня, когда Россия делает вторую в своей истории осмысленную попытку вырваться из рабства к свободе, нам особенно важны мысли и дела тех деятелей отечественной культуры, которые для большого и все еще «несовершеннолетнего» общества могли бы служить ориентирами мужества, ответственности, нравственного добра. Тех людей, которые, несмотря ни на что, сумели «сохранить веру и верность, честь и честность, несгибающуюся твердость в век малодушия, колебания, двусмысленности, измены» (так говорил С.Н.Булгаков о Струве).

Публикуемая статья написана вскоре после большевистского переворота.

Он показал, чего стоит российский человек. И известные слова Б.Савинкова — «Богоносец-то надул!» — относятся ко всем сословиям общества, а не только к «обоготворявшемуся» в XIX веке «простому народу». Поэтому всю мощь своего таланта (единственным творческим политическим умом в России называл его Н.А.Бердяев) Струве направил на исследование «истоков и смысла» русской революции. Главное ее содержание он видел в отрицании двух огромных культурных достижений нашей Родины — «зачаток конституционного строя», то есть системы плюралистической демократии, и «зачаток народной земельной собственности», то есть частной собственности на землю. Струве однозначно квалифицирует

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

революцию 1917 года как социальный, экономический, политический и культурный регресс. Это очень важно понять. Особенно тем, кто отстаивает «социалистический выбор», и тем, кто проповедует для России некий особый исторический путь. Без демократии и собственности, а значит — и без свободы.

Публикацию подготовил
кандидат исторических
наук Юрий Пивоваров

Революция и контрреволюция

Петр Струве (1870 – 1944)

Если рассматривать события 1917 года независимо от всей предшествующей эпохи, то им, конечно, нельзя дать почетного титула революции. Это солдатский бунт, «из политики» принятый интеллигенцией страны за революцию, в надежде превратить бунт в революцию. Надежда эта не оправдалась, и бунт превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный всероссийский погром.

Но этот всероссийский погром есть, с более глубокой исторической точки зрения, лишь эпизод в движении, которое началось не в 1917 году и не кончилось в этом году. Русская революция ведет свое начало не от петербургского солдатско-рабочего бунта февраля–марта 1917 года, постепенно развившегося во всероссийский погром, нами переживаемый, и этим погромом не закончится. Русская революция началась гораздо раньше. Ее начало по меньшей мере следует отнести к 1902 году. И в 1905–1906 годах она на самом деле одержала гораздо более крупные победы, чем в 1917 году. И на погроме, продолжавшемся 8 месяцев, нами пережитых, русская революция не остановится.

Трагедия, переживаемая Россией, сводится к тому, что безумие павшей монархии и безрассудство общественного движения даже в его наиболее умеренных элементах привели к революционным событиям внутри страны во время величайшей и тягчайшей войны, создавшей огромную армию. Ради целей внешнего бытия государства ему нужна эта большая армия, революция

же превратила ее в бич для населения и в угрозу самым основам государства. В этом противоречии бьется и исходит силами великое, некогда мощное государство, и как оно из него выйдет, мы еще не знаем. Но из него должен быть найден выход, и ясно, что именно отыскание этого выхода составит все дальнейшее содержание русской революции.

Если это так, то понятно, что переживаемый нами погромный период начавшейся 15 лет тому назад революции не может закончиться тем Учредительным собранием, созыв которого во время войны был вынужден угрозами опьяневших «революционеров» и обезумевших солдат. Ни острые, ни хронические погромы не врачуются парламентскими речами и постановлениями.

Революция, в которую вошла Россия в 1902 году, состоит в создании одновременно новых политических и социально-экономических форм быта. Процесс этот потому протекает так болезненно в России, что все те элементы, которые должны были активно создавать новые формы быта, оказались в силу разных причин исторически несостоятельными в разрешении этой задачи. Мировая война ускорила выявление революции и обнаружение ее в погромной форме, но не она ее породила и не ею определились основные черты действующих в революции сил. Война не породила революции, и мир сам по себе отнюдь не приведет к ее завершению и переходу к новым основам политического и социально-экономического бытия России. Это необходимо осознать до конца, дабы не

предаваться иллюзиям относительно значения таких событий, как созыв Учредительного собрания и даже заключение мира.

Я установил первый парадокс того положения, которое мы переживаем.

России нужна для окончания войны, как внешней, так и гражданской, большая вооруженная сила в руках твердой государственной власти, а армия в силу целого ряда причин, заложенных в ходе революции, превратилась в организованное погромное бесчинство вооруженных людей, руководимых преступниками и безумцами.

Но в тех событиях, через которые проходит Россия, заключается другой, еще более глубокий парадокс. У революции, начавшейся в 1902 году, были два достижения, бесспорные и чреватые огромными культурными последствиями для России. Это, с одной стороны, зачатки конституционного строя, в форме народного представительства и свободной печати, с другой стороны, зачатки народной земельной собственности, созданные аграрной реформой Столыпина. Революция в той стадии, которую мы переживаем, в стадии вдохновляемого «социалистическими» лозунгами бунта рабочих и крестьян, направляется против зародившей русской конституции — ибо, что же такое в политическом отношении есть большевизм и разный полубольшевизм, как не борьба с конституционными преобразованиями России, начатыми в первое десятилетие XX века? И в то же время весь этот якобы «социалистический» бунт есть сплошное отрицание собственности и правопорядка, основанного на признании и ограждении собственности. А между тем эта революция — как революция — ничем другим не движется, как стремлением к собственности, она является как бы грандиозными народными судорогами, в которых должен родиться в России режим, основанный на личной собственности (прежде всего земельной) широких народных масс и на внедрении в их психику собственнических тенденций и вкусов. В Совете Республики я собирался сказать нашим социалистам-революционерам, что их боевой клич «в борьбе обретешь ты право свое» история и русское крестьянство переделают по-своему, сделав к нему лишь небольшое, но довольно существенное дополнение: «В борьбе обретешь ты право собственности своей».

Да, не просто литературная фраза утверждение, что переживаемая нами (с 1902 года) революция есть революция буржуазная. Но эта характеристика имеет вовсе не тот смысл, что блага революции достанутся так называемой «буржуазии» и в ее интересах будет осуществлен буржуазный строй. Революция эта буржуазная потому, что, вопреки всем социалистическим кличам и лозунгам, под шум этих лозунгов народные массы всем своим поведением идут к утверждению в своей жизни буржуазных начал, и прежде всего — начала личной земельной собственности. Ибо допустим, что помещичья собственность совершенно исчезнет. Тогда-то именно станет ясно, что весь русский аграрный социализм есть лишь интеллигентские бредни, в костюм которых облеклось стремление к буржуазному стяжанию экономических наиболее сильных и цепких крестьянских элементов. И даже несмотря на весь большевистский разгром русского народного хозяйства, эта мнимосоциалистическая волна крестьянского и рабочего стяжания, с к о л ь к о она создаст все-таки именно в народной массе буржуазных существований и интересов, которые, когда «социалистический» угар пройдет, явятся оплотом собственности и основанного на ее признании и ограждении порядка! Сейчас «социалистическая» волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не

она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с нею в борьбу. И тогда социалистическая волна обнаружится (показав), чем она является на самом деле (явившись) как отвратительный погромный костюм, в который временно облекся процесс созидания новой народно-буржуазной России. И этот могущественный процесс создания буржуазного собственного сознания в широких народных массах окончательно отметет уродующий его погромно-социалистический костюм. Рядом с этим интеллигенция в своем сознании окончательно преодолет социализм как антигосударственную и антикультурную в современных русских условиях погромную идеологию, контрреволюционную по своему существу.

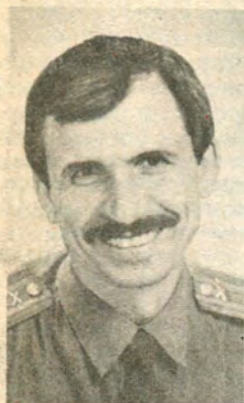
Если, таким образом, переживаемая Россией революция является и не может не являться революцией буржуазной в глубочайшем смысле этого слова, то отсюда непрерываемо вытекает вывод: русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе развития

самых широких народных масс России быть преодолен и сметен. Для всякого социолога, прошедшего эволюционную и, в частности, и в особенности марксистскую школу, это не может не быть ясно. Процесс преодоления в русской революции контрреволюционной стихии социализма будет, конечно, весьма сложным и болезненным. Но он неотвратим и вообще, и в своей болезненности тоже неизбежен, и нужно, чтобы русская интеллигенция уже теперь ясно создала это. Ибо только ясным познанием социологического существа того пути, по которому пойдет и не может не пойти Россия, пути создания общечеловеческой культуры в буржуазных формах, русская интеллигенция сможет искупить свой, может быть, невольный, но огромный грех, который состоял в том, что она в одной части активно, своей пропагандой социализма, в другой части пассивно, своим попустительством этой пропаганды, привила общественно-политической борьбе русского народа за освобождение п о г р о м н ы й я д. Эта же прививка так распатала вековую и могучую постройку русского государства, что она грозит обрушиться и в своем крушении раздавить и изуродовать русскую культуру.

Я знаю, что принято во всех переживаемых нами бедах винить либо старый порядок и старую власть, либо большевиков. Я последний склонен оправдывать старую власть, которая, ради сохранения своих отживших прерогатив, преступно задерживала культурное и политическое развитие нации. Мое отношение к большевикам тоже достаточно известно. Но если всероссийский погром 1917 года угодно называть русской революцией, то я скажу прямо: главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной. Справедливость, однако, требует прибавить: в этом преступлении соучаствовала вся прогрессивная русская интеллигенция тем безбожным и безрассудным характером, который она придала своей борьбе со старым порядком, в частности после событий 1905 года.

Все это объясняет, почему в революции, в самом ядре ее, гнездилась зараза контрреволюции, которая до последнего своего дыхания будет кичиться н а и м е н о в а н и е м революции. Под каким наименованием погромная зараза будет раздавлена, совершенно неважно. Раздавлена же и выжжена из русской жизни она должна быть во что бы то ни стало.

ПЕТРОГРАД
23 ноября 1917 года

Подполковник **Григорий Алимурзаев** едва ли удивил своих знакомых, когда стал совмещать военную службу с руководством ростовской Школы стратегий социоинтеллектуального предпринимательства. Причина не только в личном характере, но и в особенностях его специализации — доктор экономических наук, профессор Алимурзаев имеет опыт преподавательской работы. Впрочем, основанная им школа не очень заинтересована в учащихся. Ее основная ориентация — воздействовать на общественное мнение.

Один из наиболее перспективных проектов — комплексное исследование проблем безопасности. Это направление Алимурзаев возглавляет вместе с кандидатом исторических наук, заместите-

лем главного редактора журнала «Международная жизнь» **Алексеем Панкиным**. Среди конкретных результатов созданной ими группы — Независимая общественная экспертиза состояния

военной опасности и деятельности Вооруженных Сил СССР (Москва, январь 1990 года), общественный форум «Гражданский контроль в системе безопасности» (Ростов-на-Дону, июнь 1990 года),

международная дискуссия «Кому нужен космос на Земле» (Москва, февраль 1991 года).

Сейчас Алимурзаев и Панкин готовят международный предпринимательский мара-

фон «Южнороссийское возрождение: люди, проекты, программы, структуры». Марафон задуман как долгосрочный эксперимент и рассчитан на несколько лет. Первый тур — в октябре этого года, когда группа участников из разных стран проведет 15 дней в плавании по югу России.

Самый молодой ректор

Председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес откроет в Москве летние курсы университета Комплутенсе. На курсах будут обсуждаться такие проблемы, как переход от централизованной экономики к рыночной, реклама и рынок, деньги, банки, финансовые рынки, Европа и телекоммуникации... А организовал все это в Москве ректор Мадридского университета Комплутенсе **Густаво Вильяпалос**.

Популярности, которой пользуется ректор самого крупного в Испании высшего учебного заведения, завидуют многие политические деятели страны. Вся биография этого блестящего ученого и видного общественного деятеля напоминает диаграмму роста без кривых и падений.

Окончив с отличием университет, он остался на кафедре истории права и в 26 лет получил звание профессора. В 34 года Вильяпалос — самый молодой в истории факультета декан, а через три года — ректор Комплутенсе. Его избрали абсолютным большинством голосов, причем при поддержке как консервативных, так и леворадикальных преподавателей. В прошлом году его вновь переизбрали на эту должность. Густаво — почетный доктор целой дюжины иностранных университетов. В этой табели о рангах он уступает, пожалуй, лишь королю Испании.

Его рабочий день длится иногда пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, и при этом, как он утверждает, он не чувствует усталости. Став ректором, Густаво Вильяпалос «построил» новые здания математического и биологического факультетов, библиотеку, в которой насчитывается полтора миллиона томов. Благодаря его заботам начал действовать научный центр ядерно-магнетического резонанса, электронной микроскопии, возводятся квартиры для преподавателей и сотрудников университета. А во время визита президента Горбачева в Испанию осенью прошлого года состоялось торжественное открытие здания советского института культуры и науки.

О программе предстоящих летних курсов в Москве Густаво говорит так:

— Я придерживаюсь той точки зрения, что деятельность университетов не должна замыкаться чисто академическими рамками. Вот уже четвертый год наш университет во время летних каникул проводит курсы, на которые приглашает выдающихся ученых, политических деятелей, писателей, художников, артистов, представителей делового мира. В нынешнем году мы решили расширить географию летних курсов, которые обычно проходят в Сан-Лоренсо-дель-Эскориал под Мадридом. Если не считать прошлогодний эксперимент в Берлине, то проведение курсов в городе на Москве-реке станет для нас первым опытом за рубежом. На первое место в предстоящей дискуссии я поставил бы такую важную сейчас для СССР тему, как опыт переходного периода в политике государственного устройства Испании. Руководить этим курсом будет первый заместитель генерального секретаря Испанской социалистической рабочей партии Альфонсо Герра.

Среди тех, кто выступит с лекциями в столице Советского Союза, будут министр культуры Испании Хорди Соле Тура, нобелевский лауреат писатель Камило Хосе Села, бывший министр иностранных дел Марселино Ореха...

Валерий Волков
МАДРИД

Советский медик **Алла Уманская** — автор оригинальной системы самоконтроля организма человека. По ее мнению, новая методика может быть использована для борьбы с эпидемией гриппа-«испанки», грозящей в ближайшее время многим странам мира.

Алла Уманская — кандидат наук, заведует лабораторией прогнозирования, профилактики и реабилитации ЭНЭИДа в Московской мекакадемии им. И.М. Сеченова.

В начале 70-х годов, работая главврачом одной из сельских поликлиник в Донбассе, Уманская провела диспансеризацию нескольких тысяч семей шахтеров и колхозников. И выявила не описанную нигде системную патологию, получившую впоследствии название ЭНЭИД. Начальная стадия этого заболевания обнаруживалась, как правило, у детей, родившихся после эпидемии гриппа, от родителей, страдавших заболеваниями дыхательных путей и ЛОР-органов.

Метод Уманской применим как при остром течении вирусного заболевания, так и при отсутствии явных признаков болезни. В результате ежедневного точечного массажа главных биологически активных зон человеческого тела в организме происходит саморегуляция — вырабатываются вещества, с которыми не может конкурировать ни один искусственный лекарственный препарат.

О своих наблюдениях Уманская писала во многие инстанции — от горкома КПСС до Министерства здравоохранения СССР, но ответом было глухое молчание. Получила в 1979 году авторское свидетельство на свой способ лечения гриппа, ОРЗ и их осложнений... В середине 80-х годов решение о внедрении ее метода все же было принято Минздравом, но от этого легче не стало. И теперь, создав медицинскую научно-производственную кооперативную фирму «Уманская», медик ищет спонсоров...

Д.Поликарпов

В Ленинграде состоялись концерты известного немецкого пианиста Хольгера Грошоппа.

27-летний пианист сел за рояль в шесть лет. В десятилетнем возрасте стал лауреатом международного конкурса. Учился в Высшей западноберлинской школе искусств. Среди его педагогов — знаменитый баритон Дитрих Фишер-Дискау.

На Западе Грошопп стал известен благодаря своему исполнению редко звучащих произведений Скрябина, Бузони, Брамса. Из современных он играет Булеза, Лючано Берио, Мессиана, Хенце. Немецкие газеты пишут о «заряде магии», о «чувстве стиля» в его игре,

об «обращенности к поздним романтикам».

Сам же Хольгер говорит: «Я предпочитаю малоизвестную, позволяющую повысить мои профессиональные возможности музыки. Первая интерпретация всегда устанавливает какой-то канон, с которым невозможно не считаться в последующих исполнениях. Когда же вещь звучит впервые, нельзя предугадать, как сложится ее дальнейшая судьба».

Д.Каданцев

Когда 79-летний французский киноактер Жозе Ферре в первый

раз увидел Жерара Депардьё, то сказал: «Ты будешь настоящим Сирано де Бержераком». Слова оказались пророческими. Вскоре 42-летний Депардьё получил премию Д.У.Гриффита за исполнение главной роли в фильме «Сирано де Бержерак». Он считает себя преемником Ферре, который в 1950 году завоевал «Оскара» за исполнение роли... Сирано де Бержерака.

Депардьё рано начал карьеру киноактера. Впервые появился на экране в 18 лет. Сейчас он уже снялся в более чем 40 фильмах и множестве телесериалах. Ферре он называет своим «талисманом удачи».

Правда, недавно Депардьё чуть было не распрощался со своей популярностью. Во время съемок в США он дал неосторожное интервью о своих любовных похождениях в молодости. Многочисленные женские организации сразу же заявили: женщинам такой кумир не нужен. Депардьё пришлось извиняться.

Сейчас критики спорят, какой из де Бержераков лучше — Ферре 50-х годов или Депардьё 90-х. «Мы не ведем борьбу за призы», — урезонивает их Ферре.

К.Шушнов

Подследственный Пронозин

Когда Александр дождался очереди в районном ОВИРе, следом за ним в кабинет зашел трое в штатском и поинтересовались:

— Пронозин? Почему не служим в армии? — И не дожидаясь ответа, — пройдемте...

Три года назад, летом 1988-го, когда ему было еще семнадцать, Александр Пронозин послал письмо министру обороны СССР маршалу Язову, в котором заявил о своем отказе от военной службы по пацифистским убеждениям. В письме также содержалась просьба заменить ему службу в рядах Вооруженных Сил альтернативной службой в любой гражданской отрасли. Ответом стало возбуждение прокуратурой Советского района города Москвы уголовного дела № 65707. С тех пор Александр активно включился в борьбу за право на отказ от военной службы по убеждениям совести, успел опубликовать несколько материалов по этой теме как в СССР («Новое время» № 10/91), так и за границей. Все это время он проходил по своему собственному делу в качестве свидетеля...

Обвинение было предъявлено через три дня после того, как Пронозин вернулся из Бельгии, куда ездил в составе делегации под эгидой Верховного Совета СССР для изучения западноевропейского опыта альтернативной службы.

— Я с самого начала хорошо знал, что меня ожидает, — говорит Александр. — При желании я вполне мог бы решить проблему гораздо менее болезненным способом — существует достаточно всевозможных хитростей, позволяющих увильнуть от военной службы. Мне даже предлагали попросить политического убежища в другом государстве. Но в том-то все и дело, что это не только моя личная проблема...

Пронозин против тактики самопожертвования и весьма скептически относится к мученикам за великую идею. Но, считает он, в сложившейся ситуации именно открытое судебное слушание, как ничто иное, способно со всей наглядностью продемонстрировать разительное противоречие между благами обещаниями, с одной стороны; и конкретной практикой — с другой.

— Я надеюсь, что в преддверии очередной Конференции по человеческому измерению СБСЕ, которая состоится в Москве в сентябре этого года, такой процесс мог бы ускорить законодательное решение проблемы.

Тем временем следствие по делу Александра Пронозина продолжается. С него взята подписка о невыезде. Его адвокатом согласился быть Генри Резник, член Московской Хельсинкской группы.

Дед-буденовец и зять-кадет

Если бы нашелся
у нас сегодня
свой Моисей
и взялся уводить
от рабства...

Иван
Елистратов

Многие, если не большинство, считают, что большая политика куется где-то там — на кремлевских и краснопресненских трибунах. И с тревогой, волнением и иступлением следят за теле-трансляциями с сессий и съездов. И ведут себя наподобие футбольных болельщиков (никаким другим опытом эмоционального сопереживания мы не обладаем!): вот сейчас Алкснис пройдет по правому... Вот — подал, прямо на трибуну: кто там «в голу»? Шеварднадзе? Ох, не возьмет — либерален больно... Нет, глянь, отбились, по левому краю Белозерцева в контратаку бросили. Пройдет или нет? Мурашеву паснул — этот сейчас врежет...

И утром, как сомнамбулы, бредут на работу, огорчаясь очередной ничьей. Потому что Тихонов так и не убедил трясущегося от предчувствия капитализма Сухова в том, что строй, при котором он живет, вообще не имеет названия. А Язов так и не сумел доказать Болдыреву, что армия должна защищать именно социалистический выбор, а не географическое пространство, где имеет несчастье проживать тот самый народ, с которым она, армия, едина...

И мало кто задумывается над тем, что демаркационная линия политической борьбы протекает не через ряды кресел с кнопками, нет — через кухонный стол! Домашний, мирный, с прорезанной и истершейся клеенкой и старинной сахарницей на углу. И весь наш перестроечный плюрализм, выплеснувшийся на страницы газет, экраны ТВ, на трибуны и площади, — он выковался и окреп вот здесь, за этим столом...

Самое сложное — здесь, в семье. Самое трудное — издеваться над беспомощными экономическими программами коммунистов в присутствии отца с полувекowym партстажем, и самое неблагоприятное занятие — доказывать сыну, социал-демократу, что он не кто иной, как «запроданец» и «очернитель» славной нашей истории.

Со своими родителями я вижу, к сожалению, лишь несколько раз в году, и каждая поездка к ним «на кухню» в обязательном порядке сопровождается политическими схватками.

В качестве самого могучего аргумента глашатаи грядущего «освобождения» приводят легенду о Моисее, сорок лет водившем по пустыне как стадо баранов еврейский народ, пока, стало быть, не умер последний родившийся в рабстве. Пример яркий. Но к нам, увы, неподходящ. Ибо те евреи, очевидно, обладали огромным запасом человеколюбия и милосердия, ежели ждали сорок лет, а не решили проблему в ускоренном темпе: перебили бы тех, кто в рабстве родился, да и сэкономили бы лет эдак 15–20... Увы, глядя на бесчисленные лозунги — «Долой!», «В отставку!», «На свадьку!», «К позорному столбу!», «Промеха не бу-

дет!», что-то слабо верится в наше долготерпение.

И все-таки жить нам вместе. С дедом-буденовцем, с тещей-сталинкой, с зятем-кадетом, с внуком-монархистом и женой-нейтралом, все больше склоняющейся к абсолютной тирании ввиду вашей зарплаты, соразмерной лишь с ее, жены, пониманием истинной нищеты...

Не спорю — с отцом мне повезло, поскольку он коммунист с полувексовым стажем как членства в КПСС, так и парторбату. Но именно он мне давно уже говорил вещи, за которые, будь я Павлом Морозовым, ему как парторботнику могло бы очень даже не поздоровиться тогда, а в партии Полозкова — и сегодня. И, слыша речи о необходимости суда над партией, я все же не пойму: а кого конкретно судить-то будем? Доживающего свои последние дни Кагановича? Больших наших покойников? Самых себя — «членов» и «кандидатов», до сих пор с отращиванием вспоминающих тупое лицо председателя районной парткомиссии, уже при первом собеседовании глядевшего на вас как на потенциального врага народа, диссидента и антисоветчика только потому, что вы — журналист или научный сотрудник?

Или — моего отца, к которому уже на десятом пенсионном году после четверти века работы секретарем парткома идут люди за советом и помощью, помня, что был он скорее попом (при отсутствии церкви в поселке), чем партийным чиновником...

Мама у меня беспартийная, образование — семь довоенных классов, дальше было никак — война, дети. Она — такое же дитя эпохи (седое уже, конечно), как и все мы. И если кто-то из депутатов любой фракции желает «сходить в народ», пусть придет к моей маме. Весь спектр политических взглядов этого самого народа, о котором все так сильно пекутся, раскроется перед ним.

Он узнает, что она, как миллионы ее соотечественниц, трепетала при каждом сообщении о вводе в строй новой американской подлодки (не зная, естественно, что у нас в это время вводятся три — на одну). Он узнает, что она горько плакала от жалости, глядя на вьетнамских детей, пострадавших во время боевых действий американцев (о детях, пострадавших во время наших боевых действий в Афгане, она не знает — не показывает ТВ!). И что при Брежневе было лучше, и уж кому-кому знать об этом, как не ей, обвешанной сегодня талонами-купонами... И что, не дай бог, сегодня отдать людям землю — опять будут драки до смерти на

межах, как было после революции, и в нашем роду есть убитые на этой войне «огородного значения»...

И даже о том, что мы «потеряли наши соцстраны», тоже услышит депутат. Так нас воспитали всех. И наконец: «Лишь бы войны не было!»

Легко ли вести политические дискуссии с таким соперником?

Нелегко. И — не надо.

На чем вы постройте систему доказательств в споре? На знании приоткрытых (достаточно лениво и с презрительной ухмылкой) разных парт- и КГБ-архивов? Мама моя их в жизни не видела и не увидит, и ей это не надо. Она собственной шкурой ощущала эту жизнь — какой бы она ни была.

Она без всяких архивов расскажет вам, кого и когда «забрали», хотя и не знает за что. «Враги народа» — и все тут. Она расскажет вам, как выглядит настоящее, вражеское фашистское нашествие, и знает, что страшнее этого ничего не бывает, поскольку прожила совсем подростком «под немцем» бесконечные три года в Виннице, где оккупанты вели себя оголтело, как нигде: знаменитый «Вервольф» — ставка Гитлера — находился всего в пятнадцати километрах от города. Я бывал там — на развороченных взрывами руинах, и лицезрел сохранившийся в основном плавательный бассейн, который, по слухам, принимал Еву Браун; и ездил по проложенным немцами автодорогам, так и не разрушившимся через много лет после войны. Но это — потом. А маму, 14-летнюю девочку, трижды выводили в одной ночной сорочке на снег во двор дома — на расстрел. Расстреливали каждого десятого, и она дважды была девятой, а когда роковой счет пал на нее, с ней втихаря от немцев поменялся местами мужик, имени которого она не знает — не назвался.

Не хочу расписывать дальше — судьба моей матери похожа на миллионы других судеб, были и страшнее. Легко ли победить такого человека в политической дискуссии?

А я и не побеждал. Я спросил: «Мама, а почему так рано умер дед? В 36 лет?»

А был мой дед... (прости, Господи, и сохрани — от парткома, от райкома, от РКП) был он владельцем 8 гектаров земли и леса. Держал свою лавку в деревне, ездил в Крым за солью — на волах! Были в хозяйстве коровы, овцы, лошади, воли и все остальное. Бабушку выдали за него замуж как за состоятельного жениха. Хозяйство вел исправно. Было уже семеро детей, когда случилась коллективизация. Тогда у деда забрали в одночасье все — и скотину, и зерно, и лес, как ни сопротивлялась бабушка. Как вылезла семья из го-

лода, начавшегося вслед за великим скачком в социализм, надо бы у бабушки спросить, да теперь никак — умерла десять лет назад, за девятьюсто ей было. А зря не спросил. Зря!

Так должен я быть верен выбору своего деда? Или я в таком случае должен помереть, как он, в расцвете лет, ибо так и не сумел дед осознать в полной мере «величие» коллективизации. Для него выбор под прицелом нагана — не выбор. Он умер через год после того, как лишился земли и скота, деятельная натура его не выдержала прелестей «гуртового» колхозного труда, сдало сердце, и он умер. В 36 лет!

Говорят, история не имеет сослагательного наклонения и к ней нельзя подходить с мерками «если бы да кабы». Мама прожила ту жизнь, которая случилась, — другой не было.

Но — «если бы»... Если бы не было Великой Октябрьской... И не случилось бы околдовывания нашей жизни. И дед, развывая свое дело, обеспечил бы семье безбедное существование. И маме, обладающей незаурядными способностями к рисованию и шитью, не пришлось бы в школе рисовать на обрывках оберточной бумаги, наверняка удалось бы выучиться и обрести иное, более достойное место в жизни, хотя она и сейчас на свое не жалуется. А может, не было бы и войны? И ее с подругами не расстреливали бы полусонных по ночам, и мой отец, вместо того чтобы рисковать жизнью во время боевых вылетов на замечательном бомбардировщике «Бостон», учился бы где-нибудь в университете... Разве эта так и не посетившая нас жизнь была бы хуже той, которую мы имеем сегодня?

Так я и сказал маме.

И она, ненадолго призадумавшись, вспомнив, очевидно, что-то свое, вдруг сказала:

— А-таки правда. Хуже бы не было, — и этим сказала все.

Признаться ей в этом было непросто. Она свято верит в то, что пишут газеты, и ей сегодняшней плюрализм непонятен: «Так кто же из них брешет, интересно?» И считает мама, что живет и сегодня хорошо: «Огород есть, куры есть, что еще надо? А пенсия на хлеб хватит»...

А я, глядя на то, сколько труда она вместе с отцом вкладывает в этот огород и в обихаживание внуков, зная, какая у них пенсия и какое здоровье, — думаю: ну зачем, зачем мы так верны своему выбору? И если бы нашелся у нас сегодня свой Моисей и взялся бы нас увести от рабства, не меняя в корне экономических отношений, — ох, немногие из родившихся «свободными» добрались бы до светлого будущего: не хочет расти хлебушек в колхозной пустыне...

Почем нынче валенки в Европе

Виталий Ганюшкин

Объяснительная записка.
На очередном XXII чемпионате мира по фигурному катанию мною был допущен проигрыш титула чемпиона канадцу И.Моргану на 3,5 очка.

В связи с этим могу сообщить следующее.

К XXII чемпионату мира я подошел с результатами, близкими к показательным. У И.Моргана в программе было всего 6 экселей, у меня же 9,5. Что касается стринусов, то, в отличие от соперника, имевшего в программе 18, вся моя программа состояла из стринусов (за исключением вышеуказанных 9,5 экселей) плюс несколько фольклорных вставок.

Сбой во время моего выступления произошел по техническим причинам — ввиду преждевременного (а вернее — с опозданием) введения музыкального сопровождения. Вся моя программа готовилась под рок-музыку (с учетом аудитории Игр, проходивших в столице одного из ведущих капиталистических государств Запада). Однако уже в стране пребывания музыкальное сопровождение руководством сборной было изменено. Правда, накануне моего выступления, а не перед.

Разъясняя мне эту перемену, тренер сказал: «Перед тобой было засилье ихней западной рок-музыки. Нас задавили. Надо ввести что-нибудь наше. Надо переломить настроение публики в нашу пользу... Это можешь сделать только ты, Боря!»

Диктору об изменениях сообщить не успели (нашего переводчика повезли с группой в ближайший супермаркет — вроде нашего ГУМа, только там купить можно). Он и объявил: в сопровождении рок-группы «Секс-лав». А вдарили «Валенки» (Лидия Русланова).

У меня с места эксель идет, а с валенком было не развернуться.

Я тут впрыскал пошел. Но все же старался держать хореографическую программу: из валенка вышел штопором и сразу взвился «хорошо служить в пехоте». (Они-то не поймут, что пехотой не больно-то взовьешься — сам служил, знаю!) Им-то экселя подавай!

Только приземлился на лед, а тут наша ядрёная (сам-то я из Сибири) «почесуха» пошла. Ну, тут я вспомнил родную свою околицу, пельмени наши сибирские, просторы да как врезал им тройной тулуп с почесыванием о борт — они и ахнули. А я уже настроился на свое, родное. Оно и лучше — рокеролов этих я и на сборах у нас в Елабуге не усекал. Главное-то делать чего говорят, а музыка — она сама пойдёт...

Дальше шла лирическая часть. Босс, какой-то ихний композитор, говорили (переводится — хозяин), Порги, там, и фамилия какая-то на манер студебеккера. Ну, вот. А дали-то вместо Босса нашу «Эй, ухнем!» Но тут меня не собьешь — у меня отработано... Я им тут бурлаков на Волге — каскад художественных падений. Падаю и падаю. С

устатку как бы. Баржа вроде бы за мной тяжеленная, труд рабский, проклятое прошлое... Падаю и плачу, падаю и плачу. А публика ревет навзрыд...

И тут плавно так «Эй, ухнем!» переходит в «не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Ну, тут уж все ясно: я и комсорг команды, и в ряды когда-то принят был единогласно. И тут я от того усталого падения сразу бодрость духа даю. В глазах у меня — комсомольский огонек, движениям придаю спортивные ритмы: нам нет преград ни в море, ни за границей... Ну а льды и облака — семечки. Я тут им такой тумберон завернул с выходом в плотные слои атмосферы, что лед этот ихний, не нашенький, проломил, когда приземлился. (Потом оказалось — какую-то трубу им повредил, отчего и неустойка пошла.)

Публика — в полном кайфе. Смотрю, уже милиция (полиция, по-ихнему) разгонять взялась. Ну, думаю, знай наших! И тут как подгадали — мою любимую врубили «Хаз-булат удалой». Вспомнил я это: «...дам коня, дам казну, а за это

за все ты отдай мне жену»... Ну, думаю, покупают за свои франки-доллары эти. А жена — Родина, выходит. Ты отдай им, мол, за франки-доллары. Ну, я им и «отдал». Сделал разгонный круг и тут — прямо мне в глаза по бортику: «сейка-симун», реклама ихняя, империализм, в общем...

По программе мне тут выходило двойной эксель-моксель с выходом в либио делать. Пошел я на него, а перед глазами эта «сейка». И тут еще как раз в радио: «...а за это за все ты отдай мне жену».

Ну, думаю, щас отдам — держи карман шире! И прямо из этого эксель-мокселя коньками вперед врубился в «сейку». Ушел в нее (в борт) вместе с «Валенками», какие как раз опять врезали. Еще и свет, помню, погас, а народ совсем голову потерял. «Валенки — валенки!» — скандировал...

Вот и три очка проигрыша... А выигрыш идеологический? Прошу учесть.

Экс-чемпион мира
Борис Барабуля

Рисунок В.Солдатов

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Тарифы
нашей
рекламы
в русском
издании

Готовьте
свою
рекламную
кампанию
заранее

«Новое
время»
выходит
на русском,
английском,
немецком и
итальянском
языках

3-я обложка
формата
205x280
цветная
10000 руб.

4-я обложка
формата
205x280
цветная
15000 руб.

Внутренняя
полоса
формата
184x249
(целая полоса)
черно-белая
6000 руб.

Половина
внутренней
полосы
формата
125x184
черно-белая
3000 руб.

2 колонки
внутренней
полосы
формата
128x249
черно-белая
4000 руб.

1 колонка
внутренней
полосы
формата
64x249
черно-белая
2000 руб.

«Подвал»
внутренней
полосы
формата
64x184
черно-белая
2000 руб.

«Квадрат»
внутренней
полосы
формата
128x128
черно-белая
2000 руб.

Так можно расположить рекламу на наших страницах

НОВОЕ
ВРЕМЯ

DESIGN

Звоните нам по телефону 209-92-82 или пишите по адресу:
103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл.
Наши эксперты, художники, фотографы — к Вашим услугам!

- строительство медицинских спелеокомплексов
- эффективная профилактика и лечение аэрозолью
- внешнеэкономические операции
- грузоперевозки в Европе
- издательство, кинопрокат, торговля

Обращаться по адресу: СССР, 229700, Литовская Республика,
г.Лиепая, ул.Кайю, 12/14
Коммерческая фирма Константина Бугаева HELP
Тел.: 232-78;
факс: 0107 01334 23278

